

ΑΒΑΡΙΣ

2004

"Αβάρης

АБАРИС

ЖУРНАЛ ДРУЗЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ГИМНАЗИИ
(ШКОЛЫ № 610)
выходит один раз в год

Редакционная коллегия: О. В. Бударагина, В. В. Зельченко,
В. С. Синельников
Компьютерная поддержка: А. Ю. Тропин
Эмблема журнала: Елизавета Дмитриева

№ 5 (2004)

Адрес редакции: 197198, Санкт-Петербург, ул. Красного Курсанта, д. 6/9

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	1
<i>Д. В. Панченко.</i> История Скилака из Карианды	2
<i>А. Петрова.</i> Путешествие к центру земли	5
<i>О. В. Бударагина.</i> Латинские надписи в Петербурге	7
<i>Н. М. Ботвинник.</i> Латынь из моды вышла ныне?	9
<i>Т. О. Каменева.</i> Фонд поддержки классического образования "Анабасис": Первые итоги	11
<i>А. Э. Хаусмен.</i> Африканский лев. Переводы <i>М. Стажеровой, А. Дистеля, В. А. Дымищица</i>	12
<i>П. Васильев.</i> Первые попытки плавания вокруг Африки	13
Заседания кружка "Классика" в 2003/2004 учебном году	20
<i>Г. Яминова.</i> Мариупольские греки и все-все-все	21
610.ru. <i>Интервью с С. Чистовичем, Д. Кобаком, А. Дистелем</i>	24
<i>Г. Воробьев.</i> Разговор Канта с античными философами о морали	26
<i>С. Чистович.</i> Овидий. <i>Tristia IV, 7: Вариация</i>	28
<i>К. Корешков.</i> Дым отечества: О судьбе одного крылатого выражения	29
ГИМНАЗИЧЕСКИЙ ТЕАТР: "Вишневый сад"	38
<i>Дион Хризостом.</i> Ахилл. Перевод <i>М. Шляхтер</i>	42
<i>Л. Бушмакина.</i> Математический клуб "ΕΡΑΤΟΣΘΕΝΗΣ"	45
<i>Д. Малкин.</i> Математик среди географов, географ среди математиков	45
<i>А. К. Гаврилов.</i> Ветреная Геба	48
AD ABSURDUM!	52
<i>V. Z. Paedagogus et ursus: Fabula Phaedriana</i>	53
Посвящение Сильвану. Переводы <i>Д. Кулешовой, А. Сысоевой, Д. Кобака,</i> <i>М. М. Позднева, А. Ю. Енбековой</i>	55
<i>М. Ермолаев.</i> Странствия Эльдада а-Дани	56
Список выпускников Санкт-Петербургской классической гимназии (2003 г.)	59

На первой странице обложки: сцена из спектакля "Вишневый сад"

(Фирс — Андрей Олейник, 9 класс). Фото *В. М. Яроша*

На четвертой странице обложки: рисунок Алексея Глебова, 5 класс

От редакции

Исследователи древнегреческого общества давно отметили одну его характерную черту: говоря научным языком, эллины отличались “высокой горизонтальной мобильностью”, а попросту — были удивительно легки на подъем. Поиск лучших земель, торговая и политическая выгода, возможность интересной работы, любопытство увидеть и исследовать новые страны, а то и просто желание сменить обстановку сплошь и рядом побуждали их покидать насиженные места и пускаться в небезопасные странствия. Самосец Пифагор, недовольный установившейся на его родине тиранией, переправляется за море — в южную Италию; философ Анаксимандр из Милета возглавляет организацию колонии на черноморском берегу; лесбосского поэта Алкея длительные скитания заводят в Египет... Уже в римскую эпоху, обозревая биографии своих великих соотечественников, Плутарх подытожил (De exil. 604 D; пер. А. И. Зайцева): “Из самых разумных и мудрых людей ты найдешь немногих, которые женились у себя на родине; большинство же без принуждения с чьей-либо стороны, подняв якорь, отправили в плавание свою жизнь и переселились — одни в Афины, другие из Афин...”

Греки не были самым сведущим в мореплавании народом древности (в этой области они многому учились у финикийцев); однако греческая “охота к переменам” привела к очень важным результатам. Не в последнюю очередь именно богатый опыт путешествий, знакомство с обычаями разных племен очень рано подтолкнули эллинов к осознанию относительности явлений культуры, к пониманию того, что мир и человек равно многообразны и изменчивы, — иначе говоря, выработали у них то обостренное ощущение истории, благодаря которому они и стали отцами современной цивилизации.

В силу этих и других причин мы решили посвятить очередной выпуск “Абариса” путешествиям и путешественникам. Как известно, гимназисты — народ дотошный и критичный; поэтому их статьи, которые вы прочтете в этом номере, пестрят вопросами: в самом ли деле древним удавалось обогнуть Африку, верно ли представлял себе Эратосфен расположение горной цепи Тавр и видел ли Эльдад а-Дани пропавшие колена Израилевы? Есть под нашей обложкой и рассказы о современных путешествиях, совершенных одиннадцатиклассницей Александрой Петровой и выпускницей Гульназ Яминовой с одинаковой целью — в поисках греков; и если одну из них эти поиски привели в Афины и Дельфы, а другую в деревню Старый Крым под Мариуполем, то это, должно быть, потому, что Эллада у каждого своя.

Не стоит забывать, что главная часть любого путешествия — возвращение домой: в лежащем перед вами выпуске об этом напоминает поговорка et fumus patriae dulcis, исследованная Константином Корешковым, и стихи томившегося в альпийской глуши римского прокуратора II в. н. э., которые были предложены для ежегодного конкурса переводов. И то правда — дома тоже есть на что посмотреть: прошедший учебный год был одним из самых интересных за всю историю гимназии. В школе разом открылись множество новых кружков и факультативов (об одном из них — математическом клубе “Эратосфен” — мы рассказываем в этом номере, о других надеемся рассказать в скором будущем); начал действовать Concursus alumnorum, на встречах которого выпускники делятся друг с другом своими научными и профессиональными достижениями; гимназический театр показал зрителям очень значительную работу — “Вишневым сад”. И самое главное: усилиями нескольких отважных выпускников, поддержанных фондом “Анабасис”, наша школа обрела свой сайт — 610.ru. Теперь те, кто не знают о гимназии ничего, смогут наконец удовлетворить свое любопытство, а те, кто знают о ней все, — поделиться своим знанием с другими. Собственно говоря, и наш журнал создавался когда-то именно с этой целью.

Д. В. Панченко

История Скилака из Карианды

1.

Среди греков были великие путешественники, но не было знаменитых. Греки воспитывались на рассказах о деяниях мужа, который “многих людей города посетил и обычаи видел”, они запомнили горделивые слова Демокрита “Я объездил больше земли, чем кто-либо из современных мне людей” — однако мореходам, плававшим в неизвестных доселе водах, первооткрывателям, проникшим в незнакомые страны, греческие писатели уделяли мало внимания: вся слава такого рода доставалась Гераклу, Дионису или же Александру. Древние писатели упоминают о путешественниках мимоходом, и нам, как правило, остается лишь зарегистрировать имена и основные достижения.

Два уроженца Массалии (ионийской колонии, на месте которой впоследствии вырос Марсель), Евтимен и Пифей, в разное время исследовали Атлантику. Евтимен (ок. 500 г. до н. э.) продвинулся на юг вдоль нынешних Марокко, Западной Сахары и Мавритании — далеко за Северный тропик. Он добрался до устья большой реки, в которой водились крокодилы, — то есть Сенегала. Пифей примерно в то время, когда Александр покорял Восток (334–324 гг. до н. э.), двинулся на север. Проплыв тысячи километров вдоль европейского побережья, почти еще не затронутого цивилизацией, Пифей достиг вод, омывающих Скандинавию.

Индию открыл Скилак, выполняя поручение Дария Великого (521–486 гг. до н. э.); он же совершил морской путь от Индии до Египта. Много позднее, в первой половине II в. н. э., некто Александр вышел через Малаккский пролив в Южно-Китайское море; он достиг берегов Индокитайского полуострова и, может быть, южного Китая. В плавание он, вероятно,

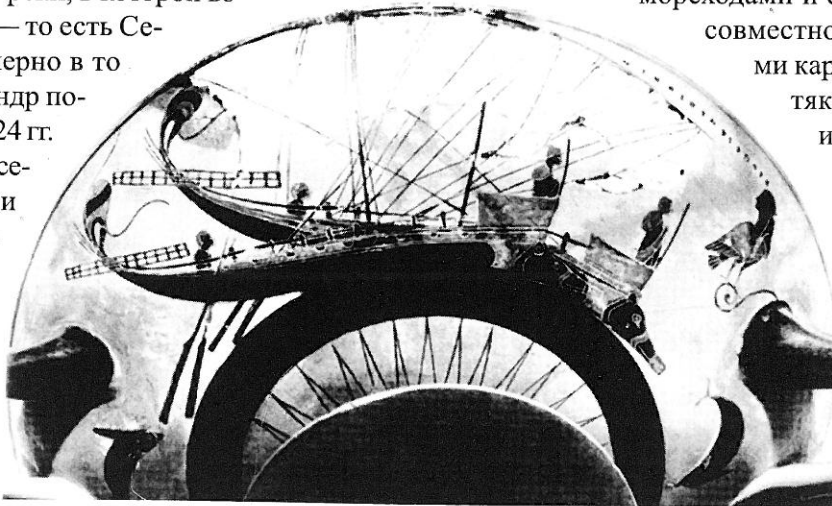
отправлялся из Индии, к тому времени вполне освоенной греческими и римскими купцами.

Эти четыре путешественника по праву могут считаться великими, но лишь из сообщений о двух из них — Пифее и Скилаке — мы можем извлечь какие-то подробности, позволяющие характеризовать их индивидуальность. Мой рассказ о Скилаке.

2.

Скилак из Карианды, собственно, не был греком. Он был уроженцем Карики — приморской области Малой Азии, расположенной на левом берегу Меандра. Часть прибрежной полосы у карийцев отобрали греки; здесь возникли Милет, ставший виднейшим городом Ионии, и дорийский Галикарнас, откуда родом был Геродот, сам наполовину кариец. Первоначально отношения между двумя народами были, по-видимому, враждебными, но к VI в. до н. э. они научились не мешать друг другу. Многие карийцы, как и греки, были мореходами и солдатами удачи. Так,

совместно с ионийскими греками карийцы составляли костяк армии фараонов Сакисской династии. После 547 г. до н. э., когда Крез перешел через реку Галис, тех и других постигла общая судьба: весь Малоазийский полуостров, включая побережье, вошел в состав державы персов. В культурном отношении карийцы оказались

Греческие галеры. Ок. 530 г. до н. э.

под сильным влиянием своих соседей. Не будучи греком, Скилак стал греческим писателем. Впрочем, нас будет преимущественно занимать его практическая, а не литературная деятельность. О ней мы слышим от Геродота. Сообщение историка предварим напоминанием, что Ливией греки называли Африку.

Остров Тапробана по Птолею
Из латинской рукописи XV в.

Большая часть Азии стала известна при Дарии. Царь хотел узнать, где Индийская река впадает в море (ведь это единственная река, кроме Нила, где также водятся крокодилы). Дарий послал для этого на кораблях кариандинца Скилака, а также других людей, в чью правдивость он верил. Они отправились из города Каспатира в Пактии и поплыли на восток вниз по реке до моря. Затем, плывя на запад по морю, на тридцатом месяце они прибыли в то место (как я сказал выше), откуда египетский царь послал финикийн в плавание вокруг Ливии. После того как они совершили это плавание, Дарий покорил индийцев и стал поддерживать мореходство на этом море. Так было выяснено, что и Азия (кроме ее восточной стороны) подобно Ливии окружена морем (IV, 44; пер. Г. А. Стратановского с изменениями).

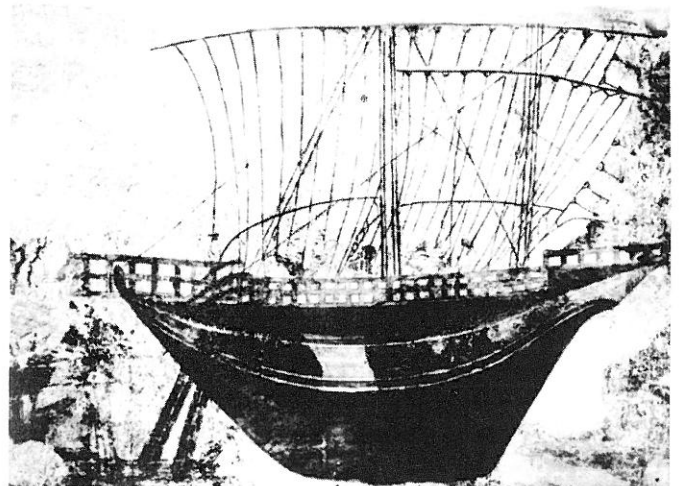
Мы не поверим Геродоту, что экспедиция была организована в исследовательских целях, но то, что Дарий подчинил своей власти каких-то индийцев, следует из надписей, высеченных по его приказу. Подтверждение словам Геродота дает также надпись Дария, в которой он гордится тем, что по его повелению был прорыт канал, соединивший Нил с Красным морем, так что корабли поплыли из Египта в Персию. На основании ряда источников мы можем с большой долей уверенности отнести экспедицию Скилака к 518–515 гг. до н. э. А вот маршрут ее вызывает споры.

Под “Индийской рекой” более поздние, чем Геродот, писатели разумеют Инд, однако Инд течет совсем не на восток, а на юг, отчасти даже на юго-запад, тогда как в восточном направлении несет свои воды к морю другая индийская река — Ганг. То или иное решение вопроса о том, по какой реке спуска-

лись к морю Скилак и его спутники, существенно меняет представление о масштабе экспедиции.

Такие имена, как “Индийская река”, не обязательно раз и навсегда находят однозначное приложение. Античные авторы порою говорят об Инде то, что в действительности относится к Гангу. Гиппарх видел древние карты, на которых “Индийская река” была показана текущей в юго-восточном направлении — как течет Ганг. Аристотель противопоставлял Нил, пересекающий множество параллелей, индийским рекам — и это опять же лучше подходит Гангу с его притоками, нежели Инду и рекам Пенджаба. Поздние греческие и римские писатели — те, что не сами добирались до Индии, а использовали накапливавшиеся веками сообщения о ней, — рассказывая о стране к востоку от Инда и пытаясь помочь читателю составить представление о размерах индийских рек или городов посредством отсылок к знакомым рекам и городам, нередко делали это так, будто обращаются к читателю, живущему не в Александрии или Риме, а в Кари, Милете и на прилегающих островах — как это делал бы Скилак и его современники. Онесикрит, один из офицеров Александра, располагал сведениями об условиях плавания в Бенгальском заливе от материка до острова Тапробаны (Шри Ланка или, может быть, Суматра), величину которого он характеризовал в греческих стадиях; однако воины Александра и близко не подходили к восточному побережью Индии.

В статьях, опубликованных в журнале *Hyperbo-reus*, я привел эти и другие доводы, подводящие к заключению, что экспедиция Скилака была еще более изумительной, чем это принято думать, что Скилак и его спутники пересекли всю Индию, проплыли вдоль ее восточного берега начиная от устья Ганга, увидели огромный остров Шри Ланку, обогнули мыс Кумари — словом, совершили плавание вокруг всего индийского субконтинента, а затем еще доплыли и до Египта. В Ин-

Греческое двухмачтовое судно
Настенная живопись начала V в. до н. э.

дийском океане дуют муссоны, способные задержать корабли на многие месяцы; мели и рифы подстерегают во многих местах; многие берега пустынные и безводны. Неудивительно, что все предприятие заняло два с половиной года и что пройдет еще полтысячелетия, прежде чем морской путь, соединяющий Индию и Египет, будет прочно освоен.

3.

Из всех уроженцев ионийско-карийского побережья, возможно, только двое людей по-настоящему представляли себе грандиозность размеров Персидской империи — Скилак, подготовивший ее расширение на восток, и Гекатей из Милета, прославившийся своим изучением ближних и дальних стран. Гекатей написал “Описание земли”, а Скилак — “Описание морских берегов”. Оба сочинения утрачены. Впрочем, Гекатей много цитировали позднеантичные составители словарей, а вот от произведения Скилака уцелело лишь несколько незначительных фрагментов. Итак, оба хорошо понимали, сколь велика власть царей, подданными которых они были. И когда правитель Милета Аристагор сообщил Гекатею о своем намерении поднять восстание, тот посоветовал этого не делать. Аристагор выбрал, однако, бороться за общую свободу, и тогда Гекатей вошел в число лиц, с кем руководитель восстания советовался относительно плана действий.

Нам неизвестны причины, побудившие Аристагора к выступлению. Одну мы можем исключить — неосведомленность относительно масштабов могущества Дария. Когда Аристагор прибыл в Спарту просить о помощи, он привез с собой карту мира, начертанную на бронзовой доске. Это была диковинка — одно из поразительных достижений ионийской науки. Спартанские власти, ознакомившись с соотношением сил, велели Аристагору покинуть город до захода солнца.

Незаметно снарядить флот — опору будущей войны — было невозможно. Тогда Аристагор увлек персов планом захвата острова Наксос при помощи греческих кораблей. Персидский наместник Артафрен по согласованию с Дарием поставил Мегабата, который обоим приходился двоюродным братом, руководить экспедицией против Наксоса. Остров, разумеется, захвачен не был, а восставшие с помощью снаряженных кораблей вмиг получили преобладание на

море. Во время этой кампании произошел эпизод, о котором Геродот сообщает следующее.

Обходя однажды сторожевые посты на кораблях, Мегабат на одном миндийском корабле вовсе не нашел стражи. В яростном гневе он приказал телохранителям схватить капитана этого корабля, по имени Скилак, связать его и просунуть через бортовой люк таким образом, чтобы голова торчала снаружи, а туловище находилось внутри. Когда Скилак был уже связан, кто-то сообщил Аристагору, что Мегабат, мол, велел связать его гостеприимца из Минда и подвергнуть позорному наказанию. Аристагор явился к Мегабату и стал упрашивать простить Скилака. Но перс оставался неумолим, и тогда Аристагор пошел сам и освободил Скилака (V, 33; пер. Г. А. Стратановского).

Как мы узнаем из “Географии” Страбона, Кариандой назывался остров, расположенный рядом с Миндом — одним из наиболее значительных городов Карики. Выразительна и строчка в словаре Стефана Византийского: “Карианда — город и одноименная гавань вблизи Минда и Коса”. Минд и Карианда могли в определенное время представлять

одно политическое или, по крайней мере, административное целое, и Скилак из Минда запросто может быть тем же лицом, что и Скилак из Карианды. Если мы примем в соображение публично заявленные отношения дружбы (“гостеприимства”) между капитаном корабля и правителем богатейшего и многолюднейшего из городов всего малоазийского побережья, наше подозрение должно превратиться в уверенность: перед нами знаменитый Скилак, и он, как и Гекатей, вместе с Аристагором. Многие карийцы будут сражаться во время восстания вместе с милетянами.

Что же касается Аристагора, то он понял борьбу за свободу так, как, по-видимому, никто до него в мировой истории. Он начал с того, что отказался от соб-

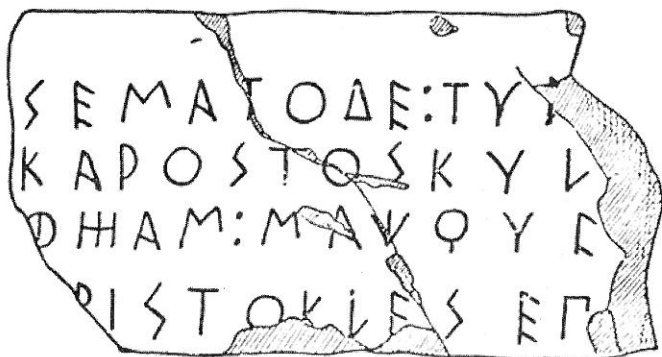

ственной власти над согражданами, и стал содействовать установлению демократии в Милете и других городах Ионии. Речь шла о том, чтобы все жили в равенстве перед законом (исономия) и не подчинялись ни чужеземным царям, ни своим местным тиранам.

Пять лет спустя, в 494 г. до н. э., все было кончено. Аристагор погиб, Милет разрушен, жители уведены к берегам Персидского залива. Иония и острова были разорены. Эпоха культурного лидерства ионийских греков завершилась. Эстафета перешла к Афинам: они сумели победить персов.

Скилак пережил восстание. Он написал биографию (или что-то вроде того) своего соотечественника Гераклида, правителя Милас. Из рассказа Геродота об ионийском восстании известно, что Гераклид был военачальником, заманившим в засаду и уничтожившим войско персов. Из папируса, опубликованного в 1906 г., мы также узнали, что в морском сражении при Артемисии (происходившем в те дни, когда воины Ксеркса пытались прорваться сквозь Фермопилы) Гераклид показал, как отразить некий искусный маневр финикийцев, — урок, извлеченный из горького поражения в морской битве 494 г.

Скилак после подавления восстания, вероятно, поселился там, где и подобало такому человеку, как он. В так называемой стене Фемистокла в Афинах — оборонительном сооружении, стремительно возводившемся из всех подручных материалов в 479 г., — была обнаружена погребальная стела. Надпись гласит: “Могила Ти[мна?], карийца, сына Скилака”. Прибавлена строчка, написанная карийскими буквами, и имя скульптора — Аристокл. Карийские письмена на могиле в Афинах — знак высокого самоуважения заказчика, основанного на уважении со стороны окружающих. Аристокл — известный мастер. Кто же отец погребенного в Афинах карийца, как не наш Скилак?

Рисунки Рудольфа Константинова, 5 класс
и Аси Воронковой, 9 класс

Александра Петрова

11 класс

Путешествие к центру земли

В апреле 2004 г. под эгидой международной ассоциации Euroclassica состоялась Пятая ежегодная олимпиада по древнегреческому языку для старшеклассников из европейских школ. Россию, которая участвовала в олимпиадах впервые, представляла Санкт-Петербургская классическая гимназия. Победителя и его учителя

ждала поездка в Грецию на церемонию награждения. С трудными заданиями (перевод без словаря отрывков из Еврипида и Диона Хризостома, а также обратный перевод на греческий нескольких арте dicta) лучше других справилась одиннадцатиклассница Александра Петрова — которая делится своими впечатлениями о трех днях, проведенных в Афинах и Дельфах вместе с преподавателем С. Э. Андреевой.

Мы прилетели в самый разгар жары, которая ощущалась даже сквозь стены аэропорта. Когда подошла наша очередь паспортного контроля, начались недоумения. Было совершенно непонятно не только где мы собираемся жить, но и зачем мы вообще сюда приехали. Объяснения не прояснили дела: слова “олимпиада по древнегреческому” повергли служащих аэропорта в шок. Их глаза округлились и изумленно зашелестели ресницами. За спиной нервничала очередь... Минут через десять-пятнадцать нас наконец выпустили в Афины. Все правильно, думали мы: в Пулково тоже не часто встретишь иностранцев, сообщающих, что они — победители конкурса по древнерусскому языку...

Первое впечатление в Афинах — пальмы. До этого я видела их только в оранжерее. А тут прямо на улицах растут, как тополя.

Церемония награждения состоялась в тот же вечер. Своей пышностью она напоминала советские мероприятия: в течение трех часов почтенные греческие

филологи по очереди произносили торжественные речи. Но при этом на их лицах сияла настолько искренняя радость, что не разделить ее было невозможно, и охватывало чувство счастья от того, что ты не зря существуешь в этом мире.

Греки вообще встретили нас с распростертыми объятиями. Кроме всего прочего, мы с Софией Эдуардовной оказались не только самыми маленькими, но и самыми молодыми в группе (в Европе никто не заканчивает школу в 16 лет, да и преподавать там начинают позже, чем у нас). Я за свою жизнь достаточно наслушалась *Oooh, and how old are you?* и *Oh, you look so young!*, да и София Эдуардовна, по ее словам, тоже. Но здесь... Каждый грек и каждая гречанка в группе, а также граждане других стран Европы не упускали случая обнять, умиленно глядя в глаза, или ущипнуть за щечку *little pretty Russian girl*. Мы почти сразу вжились в роль мягких игрушек. Говорящих. Причем по-русски. Греки играли в нас самозабвенно.

Наградив нас дипломами и кучей роскошных подарков, греки начали показывать нам свои бесчисленные красоты. Три часа в автобусе с обстоятельной экскурсией на греческом, английском, немецком и испанском — и мы в Дельфах. Все вокруг — горы, запах скошенной травы и ярких цветов, — опьяняет и поднимает настроение до абсолютной эйфории. К тому же — замечательный музей. Изобилие расписной керамики тонкой работы. Странно, но древние храмы, колонны и даже статуи оставили меня практически равнодушной, в то время как эти маленькие изящные штучки, на которых видны следы пальцев, мазки кисти, вызвали буквально священный трепет и восторг — подумать только, всё это делали древние греки своими руками! Еще мы удостоились чести увидеть пуп земли — то самое место, где встретились два орла, которых Зевс пустил навстречу друг другу с разных концов света. В древности оно было отмечено очень красивой мраморной резной скульптурой; теперь ее римская копия находится в дельфийском музее, а центр земли помечен “пупом” символическим, бетонным.

На следующий день мы вновь были в Афинах, где нам показали все возможное, включая изумительной красоты особняк Генриха Шлимана и здание Парламента со стражами в забавных национальных костюмах. Впечатления от Акрополя несколько смазались из-за дождя, толпы и общей усталости, но осталось ощущение чего-то внушительного и монументального.

Все мы были окружены не только теплом, вниманием и заботой, но и едой. Собственно в Дельфах мы пробыли полтора часа, но поездка длилась целый день, ибо по дороге туда — ресторан с видом на горы, по дороге обратно — ресторан с видом на Дельфы и кофейня с видом на море, а в Афинах — ресторан “У Сизифа” с видом на Плаку — средневековый район города с узкими улочками и магазинами. Сказать, что еды было много — не сказать ничего. Процесс питания занимал часа три. Но эти три часа не были потрачены зря.

Если говорить о самих греках, то больше всего бросается в глаза, что они не торопятся. Они никогда никуда не торопятся, так что порой почти не остается времени на сон. Греки необыкновенно открыты и всегда рады поделиться улыбкой своей со всеми вокруг; как сказала София Эдуардовна, “я никогда не думала, что в Греции так много греков”.

Признаться честно, и я, и София Эдуардовна существа не коллективные. Утомляет нас коллектив, особенно когда он нас так активно любит. Поэтому в день отъезда, под предлогом того, что пора собирать вещи, мы не поехали с остальными в планетарий, а пошли вдвоем гулять по Плаке. В одном из сувенирных магазинов, которых там очень много, нам довелось после трехдневного перерыва услышать родную речь. Продавец-грек шесть лет прожил в Москве, где изучал русский язык в университете имени Патриса Лумумбы. Он был несказанно рад нам, предложил выпить виски; мы отказались, и тогда он налил нам по стаканчику апельсинового сока, восхищенно повторяя: “Соня и Саша! Ну надо же! Соня и Саша!..” Это был самый настоящий праздник жизни, но нам пора было в аэропорт. Мы тепло попрощались и ушли, допивая сок. Шел дождь.

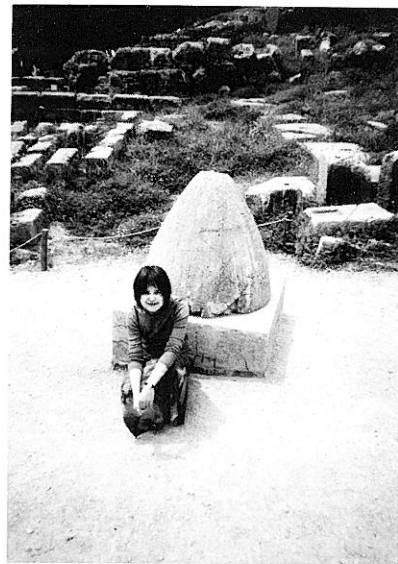

Фото: С. Э. Андреева

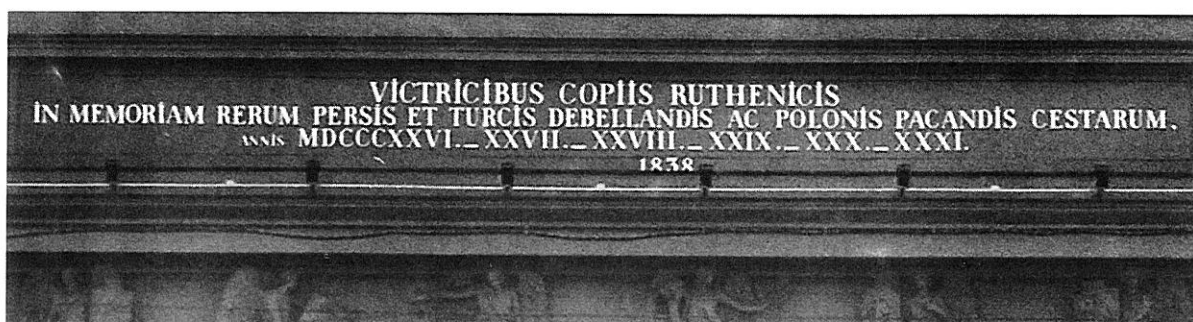

ЛАТИНСКИЕ НАДПИСИ В ПЕТЕРБУРГЕ

Преподаватели и ученики гимназии продолжают собирать корпус латинских надписей нашего города. Надписи 1–23 см. в “Абарисе” № 2 (стр. 25–26), № 3 (стр. 39–42) и № 4 (стр. 38–40). Редакция благодарит выпускника 2002 г. Дмитрия Барсова, который указал на два из приводимых ниже текстов и сфотографировал все надписи.

24. VICTRICIBUS COPIIS RUTHENICIS / IN MEMORIAM RERUM ET TURCIS DEBELLANDIS AC POLONIS PACANDIS C<=>ESTARUM[.] / ANNIS MDCCCXXVI–XXVII–XXVIII–XXIX–XXX–XXXI. / 1838. ПОБЕДОНОСНЫМ РОССИЙСКИМ ВОЙСКАМ, В ПАМЯТЬ ПОДВИГОВ В ПЕРСИИ, ТУРЦИИ И ПРИ УСМИРЕНИИ ПОЛЬШИ В 1826, 1827, 1828, 1829, 1830, 1831 ГОДАХ. 1838.

Латиноязычный вариант посвяtitельной надписи, украшающей аттик Московских триумфальных ворот, обращен в сторону Петербурга, а русскоязычный — в сторону Москвы. По разным версиям, ее текст принадлежит либо В. П. Стасову, архитектору проекта, либо лично Николаю I. Торжественная закладка ворот состоялась 14 сентября 1834 г. и была приурочена к пятой годовщине подписания Адрианопольского мира (“Трактата

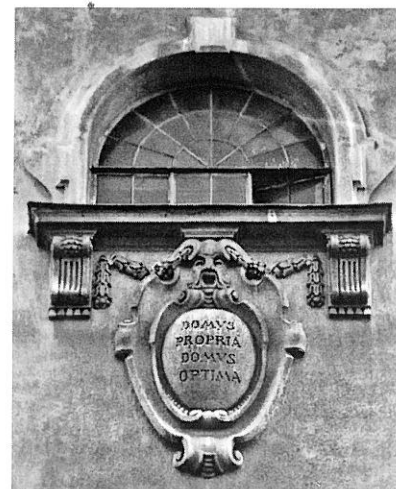
вечного мира с Турцией”). Всего месяц прошел с момента открытия Нарвских триумфальных ворот, в создании которых Стасов сыграл важнейшую роль. Там образцом послужили римские триумфальные арки, здесь архитектор избрал в качестве прототипа афинские пропилеи Мнесикла. Между прочим, именно апелляция к замыслу древнегреческого зодчего позволила Стасову отклонить настоятельные просьбы императора увенчать ворота скульптурной композицией с изображением Александра Невского. Сооружению ворот предшествовало изготовление деревянной модели в натуральную (!) величину, а в окончательном варианте архитектор остановился на чугуне. Строительные работы были завершены в 1838 г., и Московские триумфальные ворота стали самой большой на то время чугунной постройкой в Европе.

Судьба сооружения Стасова складывалась драматично. В 1918 г. решением исполкома Петроградского совета по соображениям политкорректности надписи на аттике были уничтожены. Позднее, в 1936 г., были разобраны и сами ворота, и работы по их восстановлению начались лишь два десятилетия спустя; что касается надписей, то их возобновили только в мае 2003 г.

25. DOMUS PROPRIA DOMUS OPTIMA (“Свой дом — лучший дом”).

26. DIES DIEM DOCET (“День учит день”).

Эти надписи находятся во дворе дома 46 по Литейному проспекту, построенного в середине XIX в. и известного как доходный дом архитектора А. Х. Пеля. Замечательный петербургский зодчий начала XX в. А. С. Хренов изменил облик здания, добавив дворовые корпуса и украсив фасад изящными медальонами (в том числе головой Афины Паллады, выполненной в технике майолики). В устной традиции за домом даже закрепились названия “Сен-Жермен“ и “Пале Руаяль”: в них запечатлелся некий французский шик, с которым организовано пространство двора. Очарование ему придает и уменьшенная копия решетки Летнего сада, делящая двор на две части.

Появление на фасаде латинских надписей связано со временем, когда доходный дом принадлежал семье нефтепромышленника П. О. Гукасова — т. е. с десятилетиями XX в. Афоризм № 25 восходит к басне Эзопа о Зевсе и черепахе (οἶκος φίλος οἶκος ἄριστος; *Aesop.* 108 Nausrath): такими словами черепаха объяснила свое отсутствие на свадьбе владыки богов, за что была навечно осуждена носить свой дом на себе. Латинский перевод этой фразы приобрел популярность в Европе, где стал одним из распространенных гербовых девизов (иногда слегка варьируясь: *domus mea domus optima* и *domus propria omnium optima*). Во многих современных языках мы найдем близкие по смыслу поговорки: ср., например, англ. *One's own hearth is worth gold*, фр. *Il n'est trésor que de vivre à son aise* или наше “В гостях хорошо, а дома лучше”.

Надпись № 26 представляет собой квинтэссенцию высказывания римского поэта-мимографа I в. до н. э. Публилия Сира — автора популярного сборника “Сентенций”, который широко применялся в школьном образовании начиная с античности: *Discipulus est prioris posterior dies* (“Следующий день — ученик предыдущего”; *Publil. Sent.* 123).

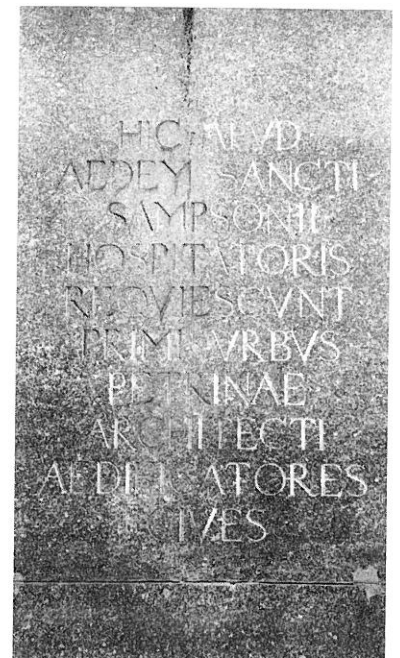
27. SALUS AEGROTI SUPREMA LEX (“Здоровье больного — высший закон”).

Эта фраза, являющаяся важным постулатом врачебной этики, читается на полу одного из корпусов Государственной медицинской академии им. И. И. Мечникова (Пискаревский пр., 47). По всей вероятности, она восходит к знаменитым словам Цицерона, выражающим главный принцип, которым должны руководствоваться римские консулы: *Salus populi suprema lex esto* (“Благо народа да будет высшим законом”; *Leg.* III, 3, 8).

За указание на эту надпись редакция благодарит А. Д. Еськову.

28. HIC APUD / AEDEM SANCTI / SAMPSONII / HOSPITATORIS / REQUIESCUNT / PRIMI URBU<= I>S / PETRINAE ARCHITECTI / AEDIFICADORES / CIVES. У Святого Сампсония Странноприимца нашли упокоение первые архитекторы, строители, граждане Санкт-Петербурга.

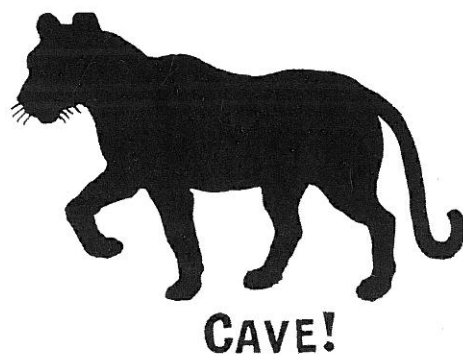
Эта надпись помещена на памятнике “Первостроителям Петербурга” работы М. М. Шемякина и В. Б. Бухаева. Русский вариант текста был предложен Ю. М. Пирютко, а перевод на латынь осуществили А. К. Гаврилов и С. А. Тахтаджян. Открытие памятника состоялось в 1995 г. на территории бывшего кладбища Сампсониевского собора на Выборгской стороне (угол Большого Сампсониевского пр. и Гренадерской ул.). На этом первом петербургском кладбище хоронили не только православных, но и “иностранцев”, в числе которых был первый архитектор города — Д. Трезини (1670–1734). Там же находилась могила еще одного петербургского “первостроителя” — П. М. Еропкина (1698–1740), который был фактическим руководителем “Комиссии о Санкт-Петербургском строении”, образованной в 1737 г.; за три года ее работы был создан проект планировки всех основных районов города. Работа Еропкина в комиссии оказалось непродолжительной, поскольку в 1740 г. он был казнен как участник заговора против Бирона. Среди утраченных захоронений была и могила ректора Академии художеств архитектора А. Ф. Кокоринова (1726–1772). К сожалению, монумент “Первостроителям Петербурга”, подвергшийся варварскому разграблению, до сих пор не восстановлен. Хочется верить, что нам не всегда придется лицезреть зияющий постамент и город вновь обретет свой памятник.

О. В. Бударagina
Фото: Д. Барсов

Н. М. Ботвинник

Латынь из моды вышла ныне?

Известно, как много слов, выражений и понятий, берущих свое начало из древнего Рима, вошли неременной составной частью в разные слои русской культуры. В каждом разговоре мы слышим и употребляем множество слов латинского происхождения, и это не удивительно: античность так долго была обязательной частью любого образования, что не только заимствованные слова, образы, сравнения, но и поговорки, восходящие к античной традиции, приобрели у нас права гражданства.

Латинские пословицы и крылатые выражения давно живут в русском языке самостоятельной жизнью: их общий смысл воспринимается из их употребления — так же, как и смысл любого другого фразеологизма. Ясно, что каждый человек, употребивший латинское выражение, адресует свои слова такому слушателю или читателю, который поймет их в том самом значении, в котором они были произнесены. Древние изречения, просуществовавшие много сотен лет, постоянно наполняются новым смыслом и конкретизируются в зависимости от обстоятельств, времени и места использования.

Составители многочисленных словарей крылатых латинских слов и выражений не стремятся, да и не могут зарегистрировать все случаи употребления того или иного изречения. Так, например, известный словарь Н. О. Овруцкого, выдержавший не одно издание, приводит, в основном, латинские выражения из трудов классиков марксизма-ленинизма, а замечательный во всех отношениях “Словарь латинских крылатых слов” Н. Т. Бабицева и Я. М. Боровского дает множество цитат из русской и иностранной художественной литературы, публицистики и научных работ. Существуют даже особые словари фразеологизмов, нужных, в основном, медикам или юристам.

Однако имеется еще одна сфера, где, как это ни удивительно, можно встретиться с латинскими кры-

латыми выражениями и где их значения не всегда совпадают с общепринятыми. Речь идет о татуировках.

В уголовном мире воровская татуировка означает принадлежность к миру “воров в законе”; напротив, человек без “наколок” не имеет никакого социального статуса. Д. С. Балдаев, проработавший в уголовном розыске, тюрьмах и лагерях 33 года, собрал и издал альбом “Татуировки заключенных” (СПб.: “Лимбус пресс”, 2001). В этом альбоме мы неоднократно сталкиваемся со знакомыми латинскими выражениями — несущими, однако, особый, необычный смысл. Вот несколько примеров.

Dictum factum — такая подпись нанесена под страшной картинкой на груди осужденного за убийство из мести.

Debellare superbos — эти слова из “Энеиды” (VI, 853) написаны под устрашающим изображением рыцаря с окровавленным мечом, стоящего среди отрубленных голов.

Надпись *Homo homini lupus est* рядом с головой волка и крылатым мечом украшала грудь уголовника-палача из касты “бойцов”. Этих же “бойцов”, наводящих ужас на лагерников и расправляющихся с безответными заключенными, прославляет большая татуировка с целым отрядом рыцарей и надписью *Vivere militare est*.

Татуировка, изображающая кошку и пять котят, обозначает воровскую “семью” — “маму” и “детей”. Сопровождает ее любимое изречение Калигулы — *Oderint, dum metuant*.

Memento mori, подписанное под впечатляющим изображением скелета, который возлежит, опершись на надгробный памятник, и чокается с чертом, — редкий случай, когда смысл латинского выражения на татуировке совпадает с общепринятым.

Встречаются и латинские наколки, состоящие из одного слова: это подписи к картинкам, иногда вы-

полненным даже художественно. Таковы, например, татуировки *Fatum* (встречается многократно) и *Silentium* — последняя надпись утверждает, что ее носитель умеет молчать. *Cave!* — гласит татуировка рядом с изображением насторожившегося барса.

Тигр с сидящей на нем обнаженной красавицей украшен глубокомысленным изречением: *Magna res est amor*. Эта воровская татуировка совсем недавняя — 1995 года: видимо, мода на латинские пословицы в уголовном мире не проходит...

Интересно отметить, что иногда встречается не латинский текст того или иного изречения, а его точный перевод. Так, есть татуировка *Trahit sua quemque voluptas* (из 2-й эклоги Вергилия, ст. 65), но можно увидеть и русский вариант: “Каждую влечет ее страсть”. Наколка *Nil permanebit inultum* (фраза из знаменитого средневекового гимна *Dies irae* с переставленными словами) представлена и по-латински, и по-русски: “Ничто не останется неотомщенным”. В последнем случае русский текст окружает голову Медузы Горгоны, что словно бы сохраняет “античный” колорит. А вот латинское *Dum spiro, spero* зафиксировано в русском переводе под рисунком, изображающим страшного восточного человека в чалме и с кинжалом в зубах. Подобным же образом злая на свою судьбу уголовница наколола на бедре голову

рычащего волка, вокруг которой по-русски выведена надпись “Человек человеку волк”.

Чем объяснить столь устойчивое бытование латинских изречений на татуировках уголовных преступников — людей, абсолютное большинство которых не получили почти никакого образования? На этот вопрос трудно ответить с уверенностью, но кое-какие предположения сделать можно.

Язык воровских татуировок — принципиально непонятный непосвященному, как любое арго, — чрезвычайно традиционен: одни и те же символы, рисунки, фразы “застревают” в нем на десятилетия, вновь и вновь подвергаясь тщательному воспроизведению. Нечто подобное произошло и с латинскими надписями: по-видимому, первые из них наносились людьми, которым довелось хоть сколько-то поучиться в дореволюционных гимназиях и познакомиться с начатками латыни (на уровне общераспространенных крылатых выражений). Затем в результате долгой череды повторений это уродливо искаженное эхо школьного “классицизма” дошло до наших дней. Интересно, что латинские татуировки, в отличие от выполненных на других иностранных языках, практически не содержат ошибок: ведь человек, копирующий совершенно непонятный текст, поневоле проявляет к нему особое внимание...

Фонд поддержки классического образования “АНАБАСИС”: первые итоги

В прошедшем 2003 / 2004 учебном году благодаря щедрости первых спонсоров начата реализация ближайших целей фонда, связанных с насущными нуждами гимназии:

- получены в дар ризограф для тиражирования учебных материалов, фото- и видеокамеры, мебель;
- компьютерный класс гимназии благоустроен окнами современной конструкции;
- отремонтирован спортзал;
- сотрудникам гимназии оказана материальная поддержка;
- издан четвертый номер журнала “Абарис”.

По инициативе фонда “Анабасис” налажено сотрудничество гимназии и холдинга *RBI*, учредившего стипендии для трех лучших гимназистов по итогам полугодия. В этом году стипендиатами стали:

I полугодие:

Кирилл ГРИГОРЬЕВ (10 класс)
Дмитрий ТЯПИН (9 класс)
Николай УТЕШЕВ (9 класс)

II полугодие:

Дмитрий АКИМОВ (9 класс)
Софья АЛЕКСАНДРОВА (10 класс)
Константин КОРЕШКОВ (9 класс).

Также благодаря финансовой поддержке холдинга *RBI* четыре десятиклассника, преуспевшие в изучении древних языков (Софья Александрова, Владимир Вершинин, Дарья Галина, Александра Дмитрикова), смогли в августе 2004 г. отправиться в Рим для участия в работе международной школы *Academia Latina*.

В стенах гимназии фондом “Анабасис” организован и проведен курс лекций преподавателей Смольного института свободных искусств и наук. По инициативе фонда создан клуб выпускников *Concursus alumnorum*, члены которого собираются ежемесячно.

Фонд разработал благотворительную программу поддержки гимназии и распространения ее уникального опыта. Мы приглашаем к сотрудничеству всех, кто любит гимназию и обеспокоен ее судьбой. Подробнее познакомиться с проектами фонда, а также узнать его адреса и реквизиты можно по адресу: <http://610.ru/partners/anabasis>.

Наш почтовый адрес:

197198, г. Санкт-Петербург, Малый пр. П. С., д. 9/6

тел.: (812) 235-78-02, 235-40-14

факс: (812) 235-13-02

e-mail: kamenevato@rambler.ru

*Фонд “Анабасис” благодарит
за сотрудничество и щедрость:*

Асю Львовну БОРИСОВУ
(Антикварно-ювелирный дом “Ретро”),
Людмилу Борисовну НАРУСОВУ
(Фонд А. А. Собчака),
Алексея Александровича ЖУРБИНА
(Институт “Стройпроект”),
Виталия Владимировича РЯБОВА
(АЛЬФА-банк),
Эдуарда Саульевича ТИКТИНСКОГО
(холдинг *RBI*),
Алексея Витальевича НИКИТИНА,
Леонида Григорьевича БЛАНКМАНА,
Елену Андреевну ЗДРАВОМЫСЛОВУ,
Марину Георгиевну РАВДОНИК,
Наталию Андреевну РАЗУМОВСКУЮ,

а также

WINTERSHALL AG (Германия)
и Генерального консула Греции в Санкт-Петербурге
Иоанниса ЛАКАДЗИСА.

*Т. О. Каменова,
исполнительный директор фонда*

Вручение стипендий холдинга *RBI*. Слева направо: Николай Утешев, Кирилл Григорьев, генеральный директор холдинга *RBI* Э. С. Тиктинский, Дмитрий Тяпин, директор Санкт-Петербургской классической гимназии С. В. Бурячко

Фото: В. М. Ярош

КОНКУРС ПЕРЕВОДОВ

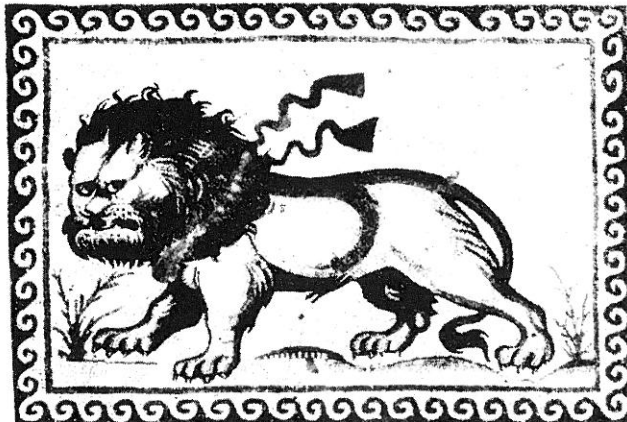
Альфред Эдвард Хаусмен

АФРИКАНСКИЙ ЛЕВ

To meet a bad lad on the African waste
Is a thing that a lion enjoys;
But he rightly and strongly objects to the taste
Of good and uneatable boys.

When he bites off a piece of a boy of that sort,
He spits it right out of his mouth,
And retires with a loud and dissatisfied snort
To the east, or the west, or the south.

So lads of good habits, on coming across
A lion, need feel no alarm,
For they know, they are sure to escape — with a loss
Of a leg, or a head, or an arm.

Повстречать сорванца в африканской глуши —
Наслаждения льву нет верней,
Но на вкус негодует он от души
Несъедобных хороших парней.

От мальчишки такого чуть-чуть откусив,
Он плюет возмущенно в песок
И уходит, пыхтя и глаза опустив,
Он на запад, на юг, на восток.

Так что паинька-мальчик, столкнется когда
Со львом, то пройдет без тревог:
Ведь лишится всего только он (не беда!)
Головы, либо рук, либо ног.

Перевод Мани Стажеровой, 6 класс

Ты ведешь себя плохо? В Сахаре тебя
Обязательно скушает лев.
А хорошего парня в зубах теребя,
Лев немедленно чувствует гнев.

Зверь плюется, рычит, недовольно ворчит:
Мол, воспитана слишком еда —
И на юг, на восток он в расстройстве спешит
(Север, запад — неважно куда).

С дисциплиной порядок? Тогда тебе львы
Не страшны, ты сумеешь удрать.
Правда, пробный кусочек руки (головы,
Уха, пятки) придется отдать.

Перевод Александра Дистеля, выпуск 2000 г.

Фото: В. М. Ярош

Повстречать шалуна в африканской глуши —
Это радость для каждого льва.
От хороших детей льва воротит с души,
Ведь пай-мальчик съедобен едва.

Если вдруг от такого отхватит кусок,
То его нипочем не доест
А уйдет, грустно фыркнув и плюнув в песок,
Он на зюйд, или ост, или вест.

Так что сын благонравный идет, не страшась
Встреч со львом (неуместен испуг):
Знает он, что спасется, всего лишь лишась
Головы, или ног, или рук.

Перевод В. А. Дымишца

ДОКЛАДЫ КРУЖКА “КЛАССИКА”

Павел Васильев

11 класс

Первые попытки плавания вокруг Африки

Как известно, первым Африку обогнул Васко да Гама в 1497–1499 гг., хотя попытки проникнуть в Индию с запада, мимо Зеленого мыса, велись на протяжении всего XV в.: неудачу потерпели экспедиции Жила Эаннеша, Диего Кана, Бартоломео Диаша. История “самого трудного периода португальской экспансии”¹ доказывает сложность плавания вокруг Африки даже в эпоху великих открытий, когда пересекались океаны.

В то же время мы располагаем сравнительно небольшим числом источников, в которых описываются первые плавания на юг вдоль берегов Африки, совершенные финикийскими, карфагенскими, греческими и римскими путешественниками. Прежде всего это так называемый “Перипл Ганнона” — изложенное по-гречески описание похода карфагенского флота в страны, лежащие к югу от Гибралтара.² Затем — сообщение Геродота (IV, 42–43) об экспедиции финикийцев, высланной фараоном Нехо из Египта и вернувшейся через Гибралтар. В тех же главах Геродот приводит сведения о путешествии, совершенном персом Сатаспом.

Географ I в. до н. э. Страбон (I, С 98–100) передает рассказ философа Посидония (из его сочинения “Об океане”) о плавании некоего Евдокса из Испании в Индию. Плиний Старший упоминает об экспедициях тех же Ганнона и Евдокса (последний у Плиния плывет с востока на запад), а также еще какого-то испанского купца (II, 168–169); в другом месте (V, 9–10) он же приводит подробные сведения о плавании Полибия. Сам Полибий, историк и полководец времен Третьей Пунической войны, описывает свою экспедицию гораздо более сжато (III, 59). Римский географ Помпоний Мела подтверждает сведения о Ганноне и Евдоксе (III, 90; 92), причем — так же, как и Плиний, — пишет, что Евдокс обогнул Африку, двигаясь с востока на запад. Наконец, заслуживает упоминания отрывок из 3-й Книги Царств (9: 27), в котором повествуется о плавании в загадочную страну Офир.

Нас интересует вопрос о том, достигли ли названные экспедиции своей цели — другими словами, сумели ли обогнуть Африку хотя бы один древний мореплаватель.

1.

Вначале скажем о тех путешественниках, которые либо вовсе не ставили перед собой столь грандиозной задачи, либо не смогли с ней справиться. Так, плавание Сатаспа, современника Ксеркса, не достигло цели. Геродот пишет (IV, 43):

Сатасп, прибыв в Египет и наняв там корабль и моряков, отплыл с ними к Геракловым Столпам. Обогнув их и выйдя за [западную] оконечность Ливии, которая называется Солоент, он взял курс на юг. За много месяцев он пределал долгий путь по морю, но, по-

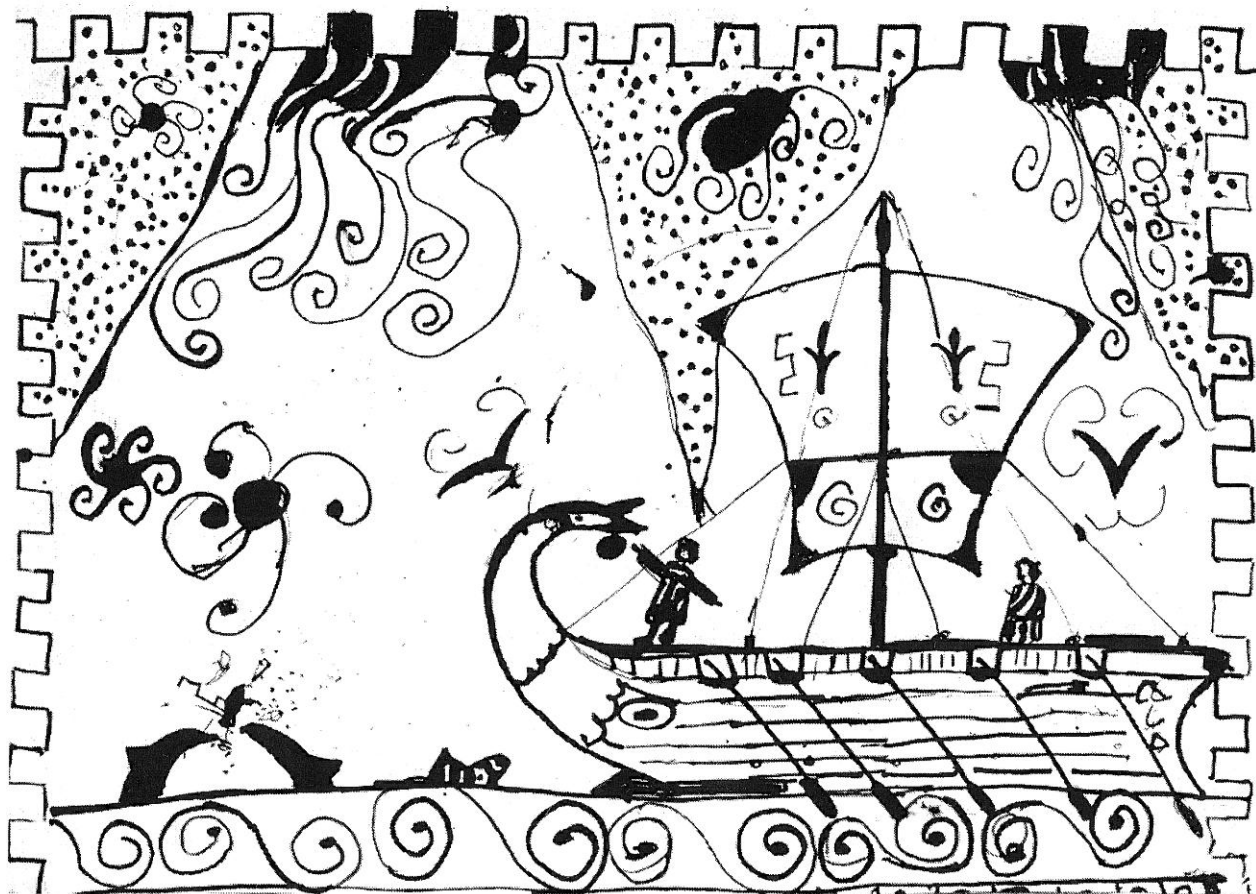
скольку перед ним все время был путь еще больший, повернул обратно, направившись в Египет.

Из дальнейшего мы узнаём, что плавание было каботажным: чтобы пополнить запасы продовольствия, персы выходили на берег и угоняли скот у местных жителей, “низкорослых людей в одежде из пальмовых листьев”. Сатасп сказал царю, что повернул назад, поскольку дальше было слишком мелко; Ксеркс ему не поверил. (Любопытно, откуда Геродоту известна “истинная” причина неудачи Сатаспа?) Путешествие Сатаспа обставлено у Геродота романтическими подробностями: он будто бы обесчестил дочь знатного перса Зопира, и по просьбе матери Сатаспа казнь заменили дальним плаванием; однако по возвращении Сатасп все-таки был казнен. Вся эта история больше напоминает беллетристику и совсем не похожа на историческую справку.

Полибий, чей поход датируется приблизительно 146 г. до н. э., был скорее ученым исследователем, чем первопроходцем. Он вышел в Атлантику через Гибралтар на нескольких кораблях и, по-видимому, проплыл довольно большое расстояние вдоль мавританского побережья. Во “Всеобщей истории” (III, 59) плаванию посвящены всего несколько строк: сказано только о трудностях и опасностях, которые автор испытал

“во время путешествий по Ливии, Иберии, Галатии и морю, омывающему эти земли”. Плиний (V, 9–10), указав, что целью этого путешествия было изучение местности, а флот предоставил Сципион Эмилиан, дает подробное описание маршрута Полибия, приводит названия мест и расстояния между ними. Помимо краткой справки самого Полибия, источником Плинию послужил труд Випсания Агриппы — римского адмирала и политика, друга Августа, который начертил карту ойкумены и снабдил ее комментарием; о других географах Плиний упоминает вскользь. Крайней южной точкой Африки, известной Плинию, является какая-то Theon Ochema (т. е. “Колесница богов”).³ Одни исследователи соотносят “Колесницу” с горой Какулима в Гвинее, другие — с вулканом Камерун. Так или иначе, Полибий и другие известные Плинию и его источникам исследователи не заплывали дальше восточного побережья Гвинейского залива. И ясно, почему: за Гвинейским заливом, к югу от экватора противные ветра и течения делают каботажное плавание практически невозможным; Васко да Гама преуспел потому, что, направляясь к югу, отплыл от берегов Африки далеко на запад, приблизившись к Бразилии.

“Колесница богов” упоминается и в “Перипле Ганнона” как крайняя точка, которой сумел достичь карфагенский путешественник. Споры о подлинности этого

Корабль Ганнона у “Колесницы богов”. Рисунок Саши Волинца, 5 класс

сочинения продолжают до сих пор, однако большинство ученых склонны доверять сведениям, сообщенным в “Перипле”.⁴ Помимо археологических данных, подтверждающих присутствие карфагенян на территориях далеко к югу от Гибралтара, важным оказывается то обстоятельство, что информация “Перипла” о флоре и фауне африканского побережья в целом соответствует реальности.

Как было сказано, мы точно не знаем, что такое “Колесница богов”, и следовательно — до какого именно места доплыл Ганнон. Очевидно, однако, что Африку он не обогнул. Текст “Перипла” заканчивается так (гл. 18): οὐ γὰρ ἔτι ἐπλεύσαμεν προσωτέρω τῶν οἴτων ἡμᾶς ἐπιλιπόντων (“Дальше мы не поплыли, так как у нас подходила к концу еда”). Таким образом, карфагеняне повернули на север и возвратились через Гибралтар. Ганнон не достиг Красного моря; по-видимому, он, как и позднее Полибий, вовсе не стремился этого сделать. “Плавание Ганнона, — пишет Ю. Б. Циркин, — преследовало политические цели: укрепиться на океанском побережье материка <...>. Имели, видимо, значение и экономические цели: карфагеняне стремились вытеснить гадитан (т. е. жителей Гадир — другой финикийской колонии, совр. Кадиса. — П. В.), укрепиться на их торговых путях и, может быть, взять под свой контроль источники сырья или пути к ним”.⁵ Помпоний Мела пишет об экспедиции карфагенян то же, что и сам Ганнон (*Chor.* III, 90):

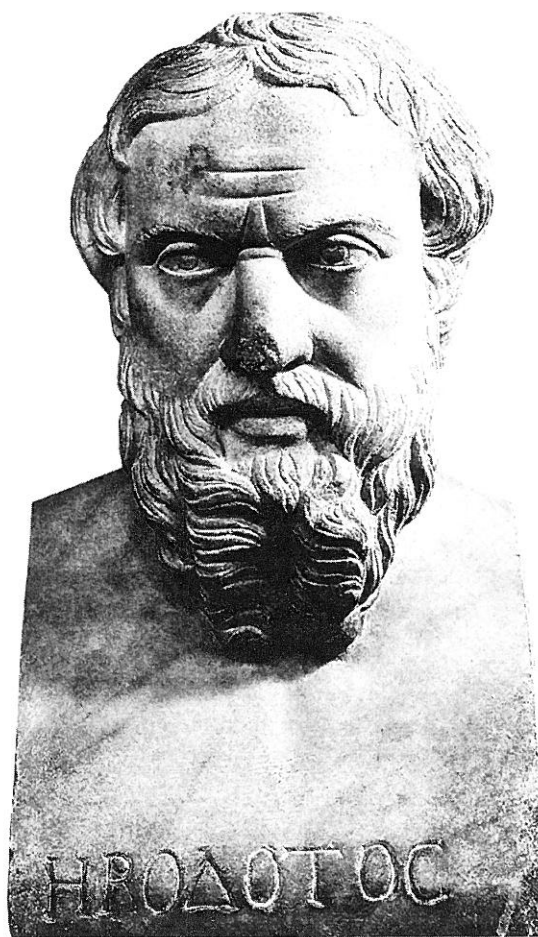
Hanno Carthaginensis exploratum missus a suis, cum per Oceani ostium exisset magnam partem eius circumvectus, non se mari sed com meatu defecisse memoratu rettulerat.

Карфагенянин Ганнон, посланный согражданами для исследования, выйдя через устье океана и проехав большую его часть, рассказал, что моря перед ним было довольно, а вот продовольствия не хватало.

Однако если бы “Перипл” не сохранился, истории географии, возможно, считали бы карфагенского мореплавателя предшественником Васко да Гамы. Согласно античной традиции, начало которой положил Геродот, Ганнон обогнул-таки Африку и приплыл к Аравийскому побережью. Между сообщением об экспедиции финикийцев и новеллой о Сатаспе в “Истории” Геродота читаем:

Так впервые узнали, какова она [Ливия]; а потом карфагеняне утверждали, [что сделали это, т. е. обогнули Ливию,] поскольку Сатасп, сын Теаспия, из рода Ахеменидов ее не обогнул...

Комментаторы согласны в том, что “карфагеняне” у Геродота — это Ганнон. Действительно, о какой еще экспедиции может идти речь? Любопытно, что Геродот приписывает карфагенянам то, на что в “Перипле” нет даже намека. Экспедиция Ганнона, повто-

Геродот. *Герма* II в. н. э.

рим, не была задумана как путешествие вокруг Африки; между тем Геродот не только говорит о ней как об исследовательском плавании, но и делает это плавание успешным, для подстраховки сославшись на слова самих карфагенян. Вслед за Геродотом и Плиний Старший пишет (II, 168): “Во времена расцвета Карфагена Ганнон также обогнул [Африку], отплыв от Гадир и достигнув берега Аравии, и описал это плавание...” И ниже, уже с долей скепсиса (V, 8):

Существуют также записки Ганнона, вождя карфагенян, который в период расцвета государства пунийцев был послан обследовать путь вокруг Африки; руководствуясь его рассказами, многие греки и наши [т. е. римляне] писали о всяких чудесных вещах и, в частности, о многих основанных им там городах, от которых теперь не осталось ни следа, ни воспоминаний.

Если Геродоту “Перипл” не мог быть знаком (его греческий перевод был сделан много позднее), то Плиний и его источники, как явствует из текста, Ганнона читали. И тем не менее, римский писатель — по крайней мере, во второй книге своего труда — не расходится с Геродотом. Попутно отметим, что Страбон ничего не знает о Ганноне: это можно объяснить тем, что для своих ливийских штудий он использовал ора-

Аллегорическое изображение
Африки. Рим, I в. н. э.

ниченный круг источников (не исключено, что одного только Посидония). Почему Геродот и Плиний пишут о Ганноне именно так, а не иначе? Им хочется думать, будто карфагеняне снарядили *исследовательскую* экспедицию. Но ведь карфагеняне — не греки, и Ганнон не Полибий. Трудно поверить, что они стали бы рисковать жизнью для выполнения чисто научной задачи. (Когда Поли-

бий пишет, что он столько вытерпел ради накопления знаний, в этих словах чувствуется скрытая гордость.) Ни Васко да Гама, ни Колумб, ни Магеллан не получили бы кораблей, если бы их плавание не обещало ощутимых выгод Испании и Португалии.

Что касается путешествия в страну Офир, то все ученые сходятся во мнении, что точная локализация этого места не представляется возможной. 3-я Книга Царств (9: 27; 10: 11–22; 22: 48) повествует об экспедициях, организованных Соломоном, Хирамом I и Йосафатом в XI–IX вв. до н. э. Видимо, все-таки прав Л. А. Ельницкий: “...Вполне вероятно, что Офир находился за пределами Баб-эль-Мандебского пролива и что в рассказах о финикийских плаваниях в эту страну содержатся первые смутные намеки на связи Восточного Средиземноморья со странами, лежащими на берегах Индийского океана”.⁶ Офир вряд ли мог быть расположен дальше, чем остров Мадагаскар или юго-восточная оконечность Африки; таким образом, древние иудеи также не обогнули континент.

2.

Ко второй группе можно отнести плавания, о которых мы имеем слишком мало сведений. Несмотря на то, что одни античные авторы считают эти путешествия успешными, а другие в них не верят, по сохранившимся рассказам невозможно с достоверностью судить, состоялись они или нет. Описание ряда таких экспедиций мы встречаем у Плиния (II, 168–

169). Стремясь привести доказательства того общеизвестного факта, что Африка омывается морем с юга, Плиний начинает с того, что при Августе в Аравийском заливе были, по рассказам, найдены обломки кораблей, потерпевших крушение у берегов Испании. Затем говорится о Ганноне, после чего читаем:

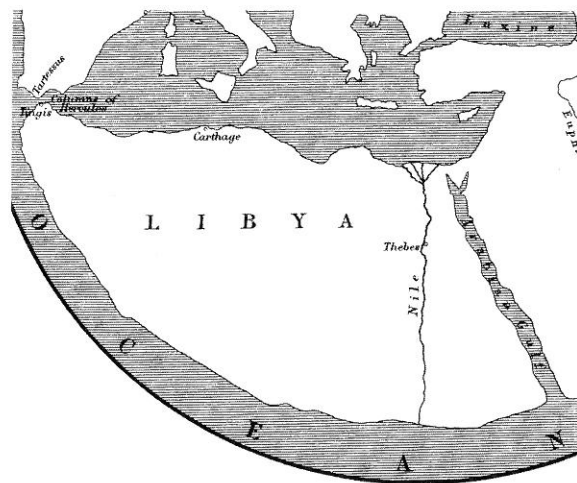
Кроме того, Корнелий Непот сообщает о своем современнике Евдоксе, который, убегая от царя Латира, прибыл из Арабского залива в сами Гадиры. Много прежде Целий Антипатр писал, что видел некоего человека, по торговым делам приплывшего из Испании в Аравию.

Из сочинений Целия Антипатра, одного из основателей римской историографии, не сохранилось ни строчки — так же, как и из “Хорографии” Корнелия Непота. И все же мы с большой долей вероятности можем утверждать, что данные Плиния, у кого бы он их на самом деле не взял, восходят к одному источнику — сочинению Посидония “Об океане”. В “Географии” Страбона — автора, который не просто пересказывает Посидония, но и полемизирует с ним, — мы встречаем тот же набор сведений и о Евдоксе, и об обломках испанских кораблей у берегов Аравии (II, С 98–100). Евдокс приехал из своего родного города Кизика в Египет, к царю Птолемею Евергету II (правил со 144 г. до н. э.), и сначала был послан в Индию (следует интересная история о потерпевшем кораблекрушение индийце, который засвидетельствовал возможность плавания). Он вернулся с грузом благовоний и драгоценных камней, но царь все у него отнял. Уже после смерти Евергета (116 г.) Евдокс отправился в повторное путешествие; ветрами он был отнесен “на юг Эфиопии”, где составил список слов местного языка и нашел обломок корабельного носа с вырезанным на нем изображением коня. Приехав в Египет, путешественник показал обломок судовладельцам и узнал от них, что такие корабли делают в Гадирах. Евдокс стал готовиться к плаванию вокруг Африки с запада на восток, снарядил три корабля, набрал экипаж и отплыл к югу. С разными приключениями он продвигался вдоль берега, пока не приехал к людям, говорившим на знакомом ему языке (это Евдокс проверил по “словарю”). После этого Евдокс повернул назад, так как ему казалось, что он достиг своей цели. Приплыв к берегам Мавритании и в очередной раз потерпев кораблекрушение, Евдокс дошел до римских владений по суше! Страбон справедливо подвергает рассказ Посидония сомнению. Например, для чего было составлять “словарь”, еще не зная, что именно так будет доказана возможность кругового плавания? Неправдоподобна и история с обломком корабельного носа: никакое бревно не сможет проделать такой путь. Мавританские приключения Евдокса представляются Страбону нелепицей, а вся история — сказкой. К тому же обращает на

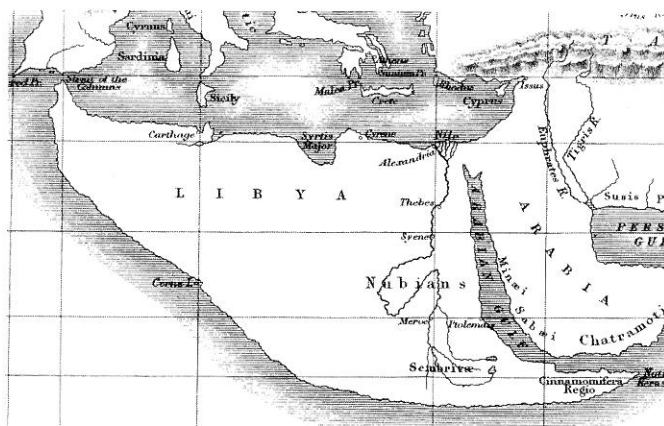
себя внимание то, что Страбон в своем пересказе не называет никаких точных географических деталей (не исключено, впрочем, что в исходном повествовании Посидония эти детали содержались, а Страбон опускает их, поскольку считает весь рассказ вымыслом).

О купце, упоминавшемся Целием Антипатром, ничего определенного сказать нельзя — однако представляется весьма возможным, что это все тот же Евдокс. В таком случае ясно, по крайней мере, что Посидоний не сочинил всю историю (как хочет думать Страбон): ведь Целий писал несколькими десятилетиями ранее автора “Об океане”. Строго говоря, Евдокс не объехал вокруг Африки, но для Посидония достаточно того, что он, отправившись с запада, доплыл до уже известных ему земель на востоке. Прав ли Плиний? Специалисты по античной географии оставляют вопрос открытым.⁷ Между тем, хотя, опровергая Посидония, Страбон и злоупотребляет риторикой, его недоверие кажется оправданным. Дело даже не в том, что история Евдокса напоминает странствия Синдбада-морехода. Совершенно невероятной представляется одна деталь: попав на восточный берег, Евдокс обнаружил, будто и на востоке, и на западе живут люди одного племени и что мавританское царство Бокха лежит в двух шагах от Эфиопии. Так может думать только тот, кто не представляет себе истинных размеров Африки. Кроме того, путь от Геракловых Столпов до южной Эфиопии (допустим, имеется в виду современная Кения) во много раз длиннее и труднее, чем от Эфиопии до Египта: мореплаватель, дошедший до Кении, не стал бы возвращаться старым путем вместо того, чтобы проплыть дальше. Скорее всего, африканское (как и индийское) путешествие Евдокса состоялось, но напоминало уже рассмотренные нами экспедиции: Евдокс повернул назад, пройдя немного дальше Гвинейского залива. Историю со “словарем” он сочинил для доказательства своего успеха. Трудно сказать, почему Плиний и Помпоний Мела (последний — также со ссылкой на Непота и почти в тех же словах) дают противоречащие Посидонию сведения. Возможно, разногласие в традиции объясняется тем, что Евдокс плавал у обоих берегов Африки. И главное: вернулся-то он с запада!

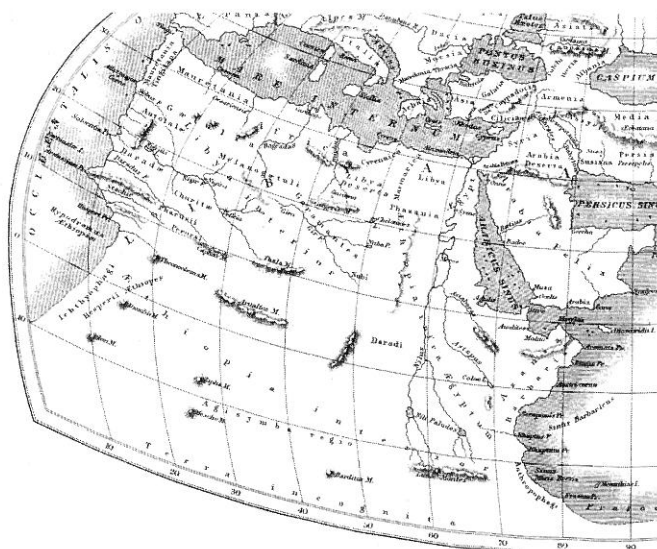
Страбона удивляет, что Посидоний верит фантастической истории Евдокса, хотя все прочие сведения о круговых плаваниях оспаривает. Например, Гераклид Понтийский в сочинении, называвшемся “Диалоги”, выводил еще некоего мага, прибывшего ко двору сицилийского тирана Гелона (начало V в. до н. э.) с рассказом о том, как он объехал вокруг Ливии; это путешествие Посидоний, согласно Страбону, считает выдумкой. И, наконец, самое для нас интересное: экспедицию, снаряженную финикийцами по приказу фараона Нехо, о которой и Посидоний, и Страбон читали у Геродота, Посидоний также полагал недостоверной.

Африка по Гекатею Милетскому (VI–V вв. до н. э.)

Африка по Эратосфену (III в. до н. э.)

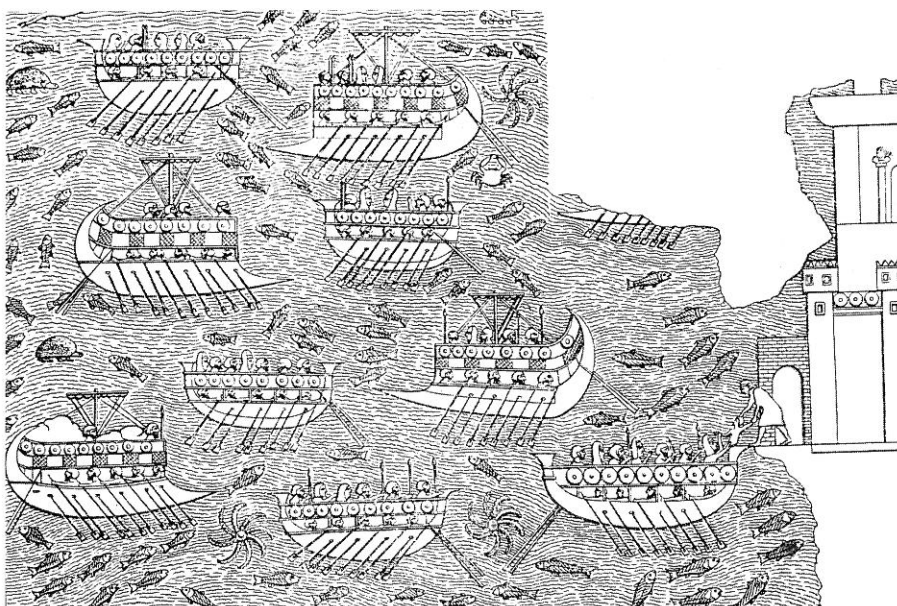
Африка по Птолемию (II в. н. э.)

3.

Плавание финикийцев вошло в анналы географических открытий и поэтому стоит в нашей традиции особняком. Многие ученые склонны доверять рассказу Геродота. Приведем это место из “Истории” (IV, 42):

Очевидно, что Ливия со всех сторон окружена морем — кроме того участка, где она присоединена к Азии. Насколько нам известно, Нехо, царь Египта, первым доказал это. Прорыв канал из Нила в Арабский залив, он отправил туда финикийских моряков; назад же им надо было плыть через Геракловы Столпы, чтобы достигнуть Северного моря и возвратиться в Египет. Финикийцы вышли из Красного моря и затем поплыли по Южному. Осенью они приставали к берегу и, в какое бы место в Ливии ни попадали, всюду обрабатывали землю; затем дожидались жатвы, а после сбора урожая плыли дальше. На третий год финикийцы обогнули Геракловы Столпы и приплыли в Египет. По их рассказам (я-то этому не верю, кто хочет — пусть верит), когда они огибали Ливию, солнце оказалось у них справа (περιπλέοντες τὴν Λιβύην τὸν ἥλιον ἔσχον ἐς τὰ δεξιὰ).

Обычно считают, что экспедиция финикийцев имела место около 600 г. до н. э. Васко да Гама доплыл до Индии и вернулся назад в Европу за два года; финикийцам удалось сделать почти то же самое (в обратном, разумеется, направлении). Возможно ли это в принципе? Прежде всего заметим, что Геродот и тем более финикийцы не могли представить себе реальной длины побережья Африки (см. карты на с. 17). Геродот, может быть, впервые понял, что расстояние огромно, но и он не знал, насколько оно велико. Технические воз-

Финикийские корабли конца VII в. до н. э.
По ассирийскому рельефу

можности финикийских кораблей нам плохо известны, но ясно, что они уступали римским и греческим судам времен Полибия.

С другой стороны, К. Бернхардт, анализируя строение финикийских кораблей (правда, всего лишь по ассирийскому рельефу), приходит к выводу, что они обладали большей грузоподъемностью, нежели каравеллы Колумба.⁸ И еще один довод *pro*: в Центральной Америке, в бассейне реки Миссури и в Бразилии (т. е. в наиболее близкой к Африке части континента) обнаружено немало статуй и статуэток с африканскими и семитскими чертами. Вспомним и португальца Кабрала, которого в 1500 г. течением отнесло из Западной Африки именно в Бразилию. Вполне возможно, что такое могло случиться и с финикийцами. То, что до сих пор не найдено финикийских навигационных карт, может означать, что они держали свои знания о побережье Африки в строгом секрете.

Знаменитый норвежский путешественник Тур Хейердал пересек Атлантический океан на лодке, сделанной из папируса, причем всего за 57 дней; однако современные условия несопоставимы с условиями VII–VI вв. до н. э. Вместо прекрасно изученного океана, в котором находится множество судов, всегда готовых прийти на помощь, — неизведанные берега Ливии. И не 6 100, а 30 500 километров пути! (Кстати, Хейердал своим плаванием отнюдь не доказывал возможность обогнуть Африку на судах, подобных финикийским.) Финикийцы, пишет Геродот, поплыли на юг из Аравийского залива. Течения, а в определенное время года и ветра в этом районе океана благоприятствуют плаванию на юг на значительное расстояние: Сомалийское течение, Мозамбикское течение и течение мыса Игольного помогают мореплавателям

продвинуться вплоть до южной оконечности Африки, мыса Доброй Надежды. Однако обогнуть этот мыс непросто — течение Западных Ветров относит корабли на восток, в Индийский океан. К этому присоединяются противные ветра. Даже арабам, применявшим косой парус, не удалось продвинуться за мыс Игольный. А то, что финикийцы более двухсот километров шли на веслах против течения и ветра — вещь невозможная; невелика и вероятность того, что при плавании на юг ветер все время был попутным. Еще один аргумент *contra*: в главе 44 Геродот так же кратко повествует об экспедиции своего современника Скилака, которая, по-видимому, действительно состоялась. Это плавание — по Инду до Аравийского моря и да-

лее на запад, до входа в Красное море — отняло 29 месяцев; между тем там дуют попутные ветра, да и расстояние примерно в 12 раз меньше, чем путь вокруг Африки.⁹

Геродот описывает путешествие финикийцев, исходя из тех условий, которые существовали в его время при плавании по Средиземному морю. Видно, что он не имеет понятия о том, насколько иначе обстоит дело в южных морях. Едва заканчивается осень, финикийцы останавливаются (как это делали и греки) и сеют хлеб (т. е. чуть позже, чем греки — ведь чем южнее, тем позже начинаются холода: это понятно всякому, кто живет в умеренном и субтропическом поясе). Но ведь в тропиках и на экваторе все по-другому: там для сельского хозяйства гораздо существеннее, когда наступает сезон дождей. Вообще природа экваториальной Африки, если бы ее увидели финикийцы, поразила бы их не меньше, чем “солнце справа”, и оставила бы по себе не меньше воспоминаний; между тем экспедиция финикийцев описана Геродотом крайне скупо и выглядит как теоретическая конструкция. Стоит вспомнить, что плавание в Офир, согласно библейскому рассказу, также отняло три года, а сходные описания посева хлебных злаков можно встретить в неправдоподобном рассказе о плавании Евдокса. Таким образом, отмеченные детали оказываются принадлежностью определенного жанра повествований о морских плаваниях, что только подтверждает их вымышленный характер.¹⁰ И все же обращает на себя внимание, что в основе этих сказочных по своей сути подробностей лежит некий реальный навигационный опыт, связанный с плаваниями по Индийскому океану.

Заметим опять-таки, что плавание Скилака было санкционировано Дарием в виду конкретных политических целей: он хотел присоединить эти области к персидской державе (Геродот так об этом и пишет). Чего ради фараон Нехо отправил финикийцев на юг? Почти все тогда считали, что за экватором находится “выжженный пояс”, где жизнь принципиально невозможна. Вообще Геродот и в других местах приписывает фараонам научные интересы, особенно отцу Нехо Псамметиху: тот будто бы провел языковой эксперимент, желая выяснить, какая народность самая древняя (II, 2); измерял глубину источников Нила с помощью специально свитых канатов (II, 29); отдал египетских юношей обучаться эллинскому языку (II, 154) и т. п. Возможно, так — на греческий манер — хотели представить дело те, от кого Геродот получал сведения. О египетских делах он знает, в частности, по рассказам самих египтян (упоминаются “писцы”: II, 29), и история о плавании финикийцев может восходить к египетским источникам. Взвешивая доводы за и против, нужно думать не о том, как могли финикийцы обмануть фараона, но о том, все ли плавание

или только возвращение с запада есть плод фантазии Геродота либо тех, кто рассказал Геродоту эту историю.¹¹

Главным доводом в пользу того, что плавание состоялось, приводится обычно “солнце с правой стороны” (так и в комментарии У. У. Хау и Дж. Уэллса).¹² В самом деле, солнце за Северным тропиком в весенние и летние месяцы большую часть дня находится на севере — и таким образом, для плывущих на запад моряков проходит свой путь по небу (с востока на запад) как раз справа. Геродот пытается отделить правду от лжи, и изменение положения солнца на небе кажется ему неправдоподобным. С другой стороны, нет ничего невозможного в том, что “солнце справа” использовалось как веский довод в поль-

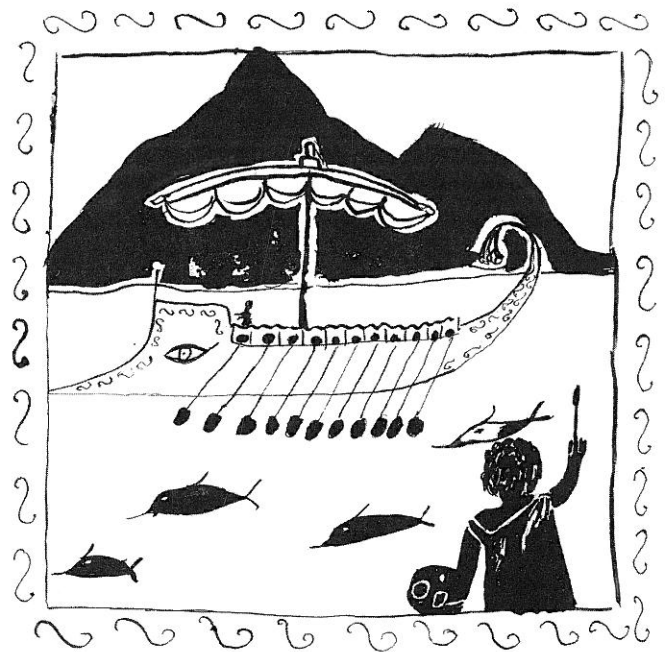

Рисунок Нины Малаховой, 5 класс

зу достоверности плавания уже теми, кто о нем рассказывал, — ведь за Северным тропиком расположен ряд местностей, знакомых финикийцам и египтянам (например, Мероэ). Скептицизм Геродота выглядит почти как уловка, если учитывать плавание Скилака: ведь тот двигался на запад к югу от тропика несколько месяцев и, конечно, видел солнце справа.¹³

Из древних в путешествие финикийцев вокруг Африки не верили не только Посидоний и Страбон. Полибий (III, 38) и Аристотель (*Meteor.* II, 354a) также не придают никакого значения рассказу Геродота. Они не знают, насколько еще к югу простирается африканский континент, и вообще очень плохо представляют себе, что там, на крайнем юге — открытое море, материк или “узкий пролив” в Атлантику (так у Аристотеля).

Мы предлагаем считать возможным плавание финикийцев далеко на юг по Индийскому океану — так

же, как карфагеняне с Ганноном заплыли далеко на юг Атлантики (и тоже должны были видеть солнце на севере). Однако возвращение финикийцев с запада вымышлено теми, кто, подобно Геродоту, хотел подтвердить, что Африку *теоретически* можно обогнуть. Геродоту рассказали то, что он хотел услышать; поэтому он говорит о путешествии карфагенян как о якобы подтверждающем достоверность путешествия финикийцев. Выходит совсем гладко: эти объехали с востока, а те с запада — о чем можно спорить? Но в том-то и дело, что карфагеняне не обогнули Африку. Скорее всего, не сделали этого и финикийцы.¹⁴

¹ Характеристика Джона Бейкера: *Дж. Бейкер. История географических открытий и исследований* / Пер. с англ. под ред. И. П. Магидовича. М., 1950. С. 76.

² Его текст см.: *Geographi Graeci minores / E codicibus recognovit* [...] C. Mullerus. Vol. 1. Parisiis, 1855 (repr. — Hildesheim, 1990). P. 1–14.

³ Этот традиционный перевод топонима Θεῶν ὄρηα был оспорен Ж. Жерменом, приведшим доводы в пользу варианта “Опора богов” (речь идет о горе, “подпирающей” небо). См.: *G. Germain. Qu’est-ce que le Périples d’Hannon? // Hesperis*. 1957. T. 44. P. 220–221. — *Ред.*

⁴ См. об этом: *Ю. Б. Циркин. Карфаген и его культура*. М., 1986. С. 205–208.

⁵ Там же. С. 52.

⁶ *Л. А. Ельницкий. Древнейшие океанские плавания*. М., 1962. С. 17.

⁷ См., напр.: *H. Treidler. Eudoxos 3 // Kleine Pauly. Bd 2. Stuttgart, 1967. Sp. 410–411.* (Библиографию научной литературы о плаваниях Евдокса см.: *I. G. Kidd. Posidonius. Vol. II, 1. Cambridge, 1988. P. 257.* — *Ред.*)

⁸ *К.-Х. Бернхардт. Древний Ливан* / Пер. с нем. Н. Д. Симакова. М., 1982. С. 102–117. Бернхардт верит в плавание финикийцев вокруг Африки и даже в путешествие Евдокса.

⁹ Ср. статью Д. В. Панченко в настоящем номере “Абариса”, где излагается иной, отличный от традиционного взгляд на плавание Скилака. — *Ред.*

¹⁰ “Такие подробности Геродотова рассказа, как трехгодичная продолжительность плавания, с перерывом для посева и получения урожая хлебных злаков, могут быть приняты лишь как романически-сказочные” (*Л. А. Ельницкий. Указ. соч. С. 31*).

¹¹ Обзоры многолетней полемики о плавании финикийцев (написанные с разных позиций) и соответствующие библиографические указания см. в кн.: *Р. Хенниг. Неведомые земли* / Пер. с нем. Л. Ф. Вольфсон и Р. З. Персиц. Т. 1. М., 1961. С. 86–90; *W. W. Hyde. Ancient Greek Mariners. New York, 1947². P. 238–240*; *E. H. Bunbury. A History of Ancient Geography. Vol. 1. New York, 1959². P. 289–298*; *J. Desanges. Recherches sur l’activité des Méditerranéens aux confins d’Afrique. Lille, 1982. P. 7–16.* Резюмируя эту полемику, заметим, что ученым, доверявшим сообщению Геродота, в целом удалось доказать *теоретическую* возможность плавания финикийцев вокруг Африки — при условии совпадения длинного ряда благоприятных обстоятельств. Что касается фантастических деталей Геродотова рассказа, то они могли быть домыслены историком самостоятельно, по литературному шаблону, в отсутствии сколько-нибудь подробной информации об экспедиции финикийцев. Более существенным кажется другой контраргумент: оказавшись в Южном полушарии, финикийские мореходы уже не могли бы видеть на небе Большую Медведицу и Полярную звезду; это, во-первых, лишило бы их возможности ориентироваться привычным образом и тем самым крайне затруднило плавание, а во-вторых, должно было бы произвести куда большее впечатление, чем “солнце справа”. — *Ред.*

¹² *W. W. How, J. Wells. A Commentary on Herodotus. Vol. 1. Oxford, 1928². P. 318.*

¹³ Судя по пассажиру II, 24–25, Геродот был осведомлен об особенностях движения солнца за Северным тропиком. — *Ред.*

¹⁴ Благодарю В. В. Ребрика за помощь в подготовке доклада.

*Руководитель доклада — М. М. Позднев
Фото: Алексей Головин, 11 класс*

Заседания кружка “Классика” в 2003/2004 учебном году

Сентябрь 2003 г. Рассказ гимназистов о летней экспедиции в Ольвию

Ноябрь 2003 г. **Алексей Лаго** (9 класс). Римское оружие по данным Вегеция

Рук. П. В. Шувалов

Февраль 2004 г. **Павел Васильев** (11 класс). Первые попытки плавания вокруг Африки

Рук. М. М. Позднев

Апрель 2004 г. **Константин Корешков** (9 класс). “Дым отечества”: О судьбе одного крылатого выражения

Рук. В. В. Зельченко

Май 2004 г. **Майя Шляхтер** (9 класс). Дион Хризостом, “Ахилл”: Перевод и комментарий

Рук. А. Ю. Енбекова

Май 2004 г. **Татьяна Котегова** (9 класс). Гомеровское сравнение у Овидия (*Amores* II, 5, 39–40)

Рук. В. В. Зельченко

Мариупольские греки и все-все-все

Всем известно, что древние греки основывали колонии на Северном Причерноморье и в том числе в Крыму; однако мало кто знает, как складывалась их судьба дальше — после того, как была перевернута последняя страница истории древнего мира. Я, конечно, не претендую на знание всех деталей, но все же попытаюсь пролить на эти события некоторый свет. Речь пойдет о тех греках, предки которых когда-то поселились в Крыму, а позже оказались подданными крымских ханов. Жили они в деревнях и городах, сами себя называли *румeями* (среднегреческое Ρω-

$\mu\alpha\iota\omicron\iota$), а тюркоязычное население именovalo их *урумами*: в Турции и других тюркоязычных государствах это слово обозначало членов христианских общин.

Румей-урумы исправно платили налоги мусульманскому государству и исповедовали православие. Кроме того, они были двуязычными: между собой и дома говорили по-гречески, но владели и крымско-татарским, поскольку это был государственный язык ханства. При этом жители деревень отдавали предпочтение греческому (или румейскому, как они его называли), а горожане чаще использовали крымско-татарский.

В 1778 г. эти греки, а также армяне, молдаване и гюрджи, жившие в Крымском ханстве, были выкуплены Екатериной II и переселены из Крыма в Приазовье, на территорию современной Донецкой области Украины. Переселение, проходившее под руководством Суворова, было четко организовано: жители одной деревни переезжали вместе и их новое место обитания, как правило, получало имя прежнего. Так, например, в поселке Старый Крым живут сейчас потомки выходцев из одноименной крымской деревни, в Улаклы — из Улаклы, в деревне Комар — из деревни Камара и так далее. Все эти деревни находятся неподалеку от Мариуполя, откуда и происходит название “мариупольские греки”.

После переселения эти греки еще некоторое время сохраняли двуязычие, причем крымско-татарский был языком общения между грекоговорящими румеями и тюркоязычными урумами. Постепенно, однако, румей забыли теперь уже не нужный им язык. Поэтому, скажем, в Старом Крыму живут греки, которые говорят “на греческом”, и в деревне Малый Янисоль тоже живут греки и тоже говорят на греческом, но при этом жители обеих деревень друг друга не понимают.

Эта загадка уже довольно давно волнует исследователей. С целью ее разрешения было организовано несколько удачных экспедиций, во время которых собирались и записывались сказки, обряды и т. п. Пока это небольшой по объему и в основной своей части

даже не обработанный материал, который еще не способен дать четкого представления о языке рассматриваемой этнической группы. Поддерживая это начинание, студенты кафедры общего языкознания филологического факультета СПбГУ уже несколько лет исправно изучают мариупольских греков. В прошлые годы группа ездила в деревню Малый Янисоль, к румеям, но в июле 2003 г. студенты впервые отправились в Старый Крым — туда, где живут урумы; в этой экспедиции довелось принять участие и мне.

Старый Крым — это поселок городского типа, в сущности, предместье Мариуполя (до города можно доехать за пятнадцать минут на маршрутке). Раньше все его жители были урумами, теперь же их осталось только 30 % населения. Однако если вы на улице спросите, знает ли кто-нибудь урумский или есть ли у кого-нибудь в семье урумы, вас, скорее всего, не поймут. В течение последнего века урумы успели перейти на название “греко-татары” (румеи же были названы “греко-эллидцами”). Это обозначение, впрочем, сохраняется только в паспорте, сами же урумы говорят: “Ну какие же мы татары, мы же конину не едим”. Теперь они греки, и язык у них греческий.

Задачей нашей экспедиции, как и всех предыдущих, было сделать как можно больше записей; поэтому в первый же день мы отправились на поиски информантов, т. е. тех жителей деревни, которые еще говорят на урумском языке. Делать это в одиночку было трудно, поэтому я присоединилась к “старшим” (наша группа состояла из восьми студенток кафедры общего языкознания, двух аспиранток и Елены Всеволодовны Перехвальской). В первую очередь мы просили информантов перевести на урумский предложения из “нулевой анкеты”. Эта анкета состоит приблизительно из 60 фраз, где используется простая лексика, а также специально подобранные временные и предложно-падежные формы — если они существ-

вуют в урумском языке, то должны “проявиться”. В дальнейшем наша группа разделилась на социолингвистов и просто лингвистов, причем каждый получил собственную тему для исследования (мне достались глаголы). Самым сложным было составить русские фразы для анкеты таким образом, чтобы навести информантов на употребление какой-нибудь заковыристой формы урумского языка. Зато расшифровывать записи мне было достаточно просто, потому что это тюркский язык, а моя основная специализация в университете — тюркология.

Старый Крым — очень гостеприимное место. Нас разместили в школе, где мы могли пользоваться прачечной, кухней и даже спортзалом. Есть там и кабинет новогреческого языка: греческий центр в Мариуполе организует преподавание новогреческого во всех деревнях, где живут урумы или румеи; но при этом урумы хотели бы, чтобы их дети могли изучать также и урумский.

Через некоторое время мы вполне освоились и даже подружились с информантами. Самой популярной из них была Лидия Ануфриевна, жившая через дорогу от школы, в которой поселились мы. Лидия Ануфриевна пела нам песни, рассказывала поучительные сказки и вообще была рада тому, что кто-то интересуется ее языком и культурой.

Язык этот, как уже говорилось, тюркский, а следовательно, агглютинативный — с огромным количеством аффиксов, которые “приклеиваются” один к другому; при этом каждый имеет единственное значение. Это сингармоничный язык — в слове могут встречаться гласные либо переднего ряда, либо заднего, но ни в коем случае не вперемешку. Урумский причисляют к огузской группе тюркских языков (тюркские языки делятся на несколько групп — по последним данным, на семь, среди которых есть огузская, или южная, с такими языками, как турецкий, гагаузский, азербайджанский, туркменский и южный диалект крымско-татарского). В действительности одни говоры урумского языка относятся к огузской группе, а другие к кыпчакской, в зависимости от того, кто больше повлиял на речь жителей этой деревни, точнее, их предков: крымские татары или ногайцы. Одним словом, строгой классификации урумский язык пока не поддается, потому что по нему собрано очень мало материала, а обработано и того меньше. Я могу только отметить, что в урумском начальные согласные озвончаются (по отношению к пратюркскому варианту слова) и есть несколько согласных звуков, которые характерны для огузских языков.

Во время экспедиции мы, помнится, очень обрадовались, когда обнаружили в урумском языке прошедшее время на *-miş*, которое сочли за эвиденциалис. Эвиденциалис — это форма с модальным значением, которая указывает, был ли говорящий свидетелем события, знает о нем с чужих слов или догадался. Однако жизнь (в лице преподавателя турецкого языка) показала, что перед нами наследник неопределенного прошедшего времени на *-miş*, которое активно употребляется в турецком, если говорящий не уверен в том, что что-то действительно произошло, но результат налицо. Еще нам удалось установить, что законы сингармонизма не имеют в урумском прежней силы (причем не только в заимствованных словах, но и в исконно тюркских) и происходит это, по всей видимости, под влиянием русского языка.

Было удивительно наблюдать, как жителям поселка удастся найти компромисс между православной и мусульманской культурами. Так, в церкви можно постоянно слышать фразы типа “Аллах баба”, то есть “Бог Отец”. Кроме того, студенты, занимавшиеся обрядами, выяснили, что у урумов принято хоронить умерших на второй день (не на первый, как у мусульман, но и не на третий, как у православных), а поминки устраивать на восьмой день (а не на седьмой и не на девятый соответственно). Нашу особую радость вызывали воспоминания информантов о том, как в те времена, когда они много ездили по Советскому союзу, в Узбекистане и Азербайджане почему-то все тоже говорили по-гречески! Кульминацией стало заявление Лидии Ануфриевны, что в Афины она не хочет (мариупольские греки имеют преимущества при получении греческой визы, и многие из них уже бывали в Греции), а вот Стамбул бы одним глазком увидеть — “красивый, наверное, город”.

Определить, в каком доме живут “мариупольские греки”, не составляет большого труда: он обязательно будет белым, с синими оконными рамами. А над дорожкой от ворот к веранде будет, скорее всего, вить-

ся виноград. Как яркую приметку быта нам показывали большую деревянную кровать-сундук (“софу”), с огромными пестрыми подушками (“ястухами”). Национальной едой у урумов считается все, что приготовлено из слоеного теста, но в первую очередь, конечно, “янтухи” — насколько я понимаю, это те самые слоеные пирожки с рисом и мясом, которыми мы питались на протяжении всей практики.

Сложно сказать, какой праздник сейчас является для урумов самым важным, но раньше это был “Пан-Василь”, который совпадает по времени с православным рождеством. Ну и, конечно, по-прежнему широко отмечается День шахтера в конце августа. Самым зрелищным представлением на урумских праздниках был и остается особый вид борьбы под названием “куреш”. В приблизительном описании это выглядит так: два человека борются, обхватив поясицу соперника чем-то вроде длинного полотенца, и в таком положении пытаются повалить друг друга на землю; кто первым упадет — проиграл. Эта борьба довольно сложна, потому что касаться соперника нельзя, и при этом упавший наверняка потянет за собой и противника. Мы, к сожалению, ни разу не увидели куреш живьем. Хотя подобная борьба практикуется на ежегодных сабантуях (сабантуй, т. е. “праздник плуга” — это тюркский праздник, который проводится, когда весенние работы в поле уже закончились, а летние еще не начались), я почему-то никогда присматривалась, как все это происходит — но вы в любом случае легко можете сделать это в последнее воскресенье июня в Кузьмолowo, где проводится питерский сабантуй.

Если не считать неприятности с “мышем”, который, возможно, представляет собой обыкновенное прошедшее время, а также того, что мы так и не увидели куреш, практика прошла более чем успешно: к концу второй недели абрикосы стали нелюбимой едой, а про некоторых из нас пошла слава, что мы понимаем или говорим по-гречески. Разумеется, случались и неприятные моменты — когда нам было не пробраться к ноутбукам, чтобы расшифровать записи, или хотелось домой, или никак не получалось придумать фразы для анкеты. Но все равно от этих трех недель, от поселка, его жителей и их радужия остались самые приятные воспоминания. В этом году, когда были объявлены даты и варианты новой практики, я думаю, лишь у немногих возникли сомнения, ехать или не ехать в Старый Крым; и я надеюсь, что экспедиции к урумам станут хорошей традицией кафедры общего языкознания СПбГУ.

Благодарим А. И. Пылева за помощь в редакционной обработке этого материала.

Фото: А. С. Шаповалова

610.ru

14 мая 2004 г. произошло историческое событие — у Санкт-Петербургской классической гимназии появился официальный сайт. “Абарис” взял интервью у непосредственных виновников случившегося — Сергея Чистовича (выпуск 1996 г.), Дмитрия Кобака и Александра Дистеля (выпуск 2000 г.).

Разговоры о том, что гимназии необходим сайт, велись несколько лет; за это время у меня, например, успело сложиться впечатление, что дело это хоть и нужное, но практически неосуществимое: оно требует серьезных затрат, длительных усилий специалистов и т. д. И вдруг несколько (и при том очень занятых) выпускников исполнили общегимназическую мечту буквально за два-три месяца — и сайт получился продуманным, жизнеспособным, вмещающим массу информации... Как вам это удалось?

С. Ч.: Только ни в коем случае не надо думать, что достигнуто все, о чем мечталось.

Д. К.: Идея витала в воздухе, и едва ли можно установить, кто предложил ее первым. К примеру, мы с Сашей уже довольно давно вели между собой такие разговоры, составляли планы разделов будущего сайта — даже не зная, что параллельно этот вопрос обсуждается в администрации и на совете гимназии. В какой-то момент толчок был дан фондом “Анабасис”, включившим пункт о сайте в свою программу; потом прошел еще год, и мы взялись за дело уже сами. Дизайн принадлежит выпускнику 2000 г. Юрию Мельникову, который сейчас работает администратором сайта Пятого телевизионного канала (он, в частности, придумал

те абстрактные картинки, напоминающие каракули на полях ученических тетрадок, которыми сопровождаются заголовки разделов). Помогал выпускник 2001 г. Андрей Менде, С. В. Бурячко и Т. О. Каменева делились информацией...
С. Ч.: Просто накопилась некая критическая масса гимназистов (бывших и сущих), которые, с одной стороны, имеют определенный опыт программирования, а с другой стороны, хотят заниматься школьными делами.

Как сейчас распределены обязанности между вами?

С. Ч.: Ну, сейчас лето, мертвый сезон. Митя потихоньку размещает обновления, Саша что-то программирует, посетители форума обсуждают, как греки победили французов... Кстати, давно хотел спросить: почему у нас восклицательные знаки перед непрочитанными сообщениями на форуме ставятся по дню последнего “захода”, а не по времени?!
(Следует дискуссия сугубо специального характера: С. Ч., как обычно, настроен критически, Д. К. и А. Д. не сдаются.)

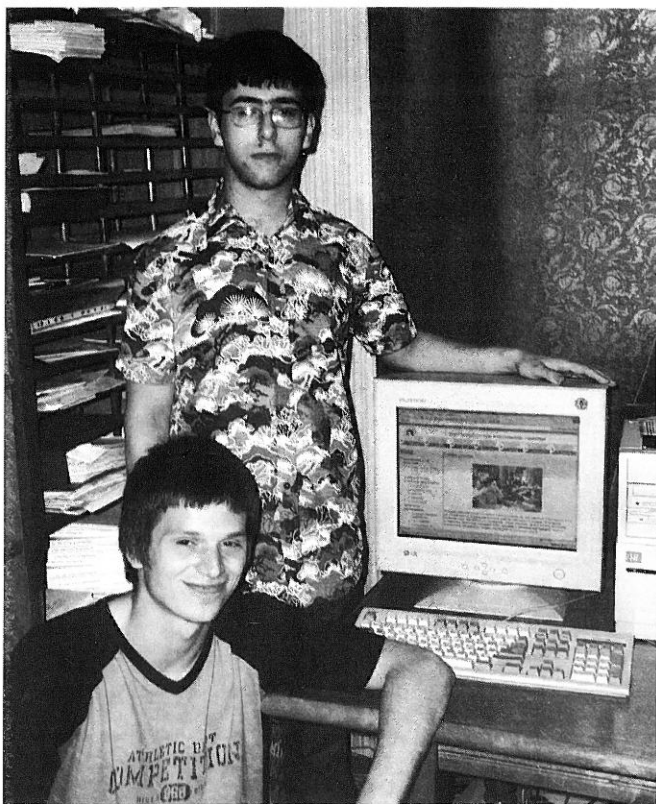
Д. К.: Какую-то часть программистской работы мы еще выполним, но в новом учебном году хотелось бы привлечь к делу старшеклассников — которые “вытрясали” бы из авторов обещанные материалы, вносили обновления в базу данных (где собраны сведения обо всех, кто имеет или имел отношение к гимназии), редактировали раздел новостей и т. п.

Уже сейчас родители, задумывающиеся о том, отдавать ли ребенка в классическую гимназию, могут, зайдя на 610.ru, узнать о нашем учебном плане, программах и факультативах, порешать задания из вступительного теста, познакомиться с преподавателями — одним словом, составить разностороннее впечатление о школе. Однако помимо рекламно-информационной функции у сайта есть и другая: в идеале он призван объединять учеников, выпускников и учителей, участвовать в создании некоей гимназической общности. Иначе говоря, на сайте регулярно должно появляться что-нибудь новое и интересное не только для людей “со стороны”, но и для тех, кто знает гимназию изнутри. Как этого добиться?

Д. К.: На сайте действует форум, устроенный таким образом, чтобы на нем можно было вести несколько дискуссий параллельно. Сейчас среди посетителей форума выпускников даже больше, чем учеников; есть и учителя.

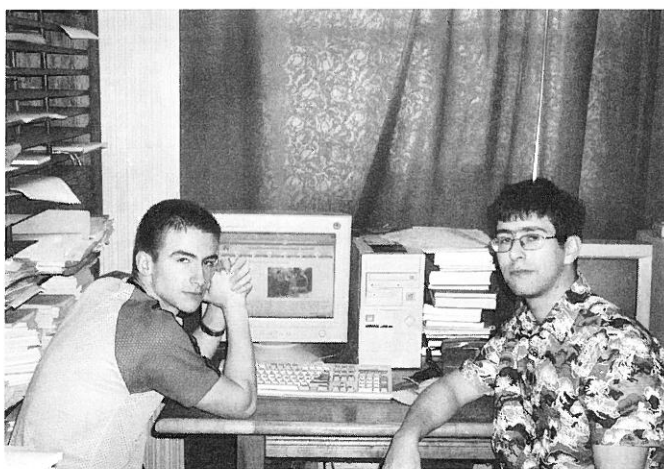
С. Ч.: Ну, это понятно: детей родители к компьютеру не подпускают, а выпускники сидят целыми днями на работе — делать нечего, вот и болтают на форуме.

А. Д.: Когда два года назад мы обсуждали проект сайта, в нем большое место занимали внутриклассные гостевые книги. Сейчас мы от этой идеи отказались: для общения “в узком кругу” у многих классов и выпусков есть в Интернете свои странички, а то и целые сайты (безусловно лучший из них —

сайт выпуска 2000 г., созданный Д. К. — *Ред.*), а здесь концепция другая: пусть пятиклассники обмениваются мнениями с десятиклассниками, выпускники — с учителями и т. д. На сайте есть рубрики гимназических новостей и объявлений, список ближайших дней рождения всех, кто работает в школе, пополняющаяся подборка цитат о классическом образовании; буквально на днях появился раздел фотографий “Фотобанк”, который, я думаю, привлечет многих гимназистов. Кроме того, мы хотели бы публиковать доклады, которые делаются на школьных кружках и факультативах, работы художественной студии и т. п. В будущем возможны голосования, авторские колонки... Мы открыты для новых идей.

С. Ч.: Хороший сайт — такой, где всегда можно прочитать что-нибудь новенькое. Хочется, чтобы любая гимназическая активность — детские сочинения, стихи, рефераты, отзывы на школьные спектакли и т. п. — так или иначе находила отражение на 610.ru. Много до сих пор не реализовано вовсе или реализовано наполовину: для того, чтобы сайт

работал по-настоящему, и вправду нужны люди, готовые тратить на это время и силы. Кстати, вот мы сейчас пришли в школу и видим, что на стене висят результаты математической олимпиады: тому, кто их распечатывал и вывешивал, не пришлось в голову, что место такой информации — не только здесь, но и на сайте. Как известно, революции происходят в головах; пока что гимназия еще не успела привыкнуть к тому, что у нее есть сайт.

Д. К.: В школе постоянно появляется множество любопытных материалов — допустим, шестиклассница перевела английское стихотворение или нашелся сценарий капустника десятилетней давности. Вот недавно выпускница 1997 г. Наташа Слюсарь прислала целый архив... Обращаюсь ко всем заинтересованным лицам: пусть каждый гимназист и выпускник, у которого имеются материалы, интересные всем посетителям сайта, переправляет их нам. Мы в случае чего готовы придумывать новые разделы, подсказать, как делать их периодически обновляющимися и т. д.

А. Д.: Почти в каждом классе (особенно в младших) на стенах висят газеты, где публикуется множество интересных вещей — вот ресурс информации для сайта.

Отдельно стоит сказать о разделе “Люди”. На мой взгляд, полный список выпускников с указанием законченных ими вузов, мест работы, сферы научных занятий и пр. — лучшая реклама гимназии. Собирая сведения о выпускниках, распространяя анкеты, вы заставили “проявиться” людей, которые много лет не заходили в школу о которых мы, их учителя,

давно ничего не слышали. На форуме появились сообщения из Франции, Америки, Голландии...

С. Ч.: Да, для тех выпускников, кто оказался за границей, сайт — едва ли не единственная возможность что-то узнать о гимназической жизни.

Д. К.: Получается парадокс: чем дальше выпускник от гимназии, тем больше его активность на сайте. Вообще же объединять выпускников (вернее, дать возможность объединиться тем, кто этого хочет) изначально было одной из наших задач.

Продолжая тему объединения выпускников, хочу сказать, что одно из самых интересных начинаний, появившихся в гимназии в этом году — это клуб *Concursus alumnorum*, на ежемесячных собраниях которого выпускники рассказывают о своей научной и профессиональной деятельности. Едва ли случайно, что делами клуба занимаются те же, кто поддерживает сайт: С. Чистович — президент *Concursus alumnorum*, Д. Кобак — его пресс-атташе; отчеты о заседаниях и даже тексты некоторых выступлений появляются по адресу 610.ru. Какова история этого проекта?

Д. К.: Идея принадлежала А. Ю. Алексееву и В. А. Дымшицу (учителям математики и химии соответственно. — *Ред.*); затем эту инициативу подхватил и развил фонд “Анабасис”, и первые заседания клуба были организованы усилиями администрации фонда. Дело в том, что выпускники, получившие более или менее одинаковую гимназическую подготовку, затем углубляются каждый в свою специальность и постепенно утрачивают ту широту кругозора, которая лежит в основе концепции классического образования. К примеру, мы трое в гимназии уделяли филологии едва ли не половину учебного времени, а потом пошли изучать программирование — и теперь нам интересно послушать человека, который все эти годы продолжал заниматься филологией и рассказывает, например, о “галантном” образе Сократа в литературе XVIII в. или об особенностях выражения идеи будущего в греческом языке (имеются в виду доклады выпускников 1996 г. А. Костина и Д. Кейера. — *Ред.*): таким образом мы получаем то, чего в силу специализации высшего образования были лишены с тех пор, как закончили гимназию. И наоборот, нынешние выпускники-гуманитарии в школе много времени тратили на математику и физику — им будет интересно послушать нас... На каждом собрании выступают два докладчика; как правило, их сообщения вызывают бурные дискуссии. Затем публика переходит к чаю с непременно булочками и спокойным беседам. Практика показывает, что чаще всего разговор заходит о классическом образовании, закате Европы, гимназической жизни, проблемах цивилизации и достоинствах булочек. Кстати, каждому докладчику присваивается символическое, но почетное звание академика клуба.

С. Ч.: Вокруг гимназии существует растущее сообщество людей, которые, может быть, и нечасто появляются в родных стенах, но уж точно чувствуют привязанность к школе и интересуются ее жизнью. Создание клуба выпускников — шаг к укреплению этого сообщества. Пока еще рано говорить, насколько он оказался успешным: не много еще времени прошло и не многое еще сделано. Но кое-что уже есть, и это внушает надежду.

*Беседу вел В. В. Зельченко
Фото: Д. Кобак, А. Дистель*

Григорий Воробьев

9 класс

Разговор Канта с античными философами о морали

Публикуемый диалог получил II премию на Кантовском конкурсе, организованном Гёте-Институтом и Генеральным консульством Германии в Санкт-Петербурге. Редакция "Абариса" присоединяется к поздравлениям автору.

Участвуют:

Иммануил Кант	немецкий философ
Лямпе	его слуга (<i>все время молчит</i>)
Аристипп	греческие философы
Хрисипп	
Эпикур	
Сенека	

Место действия — Элизиум.

Курсивом выделены подлинные слова философов.

Хрисипп. Друзья, мне стало известно, что в этом саду имеет обыкновение прогуливаться знаменитый варварский философ по имени Кант, который прославился своим учением о морали. Неплохо было бы познакомиться с ним.

Эпикур. Где мы его найдем?

Хрисипп. Говорят, что он очень педантичен в своих привычках, поэтому его всегда можно застать

в этой аллее в час утренней прогулки. А вот и он. Его постоянно сопровождает слуга.

СЕНЕКА. Привет тебе, достопочтенный. Говорят, что ты, так же, как и мы — великий моралист.

Кант останавливается и почтительно снимает шляпу. Лямпе кланяется. Древние философы приветственно поднимают руки.

КАНТ. Великий Сенека, я узнаю тебя и Эпикура: ваши портреты дошли до моего времени. А кто эти ученые мужи?

СЕНЕКА. Аристипп Киренский и Хрисипп-стоик.

КАНТ. Рад встрече с вами. Мне хорошо знакомы ваши идеи.

Хрисипп. Нам интересно побеседовать с тобой. До меня дошел слух, что ты отвергаешь то доказательство существования бога, которое изобрел Сократ, а затем развил я. Я утверждаю, что раз в мире все целесообразно, то бог существует. *Боги сотворили людей ради себя самих и друг друга, животных же ради нас: коня — чтобы с ним вместе воевать, собаку — чтобы с ней охотиться, барсов, медведей и львов — чтобы мы могли упражняться в мужестве.*

СЕНЕКА. Мы, стоики, считаем также, что бог существует, поскольку должно существовать нечто самое совершенное. *Если одна порода лучше другой, то существует и некая наилучшая. Существует высшее и наилучшее живое существо. Но совершенное и высшее должно быть лучше человека, должно быть преисполнено добродетелей и невосприимчиво ни к какому злу. Следовательно, бог существует.*

КАНТ. Мне кажется, что еще Эпикур отказался и от телеологического, и от онтологического доказательств бытия Бога, о которых вы говорите.

Эпикур. Ты прав, я не согласен со стоиками. Боги существуют, но распространенные представления о них ошибочны. Боги не вмешиваются в дела людей. Поэтому бессмысленно им молиться.

Кант. Я полностью тебя поддерживаю в этом... Молитвы и хождение в церковь не нужны. Бог — это нравственный закон.

Аристипп. Объясни, что ты имеешь в виду. Мы, гедонисты, полагаем, что высшее благо — это наслаждение. Все живое к нему стремится.

Кант. Ваше учение мне глубоко отвратительно. Вы склоняете человечество к пороку вот уже две тысячи лет. Вы и эпикурейцы ищете счастье в наслаждении. Справедливости ради следует сказать, что эпикурейцы понимают это наслаждение не так, как вы. Однако ваша этика — этика себялюбия. Личное блаженство, счастье — призрачные цели, которые не могут служить основанием нравственности и свободы. Они присущи каждому, но отражают лишь задачу, поставленную человеку его чувствами, но не разумом. Если человек всю свою жизнь посвящает поискам личного счастья, то он попадает в зависимость от чувств и внешних обстоятельств. Вот стоики — другое дело...

Сенека. Для нас превыше всего долг.

Кант. Я согласен с вами. В своей книге «Критика чистого разума» я доказал, что истинная нравственность не признает никаких других мотивов для поступков человека, кроме долга. Для стоика высшее благо — долг и аскетизм. Однако вы признаёте самоубийство, а с моей точки зрения, добровольный уход из жизни — нарушение долга.

Эпикур. Ты отрицаешь за человеком свободу выбора? Я создал учение о свободной человеческой воле и считаю, что свобода — величайшее благо.

Кант. Нет-нет, я признаю свободу, но свободная воля должна ограничиваться нравственной самодисциплиной. Только добровольное деяние может быть признано нравственным.

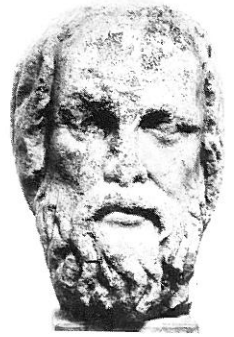
Эпикур. Я уверен, что задача философии — указать человеку путь к счастливой жизни. А ты, видимо,

считаешь, что счастье не может быть целью нравственного человека.

Кант. Я думаю, что философия дает ответы на три важнейших вопроса: что человек может знать, что он должен делать, на что он смеет надеяться. Однако различие принципа счастья и принципа нравственности не есть противопоставление их, и чистый практический разум не хочет, чтобы отказывались от притязаний на счастье; он только хочет, чтобы притязания эти не застали взор. Конечная цель — заслуженное счастье, которое получит бескорыстная личность, отрешившаяся от эгоистических мотивов. Вселенский моральный порядок — вот о чем мечтает такая личность. Этот порядок недостижим в границах земного мира, условиями его существования являются Бог и бессмертие души. Это и есть высшее благо.

Эпикур. Как ты можешь такое говорить? Ты же отверг все главные доказательства существования бога!

Кант. Я подумал о своем старом Лямпе. (Лямпе снова кланяется.) Он горько заплакал, когда узнал, что я критикую религию. Я понял, что Бог есть, но он внутри нас. Эту тайну мы не можем постичь: она слишком трудна для нашего разума. Мораль невозможна без убежденности в воздаянии — но в земной жизни воздаяние неосуществимо. Необходимость высшей справедливости обосновывает существование Бога, а также личное бессмертие, без которого нельзя было бы получить воздаяние после смерти. Однако рациональным путем мы не можем доказать, что загробное воздаяние и Бог существуют. Их бытие доказывается тем, что человек наделен совестью.

Аристипп

Эпикур

Хрисипп

Сенека

СЕНЕКА. Этого слова мы не знаем. Что оно значит?

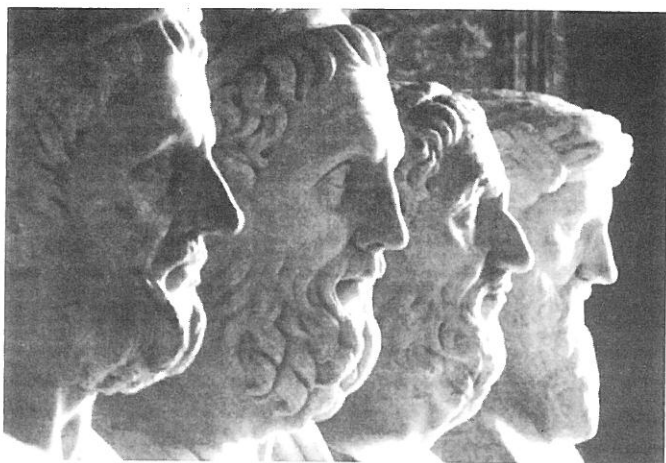
КАНТ. Совесть — со-знание, внутренний голос, от которого нельзя спрятаться, внутренний свидетель и обвинитель. Совесть — это страх, ушедший внутрь и направленный на человека изнутри. В церковной вере страх предстает в виде карающего Бога, который наказывает за нарушение закона, но человек может заслужить или вымолить его милость и прощение. В моей чистой религии разума сделка с Богом, то есть с совестью, невозможна. Важнейшим нравственным законом является категорический императив, то есть повеление: *поступай так, чтобы максима твоей воли могла быть принципом всеобщего законодательства*. Это означает, что человеческое поведение определяется общественными интересами. *Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого как к цели и никогда не относился бы к нему как к средству*.

АРИСТИПП. Ты, Кант, не любишь людей. Ты считаешь, что они сами не способны на добрые дела, что ими нужно управлять.

КАНТ. Одни мудрецы убеждены, что человек безнадежно погряз во зле. Другие видят его добрым от природы, но впавшим во зло под влиянием обстоятельств. Я считаю, что человек по природе зол, однако обладает задатками добра. Цель морального воспитания — взрастить эти задатки добра так, чтобы они одержали в человеке победу над злом. *Высшее нравственное благо не может быть осуществлено исключительно посредством стремления отдельного человека к его собственному совершенству, а требует объединения людей в одно целое ради той же цели*. Благо — общественная потребность и порождение общества. Я полагаю, что основа морали — переживание человеком своей вины. Только в борьбе человека с самим собой возможно нравственное обновление.

Платон говорил: “Слушайте музыку небесных сфер!” И я тоже смотрю в небо, изумляюсь неисчерпаемости Вселенной и говорю: *Звездное небо надо мной и нравственный закон во мне*.

Фото: В. М. Ярош

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

После того как в прошлом выпуске “Абариса” была напечатана подборка гимназических переводов элегии Овидия Trist. IV, 7, мы получили письмо от президента Клуба выпускников гимназии (Concursus alumnorum) Сергея Чистовича, которое с удовольствием публикуем.

Сергей Чистович

выпуск 1996 г.

Овидий. *Tristia* IV, 7

вариация

Два года промчались, и я опечален:
Два лета прошли, две зимы проползли,
А Вы, дорогой мой, два года молчали,
Двух строк написать двух минут не нашли.

Два раза зима поменялась на лето
И Рыбы на небе плескались меж туч:
В надежде на чудо, вскрывая конверты,
Я пальцы себе обдирал о сургуч.

Я верю, я знаю: Вы часто писали,
И даже рукав Ваш промок от чернил.
Наверное, письма в дороге пропали!
Возможно, что их Океан поглотил;

Возможно, что Сцилла с Харибдой на пару
Похитили их; что Химера их жаром
Своим подожгла; что трехтелый мужчина
Пропажи их есть основная причина;

Порвали их Гиаса рук миллионы —
А может быть, Сфинкс проглотил почтальона?..
Я знаю наверно: не может так быть,
Что Вы про меня бы могли позабыть.

Сквозь реки и горы, моря и просторы
Идут Ваши письма в мой скорбный приют;
Я жду их и верю, что все-таки скоро
Они до меня непременно дойдут.

Скажите, ужели бы Вы не хотели,
Чтоб письма прошли через цепи преград?
Пусть строки достигнут намеченной цели,
И вновь будет счастлив

Ваш друг,
Адресат.

ДОКЛАДЫ КРУЖКА “КЛАССИКА”

Константин Корешков

9 класс

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

О судьбе одного крылатого выражения

1.

В наше время фраза “И дым отечества нам сладок и приятен” в первую очередь ассоциируется с “Горем от ума”. Только что вернувшийся из-за границы Чацкий перебирает в разговоре с Софьей своих московских знакомых и под конец восклицает (д. I, явл. 7):

Опять увидеть их мне суждено судьбой!
Жить с ними надоест, и в ком не сыщешь пятен?
Когда ж постранствуешь, воротисься домой,
И дым отечества нам сладок и приятен!

Именно грибоедовский контекст определил современное употребление этого афоризма, который словари поясняют так: “На родине все дорого, все мило — даже неприятные вещи”; “даже отрицательные черты родины близки и дороги”.¹

Между тем строка о дыме отечества не принадлежит Грибоедову. В рукописях “Горя от ума” она подчеркнута, а в печатных изданиях выделяется курсивом, поскольку представляет собой цитату из “Арфы” Г. Р. Державина. Это стихотворение было написано в мае 1798 г. — как разъяснял сам автор, под впечатлением от игры на арфе Пелагеи Михайловны Бакуниной (Бакунина с семьей в то время жила в усадьбе Державина в Званке). Исполненная под аккомпанемент арфы песня о Казани, в окрестностях которой Державин появился на свет, пробуждает у поэта воспоминания об оставленной родине:

Звучи, о арфа, ты всё о Казани мне!
Звучи, как Павел в ней явился благодатен!²
Мила нам добра весть о нашей стороне:
Отечества и дым нам сладок и приятен.³

“Арфа” была опубликована в 1799 г. в третьем выпуске “Аонид” Н. М. Карамзина и с тех пор неоднократно перепечатывалась. Заключительные строки о “дыме отечества” быстро стали крылатыми: помимо

Грибоедова, их использовал Батюшков в “Послании И. М. М^уравьеву-А^кпостолу” (1814–1815: “В Пальмире Севера, в жилище шумной славы, / Державин камские воспоминал дубравы, / *Отчизны сладкий дым* и древний град отцов...”), С. Н. Глинка в 1808 г. взял эпиграфом к журналу “Русский вестник”,⁴ Пушкин перефразировал в одном из писем (см. ниже), а П. А. Вяземский переосмыслил в шуточном стихотворении “Самовар” (1838):

Поэт сказал — и стих его для нас понятен:
“Отечества и дым нам сладок и приятен!”
Не самоваром ли — сомненья в этом нет —
Был вдохновлен тогда великий наш поэт?

При сопоставлении строк “Арфы” и “Горя от ума” можно заметить, что Грибоедов существенно видоизменяет свой источник. Лирический герой Державина находится вне родины, и песня, напомнившая о Казани, ассоциируется у него с далеким дымом родных очагов: в разлуке с отечеством даже созерцание этого дыма “сладко и приятно” (как мы покажем ниже, эта ситуация в точности соответствует античному употреблению фразеологизма). Напротив, у Грибоедова герой находится дома и с иронией говорит о внезапной

А. С. Грибоедов

симпатии к давно не виденным московским мракобедам — ведь у себя в отечестве радуется даже такая малоприятная вещь, как дым. Из всех исследователей, писавших о нашем выражении, это переосмысление (“от умильного взгляда издали на родные места у греков до терпеливого пребывания в родимом чаду, по ощущению Грибоедова-Чацкого”) заметил только А. К. Гаврилов — предположительно связав его с влиянием библейского сюжета о жене Лота, которая не может удержаться от взгляда на горящие Содом и Гоморру.⁵

Вопросом об античных корнях этого изречения впервые занялся Я. К. Грот (1812–1893) при подготовке академического собрания сочинений Державина. Просматривая современную поэту периодику, Грот наткнулся на журнал историка и литератора Ф. О. Туманского “Российский магазин” (1792–1794), эпиграфом к которому служила латинская формула *Et fumus patriae dulcis* — с переводом (“И дым отечественный сладок”), но без указания источника. Не найдя этой цитаты у древнеримских авторов, Грот обратился за помощью к филологам-классикам: братьям Коссовичам, Н. М. Благовещенскому и Августу Науку. Профессор Санкт-Петербургского университета, один из основателей русского востоковедения К. А. Коссович (1815–1883) прислал Гроту подробную справку, которую тот воспроизвел в комментариях к “Арфе”:

Первый поэт, почувствовавший сладость в отечественном дыме, был Гомер. В первой книге “Одиссеи” Паллада, хлопоча у Зевеса о возвращении на родину Одиссея, задерживаемого Калипсою, выражается следующим образом: “Калипсо старается очаро-

вать Одиссея и привлечь его к себе своими вкрадчивыми и нежными словами; ей хочется, чтобы он забыл Итаку и остался у нее навсегда; но настроение души Одиссеевой таково, что для него сладостна самая смерть, лишь бы только в виду дыма, убегающего с кровель его родины”:

...αὐτὰρ Ὀδυσσεύς,
ἴμενος καὶ καπνὸν ἀποθρῶσκοῦντα νοῆσαι
ἧς γαίης, θανέειν ἰμείρεται

(*Od.* I, 57–59; т. е. если не суждено ему воротиться, то по крайней мере было бы ему сладостно увидеть с своего корабля хоть дым от кровель прибрежных домов его родины).

После Гомера, помнится, чувство привязанности к отечеству любили выражать подобною же метафорой и римляне. Брат мой, И<гнатий> А<ндреевич>,⁶ нашел стих с дымом только у Овидия (*Ov. Ex Ponto*, I, 3, 33): Овидий говорит, что тоска по отечестве, как ни убедительны доводы его друга, доказывающие ее беспочвенность, поминутно возвращается к нему в его изгнании. “<...> Впрочем, не глуп был и Одиссей, а все-таки он жаждет иметь возможность видеть хоть дым с отечественных очагов. Родная земля влечет к себе человека, пленив его какой-то невыразимой сладостью, и не позволяет забыть о себе”:

Non dubia est Ithaci prudentia, sed tamen optat
fumum de patriis posse videre focus.
Nescioqua natale solum dulcedine captos⁷
ducit et immemores non sinit esse sui.

Слово *dulcedo* в связи с понятием (т. е. со смыслом. — К. К.) предыдущего стиха, по мнению моего брата, родило — по всей вероятности, уже после римского времени — пословицу *Dulcis fumus patriae*, из которой потом вылился у нас стих *Отечества и дым нам сладок и приятен*.⁸

Благодаря высочайшему научному авторитету Грота эта версия оказала определяющее влияние на изучение афоризма: вот уже больше ста лет все русские словари крылатых слов повторяют ее без каких-либо поправок и дополнений. Даже случайная описка, допущенная Гротом в названии журнала Туманского (“Российский музей”), донны не остается неисправленной.⁹

Итак, в концепции братьев Коссовичей и Грота (мы позволим себе добавить к ней наблюдение А. К. Гаврилова) история фразеологизма выглядит следующим образом: источник — Гомер; продолжатель — Овидий; именно Овидий, в строках которого “дым отечества” впервые сое-

Я. К. Грот

динился со “сладостью отечества”, дал начало поговорке *Et fumus patriae dulcis*. Эту поговорку использовал Туманский,¹⁰ а затем и Державин; наконец, Грибоедов остроумно переосмыслил Державина (может быть, под библейским влиянием), поняв “дым отечества” не как “напоминание о родине”, а как “неприятные вещи на родине”.

Все это мы и решили проверить.

2.

Как справедливо указал Коссович, самое раннее упоминание “дыма отечества” содержится в “Одиссее” (I, 57–59). Это гомеровское место было очень популярно в древности: помимо Овидия, его используют самые различные авторы в самых различных, подчас удивительных контекстах. К примеру, Филострат (II–III вв.) перефразирует Гомера, описывая картину со спящей на Наксосе Ариадной и покидающим ее Тесеем, который уже забыл о своей спасительнице и душой стремится на родину (“Картины”, I, 15, 3): “Тесей любить-то любит, но дым Афин (Θησεύς δὲ ἐρᾷ μὲν, ἀλλὰ τοῦ τῶν Ἀθηναίων καπνοῦ); а Ариадну не знает уже, и никогда не знал, и я уверен, что он забыл уже и лабиринт, и не может сказать, зачем когда-то приплыл на Крит — до такой степени он поглощен только тем, что лежит прямо по курсу его корабля...”

В том же II в. н. э. Апулей, находясь в городе Эя (нынешний Триполи), был привлечен к суду по обвинению в чародействе и произнес в свою защиту большую речь — “Апологию”. Среди прочего он опровергает показания одного из свидетелей, некоего Юния Красса (пользовавшегося репутацией гуляки, на что не преминул намекнуть Апулей). Красс заявил суду, что Апулей вместе со своим другом устраивали в его доме, где друг снимал жилье, какие-то подозрительные ночные жертвоприношения; сам Красс в это время находился в Александрии (вы можете прикинуть расстояние!), однако узнал о случившемся благодаря дыму от факелов над крышей своего дома. Апулей ехидно замечает по этому поводу (гл. 57): “Улисс в течение долгих лет, глядя с берега на море, тщетно ловил дым, поднимающийся над его землей; Красс же в те немногие месяцы, что не был дома, без труда высмотрел этот же дым, сидя в таверне!”

Будущий император Марк Аврелий приводит эту гомеровскую цитату по-гречески в шуточном “Порицании сну”, написанном по заданию его учителя Фронтон (Front. Epist. ad Caes. I, 4, 3). Любопытнее другое упоминание “дыма отечества” у того же автора: скупая по уехавшему Фронтому, Марк пишет ему, что рассчитывает вскоре увидеть его жену (V, 20):

Одиссей и Калипсо
Луканская ваза. IV в. до н. э.

Domina mater te salutat, quam ego hodie rogabo, ut ad me Cratiam perducatur — vel fumum, inquit, patriae Graius poeta.

Тебя приветствует госпожа моя мать, которую я сегодня попрошу, чтобы привела ко мне Кратию — “хоть бы дым отечества”, как сказал греческий поэт.

Как видим, Марк Аврелий впервые употребляет латинское сочетание *fumus patriae*, которое мы потом найдем в эпитафии “Российского магазина”; кроме того, он одним из первых (ср. также *Max. Tyr.* 21, 8c) использует идиому “дым отечества” в переносном смысле, как и Державин (= “любое напоминание о желанном отечестве”; в данном случае — Кратия как напоминание о Фронтоне). Однако приписывать Марку сколько-нибудь важную роль в истории нашего фразеологизма не следует: его переписка с Фронтоном была обнаружена и опубликована Анджело Майи только в 1815 г.

Еще один пример показывает, что гомеровское выражение не было забыто и византийскими эрудитами. Михаил Пселл (философ, историк и писатель XI в.), рассказывая в одном из писем о совершенном им морском путешествии, говорит (*Epist.* 13; vol. II, p. 16 Kurtz – Drexl): “С трудом мы достигли берега, с судна сошли и в Агрос (город в малоазийской области Мисия. — К. К.) вошли. И, немного побыв, снова вспомнили о возвращении, желая увидеть дым, поднимающийся над нашей родиной (καπνὸν ἰδεῖν ἀποτρῴσκοντα εἰς πατρίδος ἐπιθυμοῦντες). Поэтому, взойдя опять на корабль, отчалили”.

Однако совершенно особая судьба ожидала этот стих “Одиссеи” в сочинениях позднеантичных ораторов. Среди стандартных жанров греческого школьного красноречия существовал и такой, который можно обозначить как “похвальная речь отечеству”; в этом контексте ораторы, любившие уснащать свою речь мифологическими примерами, никак не могли обойти вниманием Одиссея, который ради возможности возвратиться на родину отказался даже от предложенного Калипсо бессмертия.¹¹ Так, Дион Хризостом, в 82 г. н. э. приговоренный императором Домицианом к изгнанию — как из Италии, так и из его родной Прусы в Вифинии, — явился в Афины, где произнес перед жителями города цветистую речь. Вот что говорит Дион о тех чувствах и мыслях, которые охватили его после приказа покинуть отечество (13, 4): “Вспоминал я и о гомеровском Одиссее, часто оплакивавшем свою участь, — о человеке героическом и крайне выносливом, но все-таки говорившем недостойные вещи и всякий раз рыдавшем на берегу моря от тоски по родине; в конце концов, как говорит поэт, он желал увидеть дым, восходящий от его земли (ἐπεθύμει καπνὸν ἰδεῖν ἀπὸ τῆς αὐτοῦ γῆς ἀνιόντα), даже если придется тотчас умереть”. В другой речи (47, 6), произнесенной уже после помилования, Дион в схожем контексте повторяет те же слова об Одиссее и дыме отечества — как видим, они уже превратились в самое настоящее “общее место”.

То же можно найти и у Лукиана (II в. н. э.) в небольшой речи “Похвала родине” (гл. 11), которая представляет собой школьное риторическое упражнение:

Καὶ σπεύδει τις εἰς τὴν πατρίδα, κἂν νησιώτης ᾦ, κἂν παρ’ ἄλλοις εὐδαιμονεῖν δύνηται, καὶ διδομένην ἀθανασίαν οὐ προσήσεται, προτιμῶν τὸν ἐπὶ τῆς πατρίδος τάφον, καὶ ὁ τῆς πατρίδος αὐτῷ καπνὸς λαμπρότερος ὀφθήσεται τοῦ παρ’ ἄλλοις πυρός.

И стремится на родину всяк — даже если он островитянин, даже если он может блаженствовать у чужих, — и не примет в дар бессмертия, предпочитая могилу на родине, и дым отечества покажется ему ярче, чем огонь у чужих людей.

Наконец, оригинальную трактовку мотива предлагает оратор IV в. Либаний, в одном из писем (*Epist.* 1555; ср. также *Or.* 1, 12) ободряющий своего адресата, который несет службу на дальних рубежах империи: тоска по дыму отечества, конечно, благородна, однако если бы Улисс из любви к родине остался дома, мы никогда не прочли бы ни стиха *Od.* I, 58, ни “Одиссеи” вообще...

Как мы предполагаем, именно в рамках этой риторической традиции “дым отечества” оказался соединен со “сладостью отечества”, причем источником последнего сочетания тоже послужил Гомер. У ритора Менандра, написавшего в III в. н. э. учебник по красноречию, в разделе “О прощальной речи” (*Rhet. Gr.* vol. III, p. 433, 5–9 Spengel) начинающему оратору предлагается, в числе прочего, обратиться к примеру Одиссея и сказать такие слова:

Τίς γὰρ Σειρήσι παρὰ τυχῶν ἢ παρὰ Λωτοφάγους ἀφικόμενος οὐκ ἂν ὑμᾶς προτιμήσειεν;

ὥς οὐδὲν γλυκίον ἢς πατρίδος οὐδὲ

τοκήων,

ὥς “Ὀμηρὸς ποῦ φησι,

ἢς γαίης καὶ καπνὸν ἀποθρόσκοντα νοῆσαι.

Ибо кто, хоть бы даже к Сиренам попавший или к лотофагам пришедший, не предпочтет им вас (т. е. сограждан)? “Ибо ничего нет слаще своей отчизны и родителей, — как говорит Гомер, — и того, чтобы видеть дым, восходящий над родной землей”.

Второй из приводимых Менандром стихов нам уже знаком, хотя и в несколько ином виде; что касается первого, ὥς οὐδὲν γλυκίον ἢς

πατρίδος οὐδὲ τοκήων, то он также

взят из “Одиссеи” (IX, 34): это слова

Одиссея на пиру у царя феаков Алкиноя (в пер. В. А. Жуковского:

“Сладостней нет ничего нам отчизны и сродников наших, /

Даже когда б и роскошно в богатой обители жили /

Мы на чужой стороне, далеко от родителей милых”).

Этот стих тоже многократно цитировался в античности: Лукиан, начиная им уже упоминавшуюся речь “Похвала

родине”, называет его общеизвестным (протεθρυλημένον). Между прочим, именно благодаря этой строке эпитеты γλυκός и dulcis стали широко использоваться для выражения любви к родине — вплоть до прославленного dulce et decorum est pro patria mori Горация (*Carm.* III, 2, 13).

Итак, Менандр цитирует два стиха, у Гомера отделенные друг от друга почти четырьмя тысячами строк, как будто они составляют единую фразу: инфинитив νοῆσαι оказывается у него однородным с πατρίδος οὐδὲ τοκήων. Для успеха этой рискованной синтаксической операции Менандру даже приходится подредактировать стих *Od.* I, 58, заменив ἴεμενος на ἢς γαίης из следующего ст. 59. В результате получается якобы гомеровская сентенция “нет ничего слаще, чем видеть даже и дым отечества”.

Итак, Менандр цитирует два стиха, у Гомера отделенные друг от друга почти четырьмя тысячами строк, как будто они составляют единую фразу: инфинитив νοῆσαι оказывается у него однородным с πατρίδος οὐδὲ τοκήων. Для успеха этой рискованной синтаксической операции Менандру даже приходится подредактировать стих *Od.* I, 58, заменив ἴεμενος на ἢς γαίης из следующего ст. 59. В результате получается якобы гомеровская сентенция “нет ничего слаще, чем видеть даже и дым отечества”.

У нас есть основания полагать, что эта манипуляция с цитатами — не изобретение Менандра. В V в. н. э. Иоанн Стобей составил для своего сына огром-

ную антологию афоризмов из древних авторов, разделенную по темам (Стобей не отыскивал их сам, а пользовался уже существовавшими сборниками). В главе “О родине” (III, 39, 20–21) друг за другом приводятся те же два места из “Одиссеи”: αὐτὰρ Ὀδυσσεὺς ἱκέετο ἧς γαίης καὶ κατὰν ἀποθρῶσκοντα νοῆσαι ἰὼς οὐδὲν γλύκιον ἧς πατρίδος ἠδὲ τοκῆων. Как отметил Отто Хензе, стих I, 58 дан у Стобея в такой же видоизмененной форме, как и у Менандра, что указывает на общий источник — иными словами, на клише патриотического красноречия.¹²

К этой же традиции восходит и упоминание “дыма отечества” в близком соседстве со “сладостью отечества” у Овидия (*Pont.* I, 3, 33–36) — в строках, которые, как мы помним, Коссович счел основным источником фразеологизма. Между тем немецкий филолог Ф. Вильгельм в статье, специально посвященной третьему “Посланию с Понта”, показал, что Овидий строит свое стихотворение все по тому же риторическому шаблону “похвалы родине”: едва ли не для каждой детали из элегии Овидия Вильгельм находит параллели у греческих орагоров.¹³

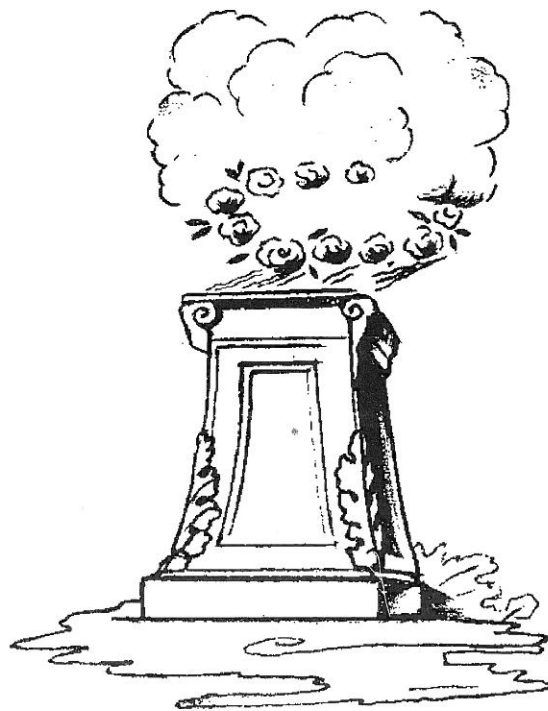
Подводя итоги бытованию “дыма отечества” в античности, можно заметить, что “дым” в этом сочетании всегда означает “напоминание” (как у Державина); ни одного примера “грибодовского” употребления мы не нашли.¹⁴ Кроме того, у древних этот афоризм никогда (за единственным исключением Филострата) не отрывается от гомеровского контекста, т. е. не теряет связи с образом тоскующего Одиссея у Калипсо. Большинство авторов, говорящих о дыме отечества, прямо ссылаются на Гомера (Дион, ритор Менандр, Марк Аврелий) или по крайней мере называют имя Улисса (Овидий, Апулей, Либаний); однако и там, где таких упоминаний нет, ассоциацию с “Одиссеей” можно уловить. Так, Лукиан начинает свою фразу со слов “на родину стремится всякий, даже *островитянин*” — и тем самым, конечно, намекает на Одиссея (ср. *Od.* IX, 27–28); и даже у Пселла, на первый взгляд безыскусно рассказывающего о своих злоключениях, ионийская форма местоимения ἐῆς отсылает к Гомеру. Это не позволяет согласиться с Эразмом Роттердамским, утверждавшим, что фраза о дыме отечества уже в античности стала пословицей (“*proverbii faciem habet*”): точнее будет говорить не о пословице, а именно о популярной цитате, автор и контекст которой продолжали сохраняться в памяти.

Только что упомянутый Эразм рассуждает о нашем афоризме в монументальном труде *Adagia* (1-е изд.: Париж, 1500) — комментированном собрании латинских и греческих пословиц. Под № 116 Эразм приводит фразу *Patriae fumus igni alieno luculentior* (“Дым отечества ярче чужого огня”), которая, как легко заметить, представляет собой перевод заключительных слов из цитировавшегося выше отрывка Лу-

киана. Естественнее всего было бы думать, что этот перевод принадлежит самому Эразму (в его сборнике очень много греческих крылатых выражений, переведенных на латынь); такому выводу, однако, мешает комментарий, где место из Лукиана приведено как параллель к латинскому афоризму, а не как его источник.¹⁵ Воздерживаясь от окончательного суждения, отметим все же, что до Эразма эта латинская фраза нигде не засвидетельствована.

Благодаря Эразму сочетание *Patriae fumus igni alieno luculentior* попало в западноевропейские словари крылатых слов;¹⁶ напротив, формулу *Et fumus patriae dulcis*, стоящую на титульном листе “Российского магазина”, ни в одном из них обнаружить не удалось.

Важно отметить, что латинская версия Эразма уже провоцирует на переосмысление выражения, поскольку в ней образ “дыма отечества” впервые оказывается вне контекста. В самом деле, эти слова можно применить не только к изгнаннику, но и к человеку, находящемуся на родине: собственный чадающий очаг милее ему, чем яркое пламя у соседа. Так, у итальянцев есть пословица *Più vale il fumo di casa mia, che l'arrostato dell'altrui* (“Дым от моего дома дороже, чем жаркое у других”);¹⁷ без сомнения, она восходит к приводимой Эразмом, но сравнение с жарким, пожалуй, уже заставляет видеть в “дыме” “бесполезную и неприятную вещь”, а не “напоминание”.

Дым отечества

Концовка к “Арфе” из рукописного сборника
“Сочинения Державина”,
выполненная по заказу поэта.

Рис. И. А. Иванова с оригинала А. Е. Егорова

3.

Обратимся теперь к русской традиции. Как мы помним, Грот в своих изысканиях дошел до эпитафии к “Российскому магазину” Туманского, первый номер которого вышел в сентябре 1792 г. Впоследствии петербургский лексикограф З. М. Петрова, в рамках подготовки “Словаря русского языка XVIII в.” занимавшаяся учетом и просмотром всех отечественных изданий этого времени, указала на еще более раннее упоминание этого сочетания.¹⁸ Речь идет о напечатанном в 1772 г. “Размышлении о любви к отечеству” поэта и драматурга Федора Козельского (1734 – после 1799):

О, коль согласие в фамилии полезно!
О, коль отечество всем должно быть любезно!
Оно нам жизнь дает, оно питает нас,
Покоит, веселит, блюдет во всякий час.
Кто будет, злом хотя, от онога отвратен?
Скажу с творцом: и дым отечества приятен.¹⁹

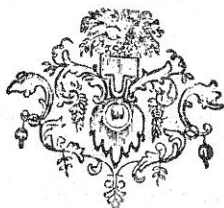
Прежде всего нужно заметить, что “приятный дым отечества” появляется здесь в уже знакомом нам контексте расхожих риторических формулировок — ведь “Размышление...” Козельского, в сущности, принадлежит тому же жанру, что и “Похвала родине” Лукиана. Об источниках Козельского мы ничего не знаем; скорее всего, это западноевропейская (школьная?) ораторская традиция, наследовавшая Диону и Либанию.

СОЧИНЕНИЯ

ФЕДОРА КОЗЕЛЬСКАГО.

второе издание исправленное
и вновь приумноженное.

ЧАСТЬ I.

ПЕЧАТАНО

при Императорской Академіи Наукъ
1778 года.

Козельский осведомлен об авторе афоризма (как справедливо замечает З. М. Петрова, “скажу с творцом” означает “повторю за поэтом”, а “Поэтом” без дальнейшей конкретизации может быть только Гомер), но уже не помнит контекста “Одиссеи”, что и приводит его к переосмыслению. В самом деле, строку “Кто будет, злом хотя, от онога отвратен?” можно пересказать так: “Кто решится отвернуться от отечества, даже если оно причинит ему зло?”; следовательно, Козельский говорит о дыме отечества не в гомеровском, а в “грибоедовском” значении.

Итак, уже при первом своем появлении в русской литературе это выражение приняло законченную форму, которая в дальнейшем почти не претерпит изменений. Сразу же предупредим, что считать Козельского источником Державина нет возможности — для современников этот поэт был малосущественной и даже комической фигурой (так, близкий друг Державина В. В. Капнист в “Сатире первой” (1780) поместил Козельского в ряд “несмысленных и мерзких стихотворцев, / Слагателей вранья и сущих умоборцев”).²⁰

Следующее по хронологии упоминание — уже известный нам эпитафия к историческому журналу Туманского. Едва ли нужно специально подчеркивать, что “Российский магазин” издавался в Петербурге, а не за границей, и был предназначен вовсе не для мучимых ностальгией изгнанников. Таким образом, и в этом случае *fumus patriae* означает не “любое напоминание об оставленном отечестве”, а “даже самую ничтожную вещь в отечестве”. Смысл эпитафия становится ясен благодаря цитатам из программного предисловия Туманского к первому номеру журнала: “Всему будет здесь место, что токмо вообще относится к России”; “Все, будучи сохранено, в свое время трудящемуся будет нужно и полезно”; “Любители наук, усердные своему отечеству сыны не уклонятся быть сотрудниками: сообщать, что к сведению их дошло, хотя бы и необработанное, неполное. Не должен никто сомневаться, что обстоятельства иногда маловажны: великое без малого не сооружается”.²¹

Как мы видели, обнаружить прямой источник латинской формулировки Туманского *Et fumus patriae dulcis* не удалось ни Коссовичу, ни Гроту, ни Я. М. Боровскому. Не знают ее и западные словари крылатых слов. Конечно, новолатинская литература необозрима, и существует вероятность, что когда-нибудь этот источник отыщется; не исключено, однако, что афоризм принадлежит самому Туманскому, который “для солидности” перевел на латынь риторическое клише, известное ему по-русски или на одном из европейских языков (кстати, Туманский знал латынь и переводил с нее — например, назидательные двустипшия Дионисия Катона). Возможно, ориентиром Туманскому послужила Эразмова пословица *Patriae fumus igni alieno luculentior*; напротив, место из “Посланий с Пон-

та”, в котором “дым” и “сладость” находятся в разных предложениях, на эту роль явно не годится.

После “Российского магазина” мы встречаем формулу *Et fumus patriae dulcis* всего один раз²² — опять в России, и к тому же с курьезной отсылкой к Горацию. В 1812 г. прозаик и драматург В. Т. Нарезный закончил плутовской роман в шести частях “Российский Жилбляз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова” (полностью издан только в 1938 г.). В одном из эпизодов этой книги (ч. V, гл. 16) герой после долгих лет разлуки навещает родные места:

Что я тогда чувствовал, было неизъяснимо. Я походил на ребенка, которого прежде времени отняли от груди матерней и после нескольких дней опять дали ему питаться молоком ее. Никогда живее не чувствовал Горациева стиха *et fumus patriae dulcis*. Выражение сие в тогдашнее время пришло мне на мысль кстати; ибо, подходя к своей хижине, увидел, что она полуразвалилась. Крапива и репейник господствовали в огороде. Словом, взошедший месяц представил мне из прежнего моего обиталища обитель разрушения.²³

Нарежный мог почерпнуть эту сентенцию непосредственно из журнала Туманского; это кажется тем правдоподобнее, что “Российский магазин” за два года своего существования напечатал ряд важных документов по истории Малороссии XVII–XVIII вв., а Нарезный был автором нескольких исторических романов, основанных как раз на украинском материале.

Но не будем нарушать хронологию. После Козельского и Туманского все последующие упоминания нашего афоризма в русской литературе до Грибоедова также подразумевают ситуацию, когда говорящий находится дома, а не на чужбине; таким образом, “дым отечества” означает “самые ничтожные вещи в отечестве (или касающиеся отечества)”. Так, в 1794 г. переводчик А. К. Лобысевич, обращаясь к священнику и писателю Георгию Конисскому с просьбой прислать рукопись его пьесы, льстиво уверял: “Как во всяком покрое платьев, так и во всяком наречии языков есть своя красота; а к тому, когда и дым отечества сладок, то и сия воня благоухания мыслей отечественных есть наисладчайшая”.²⁴ В. Н. Каразин в речи, посвященной сбору средств на основание Харьковского университета (который носит теперь его имя) восклицал: “Приятно возвращение в свою отчизну: и дым отечества сладок! Если дикий гренландец, не быв прельщен цветущими полями Европы, <...> с восторгом лобызает замерзший морской берег, который и есть его отечество; если жестокость Природы не могла его отвратить от климата, его воспитавшего, — то каково должно быть удовлетворение человека, возвратившегося под благотворнейший небосклон, который был свидетелем игр и утех его детства?”²⁵ В. В. Капнист в самом начале 1820-х гг. писал о своих рискованных

изысканиях в области древнейшей российской истории:²⁶ “Толь важное открытие сообщил я некоторым просвещенным приятелям моим, и они сочли оное бредом! Сколь ни прискорбно было мне слышать таковое их об новоотысканной мною вероподобности заключение, но как, по словам Гомера, «и дым отечества приятен», то продолжал я заниматься на досуге бредом о славе родоначалия нашего”.²⁷

Таким образом, упоминание этой сентенции в державинской “Арфе” в исконном гомеровском смысле (дым = напоминание, герой — вдали от родины) является в русской литературе уникальным случаем, исключением из правил. Более того: восемь лет спустя, в монологе Пожарского из одноименной патриотической трагедии, Державин употребил это же сочетание в другом значении (дым = жалкое положение отечества, герой — на родине):

Отечество! Когда твой дух днесь слаб и нравы,
А мне любезен прах, *приятен твой и дым*,
То с чем сравняю я ту радость, восхищенье,
Как если вкруг себя увижу свой народ
И в лаврах средь торжеств, и палым во отененье?
Благ смертным выше сих и небо не дает.²⁸

Отсюда следует, что Грибоедов в “Горе от ума” не остроумно переосмысляет строку из “Арфы”, но следует уже сформировавшейся традиции употребления этого афоризма и, таким образом, возвращает “дыму отечества” привычный российскому читателю смысл. Между прочим, такую же операцию независимо от Грибоедова проделал и Пушкин, в марте 1823 г. (т. е. еще

В. Т. Нарезный

до прочтения “Горя от ума”) писавший Вяземскому из Кишинева: “Я барахтаюсь в грязи молдавской, черт знает когда выкарабкаюсь. Ты — барахтайся в грязи отечественной и думай: «Отечества и грязь сладка нам и приятна»”.

Свободно заменяя “дым” на “грязь”, Пушкин показывает, что в его понимании державинская цитата имеет в виду “отрицательные черты отечества”, а не “напоминание об оставленной родине”.

Г. Р. Державин
Эскиз А. Е. Егорова. 1800-е гг. (ГРМ)

4.

В заключение суммируем наши выводы.

1) Выражение “и дым отечества сладок” возникло в греческой риторической традиции в результате слияния двух гомеровских цитат — *Od.* IX, 34 и I, 58. Именно эта традиция повлияла на Овидия, которого Коссович безосновательно считал изобретателем латинской формулы. В античности эти слова всегда сохраняли связь с гомеровским источником и ситуацией Одиссея у Калипсо; до тех пор, пока дело обстояло так, “дым отечества” означал “далекий дым от родных очагов и алтарей, т. е. любое напоминание о покинутой родине”.

2) Литература Нового времени получила это выражение в виде застывшей формулы, оторванной от контекста.²⁹ Это спровоцировало переосмысление (дым = неприятные или ничтожные вещи в отечестве), к которому располагает уже приводимый Эразмом афоризм *Patriae fumus igni alieno luculentior*. Поскольку “дым” во многих языках ассоциируется с чем-то эфемерным и малозначительным,³⁰ наша сентенция оказалась в одном ряду с фразеологизмами, означающими “свое, даже плохое, лучше хорошего чужого”; между прочим, у В. И. Даля среди многочисленных пословиц этого рода есть и такая: “Своя ноша не тянет, свой дым глаз не ест”.³¹

Именно в этом новом значении выражение используется в русской традиции от Козельского до Грибоедова; единственным исключением является “Арфа” Державина, который — может быть, и неосознанно — на мгновение вернул “дыму отечества” исходный смысл.³²

¹ А. К. Бирх, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. Словарь русской фразеологии: Историко-этимологический справочник. СПб., 1998. С. 177–178; В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова. Большой словарь крылатых выражений русского языка. М., 2000. С. 194.

² Оперативный верноподданнический намек: в мае 1798 г. Павел I посетил Казань.

³ Такова окончательная версия последнего стиха, который в рукописи (а не в первой публикации, как нередко ошибочно утверждают) имел вид “И дым отечества нам сладок и приятен”. Перестановкой “отечества и дым” Державин стремился избежать двусмысленности, поскольку при прежней редакции частицу *и* (= *даже*) легко было посчитать союзом: “нам мила весть и сладок дым”. Перед Грибоедовым, у которого этот стих стал главной частью сложноподчиненного предложения, такой проблемы не возникало; поэтому он отредактировал его, сделав более гладким и легким для декламации.

⁴ Ср. также свидетельство из мемуаров С. Н. Глинки, показывающее, что в обстановке пожара Москвы 1812 г. строка Державина обрела широкую популярность, наполнившись новым смыслом: С. Н. Глинка. Записки о 1812 годе. СПб., 1836. С. 199–200.

⁵ А. К. Гаврилов. Марк Аврелий в России // *Марк Аврелий Антонин. Размышления* / Изд. подгот. А. И. Доватур, А. К. Гаврилов, Я. Унт. СПб., 1993². С. 147.

⁶ И. А. Коссович (1808–1878) — филолог-классик, профессор Варшавского университета; самая знаменитая его работа — “Греко-русский словарь” (1847).

⁷ Так у Коссовича; современные издатели Овидия предпочитают чтение старших рукописей *sunctos* (“Родная земля влечет к себе всех какой-то невыразимой сладостью...”). — *Ред.*

⁸ Сочинения Державина / С объяснительными примечаниями Я. К. Грота. Т. 2. СПб., 1865. С. 193–194.

⁹ См., напр.: *Инфолио*. О “дыме отечества”: Литературная справка // *Новое время*. 1902. № 9286. 10 (23) янв.; М. И. Михельсон. Русская мысль и речь. Свое и чужое: Опыт русской фразеологии. М., 1902. Т. 1. С. 361; Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. Крылатые слова. М., 1987⁴. С. 136–137; А. М. Бабкин, В. В. Шендецов. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода. СПб., 1994². Т. 1. С. 404; Н. Т. Бабичев, Я. М. Боровский. Словарь латинских крылатых слов. М., 1999⁵. С. 189. “Российский музей, или Журнал европейских новостей” выходил в 1815 г. под редакцией В. В. Измайлова.

¹⁰ В литературе можно встретить и утверждение, что “цитата из Овидия была взята в качестве эпиграфа” к журналу Туманского (В. А. Западков. Функции цитат в художественной системе “Горя от ума” // А. С. Грибоедов: Творчество. Биография. Традиции. Л., 1977. С. 62).

¹¹ Подробнее об этом риторическом жанре и, в частности, о роли в нем образа Одиссея см.: F. Wilhelm. Zu Lukianos’ Πατριδος ἐγκώμιον // Rheinisches Museum. 1928. Bd 77. S. 396–416; J. Bompaire. Lucien écrivain. Paris, 1958. P. 278–281. — Ped.

¹² Ioannis Stobaei Anthologium. Vol. 3 / Rec. O. Hense. Berolini, 1894. P. 725–726.

¹³ F. Wilhelm. Zu Ovid, Ex Ponto, I, 3 // Philologus. 1926. Bd 81. S. 155–167 (об интересующих нас стихах см. с. 159–160). Аналогичным образом — т. е. как отражение риторической традиции — рассматривает Э. Добльхофер упоминание о “дыме отечества”, со ссылкой на Гомера, в поэме Рутилия Намациана (рубеж IV/V вв.) “О возвращении домой” (I, 193–196). Добльхофер замечает, что гомеровскую цитату Рутилий мог взять не прямо из “Одиссеи”, но из ритора Менаандра или Овидия: “Эти стихи прочно вошли в теорию и практику античной риторики, и именно этим объясняется знакомство с ними Рутилия” (Rutilius Claudius Namatianus. De reditu suo, sive Iter Gallicum / Hrsg., eingel. und erkl. von E. Doblhofer. Heidelberg, 1972. Bd 1. S. 50).

¹⁴ Ср., впрочем, стоящий в античной традиции особняком пассаж из христианского писателя II–III вв. Климента Александрийского: есть люди, которые, подобно Одиссею, “алкают не небесного отечества и не истинно сущего Света, а дыма” (Prot. 86, 2; отмечено в кн.: O. Seel. Verschlüsselte Gegenwart. Stuttgart, 1972. S. 123). Подчеркнем, однако, что Климент не истолковывает Гомера неверно (как, судя по всему, полагал О. Зеель), но вполне осознанно помещает хрестоматийное место из “Одиссеи” в иной контекст, прибегая к своеобразному каламбуру. — Ped.

¹⁵ Мы пользовались изд.: Adagiorum Desiderii Erasmi Roterdami Chiliades IV. Coloniae Allobrogum, 1612. Col. 80. В этом кратком комментарии Эразм предпринял первую попытку установить генеалогичные выражения, возведя его к “Одиссею” и отметив параллели из Овидия, Лукиана и Филострата.

¹⁶ См., напр.: L. Herhold. Lateinischer Wort- und Gedankenschatz. Hannover, 1887. S. 192; H. Walter. Lateinische Sprichwörter und Sentenzen des Mittelalters und der frühen Neuzeit. T. 7 / Hrsg. von P. G. Schmidt. Göttingen, 1982. S. 906, № 37084a.

¹⁷ Giusti G., Capponi G. Dizionario dei proverbi italiani. Milano, 1956. P. 52; М. И. Михельсон (см. выше прим. 9) цитирует эту поговорку с обесмысливающей ошибкой. [Заметим, что в итальянской фразеологии “дыму” регулярно противопоставляется именно “жаркое” (а не “огонь”, как в большинстве других языков): так, о чем-то броском, но никчемном итальянцы говорят “Много дыма и мало жаркого”, а о любителе формальностей — “Он ценит дым больше, чем жаркое” (см.: Battaglia S. Grande dizionario della lingua italiana. Vol. 1. Torino, 1961. P. 697, s. v. arrosto, 3). — Ped.]

¹⁸ З. М. Петрова. Дым отечества // Русская речь. 1968. № 6. С. 83.

¹⁹ Дневная записка Федора Козельского 1771 года. СПб., 1772. С. 30; Сочинения Ф. Я. Козельского. Ч. 1. СПб., 1778. С. 147.

²⁰ Цит. по: И. З. Серман. Ф. Я. Козельский // Поэты XVIII века. Л., 1972. Т. 1. С. 452. О судьбе и литературной репутации Козельского см. статью В. П. Степанова в “Словаре русских писателей XVIII в.” (Вып. 2. СПб., 1999. С. 88–91).

²¹ Ф. О. Туманский. О намерении Российского Магазина // Российский магазин. 1792. Ч. 1 (сент.). С. 9–10.

²² Что касается другого варианта изречения (*Dulcis fumus patriae*), который фигурирует в ряде русских словарей как “гуманистическая поговорка”, то это, по всей видимости, не более чем плод реконструкции братьев Коссовичей (см. выше).

²³ В. Т. Нарезный. Сочинения. Т. 1. М., 1983. С. 552–553. Отмечено в словарях Бабкина — Шендецова и Бабичева — Боровского (см. выше прим. 9).

²⁴ Н. И. Петров. Очерки из истории украинской литературы XVIII в.: Киевская искусственная литература XVIII в., преимущественно драматическая. Киев, 1880. С. 111. На упоминание “дыма отечества” в этом письме впервые обратил внимание подписавшийся инициалами автор газетной статьи: Г. М. Маленькие заметки. II // Новое время. 1902. 9 (22) янв. № 9285.

²⁵ Речь, говоренная в собрании харьковского дворянства депутатом его, коллежским советником Каразиным... // Вестник Европы. 1803. Ч. 10. № 16. С. 235–236. Отмечено Я. К. Гротом (Указ. соч. Т. 2. С. 192).

²⁶ Капнист настаивал на славянском происхождении гиперборейцев, на родстве гекзаметра с русским народным стихом, а также на том, что Одиссей скитался в наших территориальных водах.

²⁷ В. В. Капнист. Собрание сочинений: В 2-х тт. Т. 2. М.; Л., 1960. С. 563. Отмечено З. Н. Петровой (Указ. соч. С. 83).

²⁸ Цит. по: Сочинения Державина / С объяснительными примечаниями Я. К. Грота. Т. 4. СПб., 1867. С. 168; в комментариях Грот указывает на параллельное место из “Арфы”. К дискуссии о “дыме отечества” это место впервые привлек А. Н. Егунов (А. Н. Егунов. Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. М.; Л., 1964. С. 48. Прим. 9).

²⁹ Впрочем, нам известен пример из французской литературы, когда упоминание о дыме отечества было использовано вместе с образом скитальца-Одиссея — и, соответственно, в исходном значении. Мы имеем в виду, вероятно, самое знаменитое стихотворение Жоашена Дю Белле (1522–1560) — 31-й сонет из сборника “Сожаления” (Regrets, 1558), в котором автор, вынужденный против воли оставаться в Риме, выражает мечту вернуться во Францию (пер. И. Г. Эренбурга): “Счастлив, кто, уподобясь Одиссею, / Исколесит полсвета, а потом, / В чужих порядках сведущ, зрел умом, / На землю ступит, что зовет своею. / Когда ж узрю Луару, что лелею, — / Мою Луару, мой убогий дом / И дым над крышей в небе голубом? / Я не хочу величья Колизея...” В русской литературе этим стихам подражал П. А. Корсаков: “Мирны кущи и поля, <...> / Я не ваш уж житель! / И отчизны сладкий дым / Не явит очам моим / Места, где родился!..” (“К родней”, 1815; цит. по: Поэты 1790–1810-х годов. Л., 1971. С. 503).

³⁰ Ср., напр., греческое κατ’οὐδὸν οὐκία, латинское fumum vendere, пушкинское “Что слава мира?.. дым и прах!” и др.

³¹ В. И. Даль. Пословицы русского народа. М., 1984. Т. 1. С. 255.

³² Благодарим О. В. Бударягину, А. Л. Верлинского и А. К. Гаврилова за ценные справки и указания.

Руководитель доклада — В. В. Зельченко
Фото: В. М. Ярош

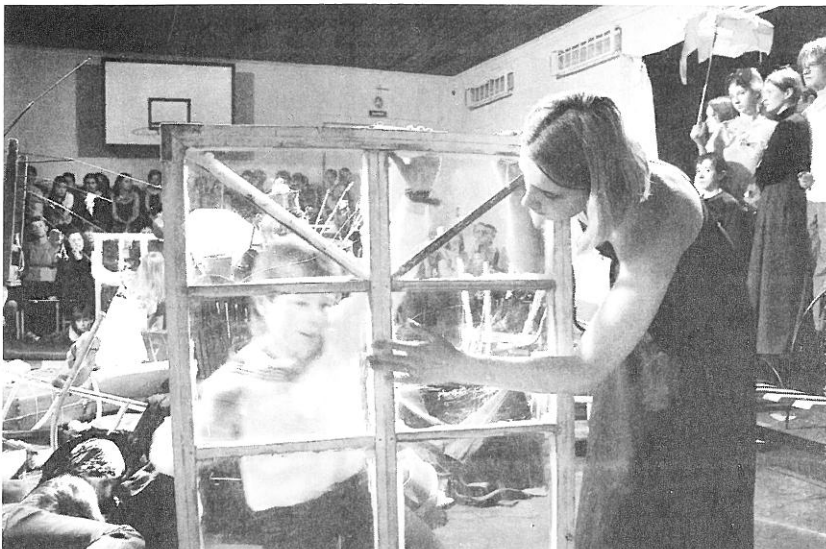
Одиссей и Калипсо
Картина А. Бёклина. 1882 г.

“ВИШНЕВЫЙ САД”

Ни одна предыдущая премьера студии не вызвала таких споров. В учительской, коридорах и курилке гимназии неделю не утихали разговоры о том, почеховски ли трактован образ Лопахина и в чем смысл “японского” финала спектакля. При этом никому и в голову не пришло напоминать, что перед нами “всего лишь” постановка одного из школьных театров, — зрители которых, как правило, приходят в зал, чтобы посмотреть на своих густо загримированных и пышно разряженных приятелей, учеников и отпрысков. Е. В. Вензель и Е. Н. Грачева давно приучили публику воспринимать их работы безо всяких скидок — как полноценное художественное явление, заслуживающее детального разбора, понимания и оценки. Театр, который привлек к себе общее внимание в 1997 г. “Средневековыми французскими фарсами”, шедеврами под неумолкающий хохот зала, не пожелал эксплуатировать однажды найденную и, казалось бы, беспроигрышную стилистику и пустился в рискованный поиск, от раза к разу ставя себе все более сложные задачи: с тех пор в его репертуаре появились “Моцарт и Сальери”, сумароковский “Гамлет”, “Горе от ума” и вот теперь — “Вишневый сад”.

Уже упомянутые разногласия зрителей (с мнениями некоторых из них вы познакомитесь ниже) показывают, почему эту пьесу так трудно ставить. Со времени мхатовской премьеры 1904 г. “Вишневый сад” прочно вошел в плоть и кровь русской литературы и театра: имена его героев стали нарицательными, реплики разошлись на цитаты, выражения “чеховская среда” или “чеховский лиризм” понятны без уточнений. В результате у каждого из нас сложилось некое обобщенное представление о том, как следует играть “Вишневый сад”. Насколько это представление относительно, видно уже из чеховских писем; сегодня мы, пожалуй, будем удивлены, прочитав: “Почему на афишах и в газетных объявлениях моя пьеса так упорно называется драмой? Немирович и Алексеев в моей пьесе видят положительно не то, что я написал...”; “Вышла у меня <...> комедия, местами даже фарс...”; “Шарлотта — роль важная...”; “Варя — роль комическая...” и т. д. (Кстати, постановка Е. В. Вензель и Е. Н. Грачевой посвящена столетию пьесы — что не только придало дополнительные обертоны монологу Гаева о “многоуважаемом шкафе”, но и раздвинуло временные рамки спектакля: режиссеры то и дело пародируют устоявшиеся сценические трактовки или намекают на дальнейшую участь героев.)

Исключительно счастливая судьба пьесы Чехова на мировой сцене не в последнюю очередь связана с тем, что при всей исторической конкретности, прославленной точности в бытовых деталях, погруженности в определенную социальную среду атмосфера чеховского театра — в отличие, например, от театра Островского — всегда искусно разрежена, условна (никто не замечает разительного алогизма в первых же репликах “Вишневого сада”: “Который час?” — “Скоро два. Уже светло”) и потому открыта едва ли не любому театральному языку. Если создатели спектакля сумели передать самое главное и самое трудное — запутанную сеть взаимоотношений, контрастирующих мотивировок, симпатий и интересов,

которая реализуется, как правило, в диалогах не слышащих друг друга персонажей (“Он меня любит, так любит!” — “Моя комната, мои окна!” или: “Да, время идет.” — “А здесь пахучими пахнет”), — то актеры могут произносить текст, плавая в бассейне (как у Додина) или нахлобучив заячьи уши (как у Някрошюса): в лучшем случае эти и другие экспериментальные решения постановщиков обогатят восприятие пьесы, в худшем — окажутся для него безразличны.

Исполнителям и режиссерам гимназического “Вишневого сада” это “самое главное”, на наш взгляд, удалось: в спектакле отчетливо явлены, к примеру, такие не очевидные на первый взгляд линии пьесы, как восторженная влюбленность Лопухина в Раневскую или нутряной оптимизм Епиходова. В очередной раз удивили актеры: вместо самозабвенного лицедейства, так часто встречающегося на школьных сценах, мы стали свидетелями осознанной и вдохновенной работы, в которой, выражаясь музыкальным языком, богатство аранжировки подчеркивало точность интонации, а удача импровизации определялась верностью главной теме. Одним словом, как сказал после премьеры исполнитель роли Епиходова Иван Каретников: “Смотрите, смотрите и еще раз смотрите наши спектакли — и всё поймете сами!”

Л. Ю. Аркус, кинокритик, главный редактор журнала “Сеанс”:

— Я испытала грандиозное удовольствие, просто даже чувство счастья, что случается теперь очень редко. Хочу сказать огромное спасибо, причем всем одновременно: и совершенно блистательным Шарлотте, Варе, Яше или Дуняше, и самым маленьким участникам спектакля, и режиссерам, конечно, — одним словом, всем. И вот что мне вдруг пришло в голову: если бы меня с закрытыми глазами привезли куда-то и показали этот спектакль, я бы подумала, что это грандиозный проект, потребовавший огромных затрат. Что здесь работал очень дорогой художник-сценограф, очень опытный инсценировщик, звукооформитель, ассистенты, администратор по площадке, осветители и т. д. — о постановщике и актерах уже не говорю... Одним словом, профессиональный дорогостоящий спектакль. Понимание, что это сделали гимназисты, наполняет меня счастьем. Как это могло произойти? На репетициях никто никогда не знает — чем все кончится, сложится или нет? У вас сложилось. Это и есть чудо искусства.

Артеми́й Ива́нович (8 класс), исполнитель роли Яши:

— Многие занимаются разными видами спорта, чтобы получить острые ощущения или похудеть... А вот сегодня был спектакль — куча острых ощущений, огромный прилив адреналина, и я похудел в ширину сантиметра на четыре.

С. В. Бурячко, директор гимназии:

— Излишне говорить, что спектакль понравился. Он произвел на меня очень серьезное впечатление, главное в котором — ощущение цельности и единства стиля, то, что всегда отличает постановки Елены Васильевны и Елены Николаевны. Все сделано с таким вкусом, что ни одна деталь не выбивается из ритма, ничто не режет глаз и слух. Мне кажется, ключ к постановке — последняя сцена, решенная в стилистике японской поэзии, когда чеховская лапидарность переключается с лапидарностью хокку. Именно благодаря финалу раскрывается смысл этого спектакля-загадки.

А. Ю. Алексеев, преподаватель математики:

— Я никогда не смогу полностью принять ни одну постановку нашего театра, потому что у постановщиков (Е. В. Вензель и Е. Н. Грачевой) принципиально иное, чем у меня, отношение к тексту. Творческая манера уважаемых режиссеров хорошо известна: они не верят автору и делают вид, что не понимают авторского слова, пока не вырвут его из текста и не начнут всячески обыгрывать. Вот почему реплики звучат в бесчисленных повторениях, а герои имеют бесконечное количество двойников. Да, еще нужно много реквизита: ведь нельзя же произнести со сцены слово “лошадь” без того, чтобы эту самую лошадь не показать. Мне кажется, что текст автора для постановщиков изначально мертв. Таким образом, они всякий раз решают двойную задачу: таксидермистов по отношению к тексту и дрессировщиков по отношению к актерам.

На этот раз замысел был грандиозен: четырехактная пьеса, более двадцати человек на небольшой сцене, безумное количество реквизита. Работа проделана гигантская. Да, нужно немало постараться, чтобы построить “Вишневый сад” на трех ключевых словах: *фокус, поезд и огурец!* Но ко всему можно привыкнуть — так, чтобы понимать происходящее, хотя бы и не принимая его. И поначалу мне казалось, что у них (исполнителей) все получается: то ли великолепная игра актеров, то ли сила чеховского текста — но из-под нелепых масок показались живые персонажи, а череда грубоватых трюков стала складываться в полифоническое действие. Огромный механизм ожил, задвигался, зазвучал. И тут чувство меры опять — который уже раз! — подвело постановщиков. Чужеродная и безвкусная “Летка-енка”, исполненная всеми участниками в середине спектакля, обрушила хрупкое здание. Сцена вновь предстала разоренной лавкой старьевщика, по которой бродят реанимированные трупы.

И подумалось мне, взглянув на пьесу через сто лет после ее появления, что смеяться-то, собственно, не над чем. Все герои погибнут — кто в 19-м году, кто в 30-м, кто в 37-м. И только Епиходов и Яша окажутся вечно живыми. Вместо чеховского “звука лопнувшей струны” раздадутся отвратительные аккорды Епиходова, вместо других авторских ремарок — Яшино “чух-чух, господа, чух-чух!” Но стоит ли ставить Чехова с епиходовских позиций, даже если другие позиции недоступ-

ны? Пошлость и грубость победили, Антона Павловича больше нет. И на смену приходит стилизованная Япония. То ли цветущая вишня ассоциируется у постановщиков со стихами Басё, то ли зритель должен понять это как символ начинающейся русско-японской войны? Но Чехов уже, слава Богу, помер и не видел этой чудовищной коды.

А я, вернувшись после спектакля домой, перечитал “Вишневый сад”. И на том — спасибо.

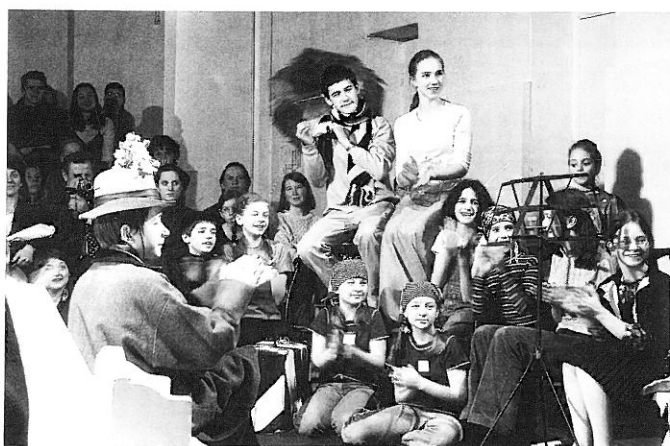
Г. И. Борисова, преподаватель словесности:

— Спектакль мне понравился, понравился абсолютно, без всяких “но”. И я была удивлена, когда узнала, что некоторые мои коллеги не просто прореагировали на постановку негативно (это нормально; даже, наверное, хорошо, что реакция бурная, что нет равнодушных), а посчитали, что от Чехова в этом “Вишневом саде” ничего не осталось. А мне кажется, что спектакль получился именно чеховский — пусть и прочитанный по-своему, пусть с нетрадиционными акцентами, но чеховский: нет там ничего, чего бы не было у автора.

Когда мы говорим об удачной инсценировке или постановке? Когда сохранен дух произведения. Можно выделить составляющие, которые и передают этот дух, — герои, общая тональность, жанр. Начнем с героев.

Трактовка ряда образов дается в нашем спектакле вполне традиционная. Варя. Вечно в трудах, вечно для других. А мечтает о покое, о жизни созерцательной. И все говорят о свадьбе как о деле решенном, а Лопухин с нею даже не объяснялся. Симеонов-Пищик. Фигура комическая. Вечно занимает деньги. Вечно говорит о дочке Дашеньке. Проблемы других для него идут параллельно — хотя он, конечно, часть этого мира. Фирс. Старый маразматик. Может, говорит порой вещи дельные, да кто ж его слушает! Его снисходительно жалеют, но могут в раздражении на него и накричать — все время путается под ногами. Яша. Самовлюбленный болван. Воинствующая пошлость. Дуняша. “Я такая деликатная”; “Мне Епиходов предложение сделал”; “Ах, Яша, если вы меня бросите...” Что тут добавить? Гаев. Элегантен, аристократичен, но легковесен. Можно ли его воспринимать серьезно?

А вот и не вполне традиционная трактовка — но и она вытекает из чеховского текста. Раневская. Акцент делается не на доброте (которая, вообще-то, спорна: доброта ее какая-то легкая и холодная, и, по-моему, Раневская — человек равнодушный), не на обаянии (хотя Раневская Наталья Кузнецовой очень обаятельна), даже не на легкомыслии. Акцент делается на грешности: “О мои грехи!”, “Моя сестра безнравственна”. Лопухин. Казалось бы, герой положения. Ан нет. Это человек нелепый. Чего стоит только его дачная фикс-идея! Всю сцену исчертил под дачные участки. Нет на нем желтых ботинок, но отсутствие эстетического начала все равно ощущается. И абсолютно очевидно, что он калиф на час: кто его всерьез воспринимает? По крайней мере не Чехов. Петя. Конечно, он не рупор идей автора, да у Чехова никогда и не бывает героя-резонера. Петя — “недотепа”, “облезлый барин”. И борода у него не растет. “Надо что-то с этим делать”. Это истерик, мечтающий где-то насадить каких-то

садов. Аня. Ей ни до кого и ни до чего нет дела. Это здоровый эгоизм юности, направленный в будущее в ожидании счастья. У всех трагедия — а она про новые сады.

Особо стоит сказать о Шарлотте и Епиходове. На них-то и держится вся пьеса. Они главные герои. Чехов, как всем известно, показывает прошлое, настоящее и будущее России. Будущее ему не очень понятно: когда, как и с кем оно сложится, кто знает, — но оно обязательно прекрасно. Напротив, в прошлом и настоящем он видит свои достоинства и недостатки. В нашем же спектакле акцент делается на настоящем. Вот оно: не Лопахин и Дериганов, а Епиходов и Шарлотта. Полный развал, нелепость и фарс. И еще щемящая тоска. И еще очарование пошлости — блестящий ход с милыми, юными, самодовольными дачниками, заполонившими всю сцену. Вот она — тональность спектакля: пир во время чумы. Пошлости, самодовольства Чехов не переносил. Отсюда и жанр — фарс. (Чехов: “Вышла у меня не драма, а комедия, местами даже фарс”.) Можно спросить: а где чеховский лиризм? А вот где: “Сколько воспоминаний вы пробудили во мне, о вишни старого сада...”

Ну что еще? Стоило бы, наверное, остановиться и на особенностях чеховской драматургии, отраженных в спектакле:

на внимании к деталям (а в постановках двух Елен все всегда строится на игре с деталью, точнее, с предметом), на символике (сцена пусть с каким-то убогим, но порядком в начале спектакля и полный развал в конце — разве это не символично?) и т. д. Но давайте просто поаплодируем юным актерам, которые, используя не жизненный, а гипотетический опыт, смогли сделать очень интересный спектакль.

Наталья Кузнецова (выпуск 2002 г.),
исполнительница роли Раневской:

— От раза к разу наши спектакли усложняются — но чем сложнее спектакль, тем интереснее в нем работать. Судьба оказалась ко мне благосклонна: я до сих пор держусь в этой студии и, кажется, осталась единственной, кто играл в ней с первого спектакля (“Мимиамбы” 1996 г. — *Ред.*). На моих глазах менялись поколения: сначала моими партнерами были гимназисты старше меня, потом одноклассники, потом младшие. И хотя на репетициях об этом мало задумываешься, но после спектакля понимаешь, насколько все эти люди тебе стали своими...

Фото: В. М. Ярош

Сцены из комедии Антона Чехова “ВИШНЕВЫЙ САД”

РОЛИ И АКТЕРЫ:

Раневская Любовь Андреевна
Аня
Варя
Гаев Леонид Андреевич
Лопахин Ермолай Алексеевич
Трофимов Петр Сергеевич
Симеонов-Пищик Борис Борисович
Шарлотта Ивановна
Епиходов Семен Пантелеевич
Дуняша
Фирс
Яша

Наталья Кузнецова
Ольга Матушкина
Майя Шляхтер
Дмитрий Бордюгов
Дмитрий Тяпин
Даниил Малкин
Павел Бочаров
Мария Васильева
Иван Каретников
Ксения Волынчук
Андрей Олейник
Артемий Иванюшин

Атмосфера спектакля:

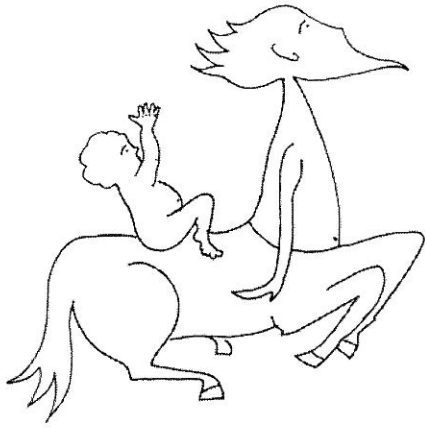
Рудольф Константинов, Илья Коробицын, Нина Малахова, Елизавета Малинина, Артем Мещеров, Анна Михайлова, Анна Савельева, Ксения и Екатерина Федосеевы, Мария Якерсон

Постановка: Е. В. Вензель, Е. Н. Грачева

Игра на флейте: Анна Лазуренко

Консультант по немецкому языку: Катарина Мутц

Премьера состоялась 24 марта 2004 г.

Дион Хризостом

АХИЛЛ

(Orat. 58)

Перевод Майи Шляхтер, 9 класс

Вступительная заметка А. Ю. Енбековой

Странствуя по греческим городам, оратор Дион как-то раз выступил с речью перед жителями захолустной Трои и наглядно доказал, что войну под стенами древнего Илиона выиграли их пращуры, а Гомер, знакомый каждому греку со школьной скамьи, — попросту лжец. Этому оратору современники дали прозвище Хризостом, т. е. Златоуст. Дион родился в середине I в. н. э. в малоазийской Прусе, учился красноречию и философии, жил в Риме, был изгнан оттуда при Домициане и возвратился при Нерве, много путешествовал; всего сохранилось восемьдесят его речей, которые, за небольшим исключением, никогда не переводились на русский язык. Диалог “Ахилл” напоминает риторические эзерсисы на заданную тему, но только в исполнении виртуоза: задетый за живое мальчишка-бахвал (Ахилл) и наконец выведенный из себя педагог (кентавр Хирон) спорят о сравнительных достоинствах лука и копья, дальнего и ближнего боя.

Начнем с того, что Хирон — кентавр особенный. Когда Гораций называет его просто *nobilis Centaurus* (Ерод. 13, 11), пояснений не требуется: Хирон и старшие, и куда цивилизованнее своих “сыроядных” собратьев (однажды в предгорьях Пелиона он даже спас от свирепых кентавров отца Ахилла Пелея, преданного Акастом). У Гомера воспитанниками Хирона называются Ахилл (II. XI, 832) и Асклепий (II. IV, 219). Далее традиция постепенно расширяет круг его питомцев: Ясон, Геракл, Аристей, Актеон и т. д., — пока в охотничьем руководстве Ксенофонта не появляется исчерпывающий список из двух десятков героев, прошедших школу Хирона; в их числе Мелеагр и Пелей, Одиссей и Паламед, Тесей и Ипполит (Хеп. Сун. 1). Сведущему в травах Хирону в древности даже приписывали медицинские сочинения, а Феофраст в “Истории растений” упоминает целебный “хиронов корень” (IX, 11; ср. Verg. Georg. IV, 270), показанный при укусах ядовитых тварей.

При внешней простоте этюд Диона о строптивце Ахилле задает немало загадок: действительно, трудно найти иной литературный (да и иконографический) пример размолвки между премудрым кентавром и его самым знаменитым учеником. Другие авторы, рассказывая о воспитании Ахилла, рисуют скорее идиллическую картину. К примеру, в сочинении Флавия Филострата о героях (45, 4–6) читаем: “А когда родился Ахилл, вверили его кормильцу Хирону, и тот питал его сотами медовыми и нежным костным мозгом косуль (так и запорожцы у Гоголя думают, что цари едят всё мед да сало. — А. Е.) до той поры, когда детям уж подавай возки-игрушки да бабки, и от этих забав Хирон мальчика не отваживал, а приучал его к метанию и бегу и даже вытесал ему из ясеня копьецо, так что свыкся тот с оружием чуть не с пелен. А на заре юности лицом точно солнце сиял Ахилл, телом же был могуч: вознесся быстрее, чем деревья при источниках, — хорош на пирах, хорош и в делах. А так как порою уступал он гневу, преподал ему Хирон музыкальную науку, что способна смирять горячность и борение души; без труда усвоил Ахилл лады и научился петь под лиру. И певал он о живших древле сверстниках, Гиацинте и Нарциссе, а порою и об Адонисе...” В незавершенном эпосе “Ахиллеида” римского поэта Папиния Стация ученик с наставником также живут душа в душу, хотя Хирон и не делает Ахиллу поблажек: “Едва юная жизнь дважды завершила годовой круг, как уж велит он в беге тягаться с быстрыми оленями да с лапифскими кобылицами, поспевать за летящей стрелой...” (II, 111–113).

Теоретически не исключено, что поэма современника (Стаций родился в 45, умер в 96 г. н. э.) могла оказать влияние на Диона. Впрочем, издатель Хризостома Иоганн фон Арним (1898) пробовал искать другой, куда более ранний источник 58-й речи. По Арниму, диалог Диона представляет собой риторическую переработку эпизода из какой-то сатировой драмы — лирического действия на мифологический сюжет со счастливой развязкой и хором хмельных сатиров. Несмотря на то, что в Афинах V–

IV вв. таких пьес ставилось великое множество (каждый участник трагического агона наряду с тремя трагедиями должен был представить и сатирическую драму), от большинства из них уцелели только заглавия, в лучшем случае — короткие фрагменты. В этих условиях поиски источника Диона крайне затруднены: Арним предлагал на эту роль сатирическую драму Софокла “Возлюбленные Ахилла” (от нее сохранилось лишь несколько разрозненных стихов, и неизвестно даже, был ли среди ее персонажей Хирон), а новейший исследователь Т. Гюнтер — “Кентавра” трагика IV в. Хэрмона.

В диалоге Диона есть еще одна интригующая деталь. В финале Хирон с точностью предрекает Ахиллу грядущую смерть (как видно, педагог не на шутку рассердился — ведь такой воспитательный прием едва ли можно считать удачным). С этим исключительно редким мотивом мы встречаемся и в 13-м эпизоде Горация — правда, в совершенно ином контексте (11 sqq.; пер. Н. С. Гинцбург):

Так и великому пел питомцу Кентавр знаменитый:
 “В бою непобедимый, ты смертным Фетидой рожден.
 Край Ассарака тебя ожидает, где хладные волны
 Текут Скамандра скудного, быстро бежит Симоис.
 Путь же обратный тебе оттуда отрезали Парки,
 И даже мать лазурная в дом не воротит тебя...”

Едва ли римский поэт мог прямо повлиять на греческого ратора; скорее всего, оба отрывка восходят к какой-то общей мифолого-поэтической традиции — но при отсутствии материала любые дальнейшие рассуждения на эту тему будут беспочвенными.

Ахилл спросил Хирона: “Ты зачем меня учишь стрелять из лука?” Хирон в ответ: “Затем, что и это — навык настоящих воинов”. А тот: “Трусость это навык и против трусов”. Хирон ему: “Почему же?” — “Потому что не дает близко к врагу подойти”. — “Так не дает и врагу далеко отойти”. — “Это оружие беглецов!” — “Нет, против беглецов”. — “Бегущих надо настичь самому”. — “Медленно или быстро?” — “Как можно быстрее”. — “А что, на бегу скорее нагонишь или на лету?” — “Но тогда ведь настаиваешь не сам”. — “А кто же?” — “Стрела”. — “А если бросить дротик, кто тогда?” — “Понятия не имею”. —

“А в каком случае настаиваешь и поражаешь сам?” — “Когда, схватившись с врагом, рвешь на месте, как звери”. — “Неужели ты считаешь самыми мужественными женщин, которые дерутся изблизи, крепко сцепившись?” И Ахилл от таких речей исполнился гнева и слез, и стал бранить Хирона, и объявил, что у него не останется, но уйдет к отцу во Фтию и при нем будет воспитываться: ведь Пелей много сильнее Хирона и не такой софист, как Хирон. А был Ахилл еще ребенком, еще не подросток. “Ну, раз он такой сильный, — сказал Хирон, — почему он не сам тебя воспитывает?” “Потому, — сказал Ахилл, — что ему

недосуг”. — “Чем же он занят?” — “Царствует”. — “Выходит, чем-то да разнятся царствование и воспитание?” — “О, многим! А ты мне даешь какой-то рог и жилу, и маленькие железяки на тонких тростинках, так что впору дичь бить, а не биться с мужами да зверьем. И кто угодно убедится, какое это никудышное оружие, едва только дойдет до ближнего боя и надо будет драться врукопашную: а драться придется удирая, страшась и оглядываясь, как бы не заметили, словно жалкому рабу. Такому и со сраженных не снимать доспехов, и не увидят его обгаренным кровью мужа-врага.² Что за искусствам ты меня учишь: стрелять из лука да играть на кифаре, а на днях даже учил корешки выкапывать, как ведьмы”. — “И верхом ездить тебе тоже не нравится?” — “И то мне не нравится, что ты такой:³ ведь мне кажется, ты скорее готов побежать, чем выстоять”. И Хирон, разозлившись на него и гневно потрянув волосами, и метнув исподлобья свирепый взгляд, подобный молнии, и с трудом сдерживаясь, чтобы не ударить мальчишку (ибо осознал, что питает к нему слабость), сказал: “О недостойное и дерзкое порождение морской матери, она тебя и испортила, научив кичиться родовитостью, а еще больше отец, толкующий, как боги песней славили его свадьбу;⁴ для тебя же ни в море, ни на небе места нет. И я ручаюсь, что тебе никогда не быть настоящим воином, а лишь на взгляд невежд таковым казаться, и никогда тебе не водить, где бы ни пришлось воевать, хоть ты и сын Фетиды и Пелея. Положим, за быстроту, и отвагу, и силу они льстиво назовут тебя сильнейшим из мужей — а на царство все-таки попросят

других, тебя же дарами и пустыми похвалами вынудят сражаться за них, не щадя головы, пока не погибнешь. Думаю, что ты и мертвых не оставишь в покое, но станешь их тормозить и волочить, будто и вправду совершая нечто великое; точно мелюзга несмышленная: что ни убьют — волочат кругами.⁵ Ты же, такой, как ты есть, погибнешь не от благородной руки, как полагаешь; но подобных тебе — отважных невежд — с легкостью будешь разить, смерть же примешь от мужа умного и опытного в военном деле, тебе невидимого”.

¹ У дискуссии о том, благородное ли оружие лук, — старинная подоплека. В греческой литературе лук рано становится деталью, характеризующей варварского воина в противоположность греку (ср. “мощь копья” и “натянутый лук” вместо “эллины” и “варвары” в “Персах” Эсхила). Сходный спор, и тоже по всем правилам риторики, ведут Лик и Амфитрион в трагедии Еврипида “Геракл” (стт. 157–164; 188–203).

² Любопытно, что у Стация Хирон учит Ахилла охотиться именно так (*Achill.* II, 121 sqq.): “...Не велел Хирон, чтобы гонял я по отрогам Оссы робких коз, метил копьем в осторожных рысей; нет, я поднимал из берлоги медведей, гнал свирепых кабанов, а иной раз разорял убежище грозной тигрицы или львицы со львятами. Сам Хирон, сидя в просторной пещере, ждал, вернусь ли я обрызганным кровью, и обнимал, приветствуя, только после того, как осмотрит мое оружие”.

³ Т. е. полуконь.

⁴ Согласно Пиндару (*Nem.* 5, 22 sqq.), на свадьбе Пелея и Фетиды молодых славили хор муз, которому сопровождал Аполлон на золотой форминге. Сам Хирон тоже пел на этой свадьбе эпиграмией, предрекая рождение великого сына (*Eur. Iph. Aul.* 1054 sqq.).

⁵ Если это сравнение вас удивляет, вспомните хотя бы разговор Тома и Бекки о крысах из седьмой главы “Тома Сойера”.

Фото: Д. Кобак, выпуск 2000 г.
Рисунки Е. Дмитриевой, выпуск 2002 г.
и Полины Гармаш, 5 класс

Математический клуб “ΕΡΑΤΟΣΘΕΝΗΣ”

В октябре 2003 года в нашей гимназии начал действовать клуб “Эратосфен”, названный в честь древнегреческого ученого Эратосфена Киренского. Поначалу имя Эратосфена ассоциировалось у нас только с “решетом” — знаменитым алгоритмом нахождения простых чисел. Однако вскоре, благодаря докладом Д. Малкина, Д. В. Панченко и В. В. Зельченко, мы узнали, что Эратосфен был не только математиком, но и астрономом, географом, философом, филологом и даже поэтом.

Следуя примеру великого ученого, члены клуба не ограничиваются проблемами математики и информатики. На заседаниях клуба читались сообщения по истории и филологии, проводились вечера любителей авторской песни, выезд за город, поход в Эрмитаж на выставку М. Эшера. Мы играли в логические игры, собирали *riddle*, праздновали дни рождения и т. п. Атмосфера на заседаниях царит теплая и дружелюбная: на столе кипит самовар, участники и гости пьют чай и мирно беседуют.

И все же клуб вполне оправдывает название математического. Так, на одном заседании гимназисты под руководством идеолога клуба А. Ю. Алексеева с увлечением клеили из бумажной полоски односторонний лист Мебиуса, говорили о топологии и измерениях пространства. Большой интерес вызвал рассказ о фракталах выпускника и преподавателя нашей гимназии, специалиста по компьютерным технологиям, а по совместительству члена клуба Д. А. Кобака. Кроме того, мы проверили тесты по устному счету в 5-х — 8-х классах и обработали их результаты.

Для участия в общегородской олимпиаде по математике, проведенной в Восточном лицее, члены клуба подготовили три команды семиклассников. Одна из этих команд заняла второе место (первое среди нематематических школ!), а две другие вошли в двадцатку лучших команд города.

Сейчас в клубе шесть действительных членов, и многие гимназисты хотели бы удостоиться этого почетного звания. Будем надеяться, что их мечты осуществляются и клуб “Эратосфен”, обогащенный новыми идеями, ждет расцвет.

Любовь Бушмакина, 9 класс

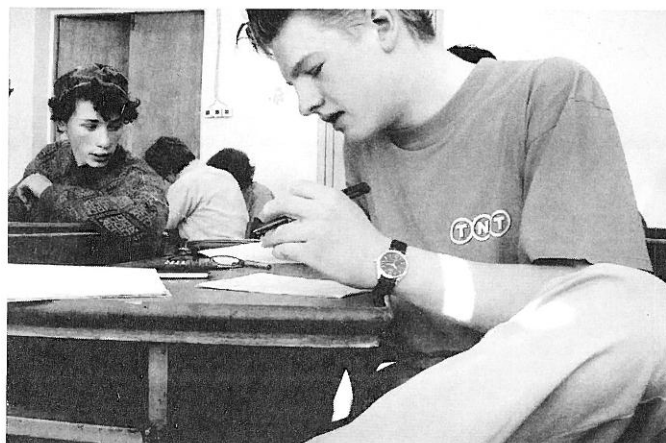
Даниил Малкин

9 класс

Слова, стоящие в заголовке нашего очерка — цитата; так пишет об Эратосфене географ Страбон, под-разумевая, что тот был всего лишь вторым во всех областях науки, которыми занимался. Кроме того, как

Математик среди географов, географ среди математиков

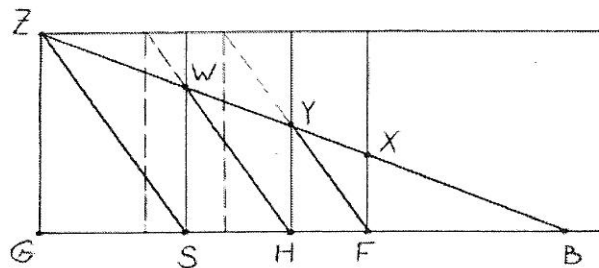
Эратосфен Киренский (ок. 276–194 гг. до н. э.) был одним из виднейших ученых своего времени. В сферу его интересов входили не только точные науки, такие, как математика и астрономия, но также философия и филология. Кстати, Эратосфен был первым человеком, который назвал себя филологом, хотя и не придумал этого слова: *φιλόλογος* означает “любитель ученых занятий (бесед)”, и этим именованием Эратосфен хотел подчеркнуть, что занимается обширным кругом наук.

замечает Страбон, эта характеристика говорит о том, что Эратосфен делал географические открытия, руководствуясь, в основном, знаниями в области математики. И наоборот, теоремы и алгоритмы Эратосфена умудрялся доказывать, основываясь на географических открытиях (впрочем, это утверждение Страбон скорее всего добавил только ради симметрии риторического периода). Естественно, что своими методами и славой неординарного ученого Эратосфен нажил себе немало недоброжелателей — таких, как Гиппарх, который постоянно критиковал его географические теории.

Поскольку наш клуб “Эратосфен” является математическим, здесь речь пойдет о достижениях Эратосфена в области точных и естественных наук.

Одним из самых знаменитых открытий Эратосфена в его бытность хранителем Александрийской библиотеки является алгоритм нахождения простых чисел, получивший название “решето Эратосфена”. Принцип его действия очень прост (прошу прощения за каламбур). Допустим, нам нужно найти сто первых простых чисел. Выпишем n идущих подряд чисел начиная с двойки. Далее надо убрать все числа, которые делятся на два (т. е. каждое второе), а саму двойку оставить. Ближайшим неубранным числом будет тройка; значит, это число тоже простое, а все числа, которые делятся на три (каждое третье в ряду), нужно убрать. Следующим уцелевшим числом окажется пятерка; ее мы вновь сохраняем, а все числа, кратные пяти, — убираем. Эта операция повторяется до тех пор, пока мы не дойдем до последнего выписанного числа; и если количество простых чисел на интервале от 1 до n меньше 100, то мы просто продлеваем ряд и продолжаем применять алгоритм с того места, где остановились. По легенде, этот метод получил название решета потому, что Эратосфен, демонстрируя его действие, записывал ряд чисел на табличке, а потом выбивал со-

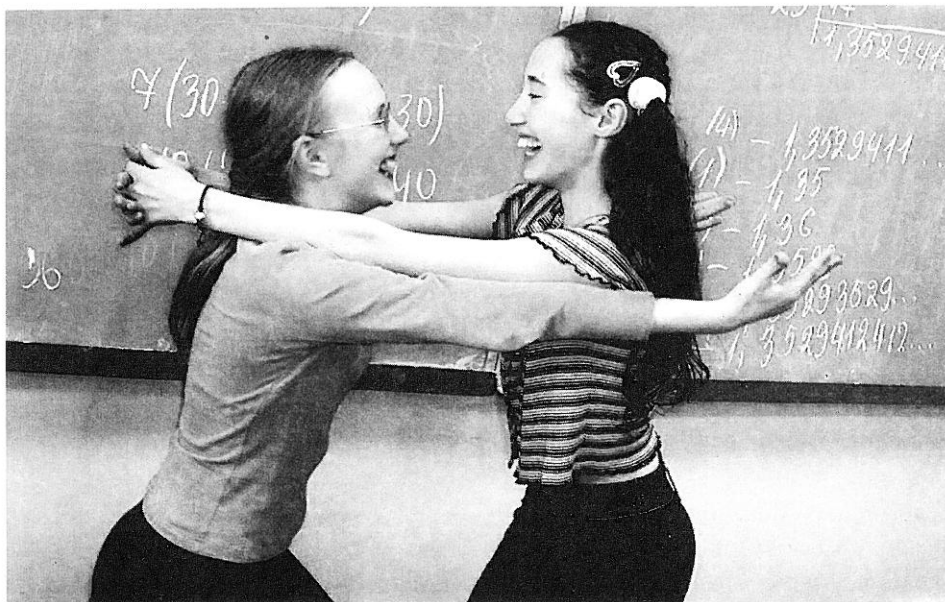

ставные числа каким-нибудь острым инструментом. Лично я не склонен переоценивать этот способ нахождения простых чисел, поскольку не могу вообразить ситуацию, когда владение им принесло бы пользу, — не считая, конечно, одного из вступительных испытаний в клубе “Эратосфен”.

Уже пример “решета” показывает, что Эратосфен любил наглядно представлять математические явления. Так, для решения знаменитой задачи об удвоении куба он разработал *мезолябий* — прибор, позволяющий механически вычислять два средних пропорциональных между двумя данными числами.

Мезолябий сделан из трех одинаковых прямоугольных пластинок, легко передвигающихся в параллельных пазах (при этом вторая пластинка может задвигаться за первую, а третья за вторую); на каждой пластинке обозначена диагональ. Допустим, у нас есть точка X на правом ребре третьей пластинки. Чтобы найти средние пропорциональные между ZG и XF , нужно выдвигать вторую пластинку из-под первой и третью из-под второй до тех пор, пока верхний край видимой части диагонали второй пластинки (W) и третьей пластинки (Y) не окажутся на линии ZX . Точка пересечения этой линии с нижней направляющей обозначена как B . Теперь можно видеть, что прямоугольные треугольники BWS , BYH внутри треугольника BZG подобны. Точно так же подобны и тупоугольные треугольники BWH , BYF внутри треугольника BZS . Из подобия этих треугольников следует, что $ZG : WS = WS : YH = YH : XF$, т. е. WS и YH — это средние пропорциональные между ZG и XF . Если, к примеру, $ZG = 2$, а $XF = 1$, то YH равняется кубическому корню из двух.

Изготовив мезолябий, Эратосфен посвятил его в храм, снабдив горделивой стихотворной надписью. Сейчас мезолябием никто уже не пользуется — наверное, из-за ограниченности его применения.

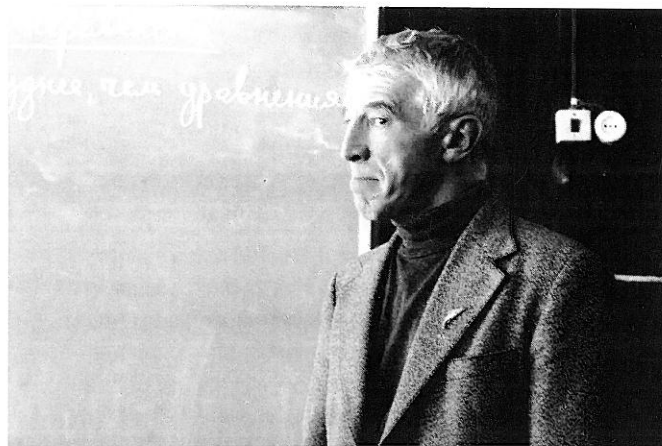

Еще одним научным достижением Эратосфена стало измерение окружности Земли. Эратосфен исходил из того, что город Сиена (нынешний Асуан) лежит прямо на Северном тропике. С помощью солнечных часов, сделанных в виде полусферы (σκαφή), Эратосфен установил, что в то время, когда в Сиене солнце находится в зените, в Александрии оно отстоит от зенита таким образом, что тень от стержня, водруженного в центре чаши, закрывает одну двадцать пятую ее окружности. Если мысленно дополнить полусферу σκαφή до целой сферы, то окажется, что тень закрыла одну пятидесятиую часть всей окружности. Построив соответствующий чертеж, Эратосфен показывал, что расстояние от Александрии до Сиены, лежащих на одном меридиане, составляет такую же — одну пятидесятиую — часть земной окружности. В то время существовали специально обученные люди, измерявшие расстояние между городами; многие ученые считают, что именно с их помощью Эратосфен узнал расстояние между Александрией и Сиеной — примерно пять тысяч египетских стадиев. Эратосфену оставалось умножить это расстояние на пятьдесят и установить, что длина окружности Земли равна примерно 250 000 стадиев (Эратосфен называл цифру 252 000).

Примечательно, что мы в точности не знаем, какими стадиями пользовался Эратосфен, — эта мера длины не была одной и той же для всех частей греческого мира. В зависимости от того, какой из возможных стадиев мы выберем, цифры Эратосфена при переводе в километры окажутся либо очень близкими к действительности, либо на несколько процентов отклоняющимися от нее. В любом случае сам метод был правильным, и измерение, сделанное Эратосфеном, получило широкое признание.

В своей “Географии” Эратосфен создает любопытный вариант карты обитаемого мира, разделяя ее линией, параллельной экватору. Эта линия тянется от Геракловых Столпов через Мессинский пролив, Пелопоннес, остров Родос и залив у Исса, а далее идет вдоль малоазийской горной цепи Тавр до северных границ Индии. Сам Тавр лежит на одной прямой с морем, начинающимся у Геракловых Столпов, и делит Азию на две части по горизонтали. (Сегодня Тавром называют горную цепь между Антальяским и Искендерунским заливами; расположен он не горизонтально, а под углом.)

На основании этого утверждения Эратосфен предлагает изменить устаревшие представления о расположении земель, так как на старых картах восточная часть Тавра сильно отклонена к северу, вследствие чего Индия также отклонена к северу на значительное расстояние (лично я склонен считать, что прежние карты были более точны, чем предложенная Эратосфеном). Доказывает он это так: южная часть Индии лежит напротив африканской области Мероэ, а от юга

Индии до самых северных ее пределов, которые находятся у Кавказских гор (сейчас — Хинду-Куш), расстояние составляет примерно 15 000 стадиев. Таково же расстояние от Мероэ до параллели Афин — а значит, северные части Индии, примыкающие к Кавказу, лежат как раз на этой параллели.

Эту гипотезу Эратосфена критикует Гиппарх. Нельзя, говорит он, делать столь серьезные выводы, основываясь на исследованиях только одного автора — Патрокла (на труды этого последнего Эратосфен опирался, вычисляя расстояние от юга до севера Индии). К тому же выкладки Патрокла оспаривались Демахом и Мегасфеном, которые утверждали, что некоторые части Индии отстоят от южного моря на 20 000, а то и на 30 000 стадиев. В результате старые карты, которые Эратосфен предлагал заменить, продолжали использоваться — в ожидании более достоверной информации.

Эратосфен действительно был одним из величайших ученых своего времени, однако его открытия называть величайшими нельзя: в каждой из наук, которой он отдал дань, всегда находился кто-то, отодвигавший Эратосфена на второй план. Наверное, если бы Эратосфен выбрал самую близкую его сердцу область знаний и занимался только ею, то мог бы стать первым...

Примечание редакции: Приводимое в статье объяснение термина “решето Эратосфена” — действительно легенда, и притом не очень правдоподобная. Скорее всего, в основе названия лежит метафора: подобно настоящему решету, алгоритм Эратосфена словно бы просеивает числа, отделяя простые от составных. Именно в таком смысле говорит о κόσκιον Ἐρατοσθένους Никомах из Герасы (*Arithm.* I, 13) — автор единственного сохранившегося античного описания этого метода. Кроме того, стоит упомянуть, что решето Эратосфена оказалось востребовано при разработке теории чисел в начале XX в. Читатель сам может убедиться, насколько просто составить алгоритм вычисления простых чисел по Эратосфену, скажем, на языке Basic.

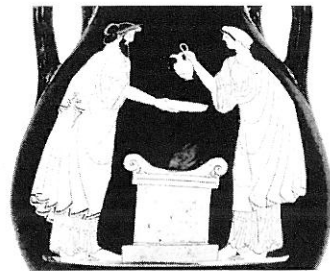
Благодарим Дмитрия Вадимовича Панченко за помощь в редакционной обработке этого материала.

Фото: В. М. Ярош

Чертеж А. Ю. Енбековой по оригиналу автора

А. К. Гаврилов

ВЕТРЕНАЯ ГЕБА

Геба и Зевс. 470-е гг. до н. э.

Стихотворение “Весенняя гроза” Ф. И. Тютчева¹ напечатано в московском журнале “Галатея” в 1829 г., а написано не позже весны 1828 г. Хрестоматийный текст основан на редакции, помещенной в первом прижизненном сборнике стихотворений поэта (1854),² разве что в некоторых школьных изданиях бывает опущена последняя строфа, где появляется греческая богиня юности: “Ты скажешь: ветреная Геба, / Кормя Зевесова орла, / Громокипящий кубок с неба, / Смеясь, на землю пролила”. Так поступали издатели, считавшие последнюю строфу довеском к стихотворению о природе; другие, впрочем, указывали на то, что без этого окончания стихотворение становится беднее.³ То, что цитированная строфа “Весенней грозы”, представленная в обеих названных авторских редакциях, восходит к изначальному замыслу поэта, не вызывает сомнений не только в смысле истории текста, но и по содержанию — тем более что у молодого Тютчева ссылки на античную мифологию встречаются и в описаниях природы (напр., “Полдень”). Под руководством своего домашнего учителя, а впоследствии известного литератора и переводчика Семена Егоровича Раича (1792–1855) Тютчев в отроческие годы освоил в оригинале Вергилия и Горация, которых сдружившиеся за этим занятием ученик и учитель читали на прогулках в Подмоскowie.⁴

Ф. И. Тютчев

Неизвестный художник. 1820-е гг.

Переходя к рассмотрению заключительных строк “Весенней грозы”, примем во внимание, что, исповедуя идею единства природного и человеческого мира как некоего живого целого, Тютчев настойчиво ищет “параллелизмы”, призванные рассказать о природных явлениях как о действиях неких персонализированных существ, или, напротив, обнаружить аналоги человеческих чувств в мире природы. Это направление мысли особенно ярко выражено в философии Ф. Шеллинга, часть жизни проведенного в Мюнхене, где и наш поэт прожил почти двадцать лет (1822–1842 гг.);⁵ как раз в это время Мюнхен не без основания назывался “немецкими Афинами”). В тех же краях, где Тютчев встречался с Шеллингом, была, надо полагать, написана “Весенняя гроза”.

Среди явлений природы, к которым поэт охотно отыскивал аналогии из области персонализированного существования, нужно назвать грозу. Фантазию по-

эта пробуждали короткие грозы, кончающиеся появлением радуги (“Как неожиданно и ярко...”); пугающая, но быстро минующая гроза (“Неохотно и несмело...”); гроза в самой ее силе (“Сон на море”; “Как весел грохот летних бурь...”); стремительное наступление грозы или ее последствия (“Успокоение”). Во всполохах молний ему чудится беседа глухонемых демонов, решающих между собой некое таинственное дело (“Ночное небо так угрюмо...”; ср. “грозные зеницы” из стихотворения “Не остывшая от зною...”); ночная гроза говорит “языками неземными” (“Не то, что мните вы, природа...”); гроза и вспышки страсти выступают как взаимозаменяемые аналоги (“В душном воздуха молчанье...”; ср. также с. 128, 151, 155 и др.).

Иногда образы этого двунаправленного “космического” параллелизма подаются поэтом в духе того, что фольклористы именуют *этиологией* (так называются ответы на вопрос *почему*: почему птица выглядит так, а не иначе? почему люди именно так справляют тот или иной праздник? почему то, а не другое имя дано тому или иному месту? и т. п.).⁶ Легкий дождь на солнце, иногда случающийся после короткой грозы, издревле занимал народную фантазию, которая пыталась пояснить это атмосферическое явление тем или иным событием из жизни богов или каких-либо демонических существ. Резюмиро-

вать то, что выявлено представителями финской (историко-географической) школы в фольклористике,⁷ можно так: дождь сквозь солнце⁸ объясняется тем, что на небе резвятся некие вышние силы. Идеи такого рода, восходя к примитивным обществам, впоследствии встраиваются в народный календарь и сохраняются в коллективной памяти как (реликтовые) “этиофразы”, произносимые всякий раз, когда случается соответствующее событие. Так, о летних (ильинских) грозах у русских говорилось: “Илья-пророк разъезжает по небу на огненной колеснице” (ср. 4-ю Книгу Царств, 2: 11–12).

Вот и “Весенняя гроза” у Тютчева: все хорошо на Олимпе, день — естественная ипостась Зевса-отца (Юпитер = Iuppiter < *(voc.) Iou pater, ср. ном. Diespiter) — на земле, как и в небе, ясный. Богам прислуживает Геба, обычно выступающая как дочь Геры и верховного бога.¹⁰ Она и оказывается, по Тютчеву, при-

чиной грозе и солнечному дождичку: исполняя поручение покормить божественного орла (еще одна ипостась Зевса) с молниями (κεραυνοί) в когтях, воплощение “ветреной младости” проливает капли божественно-благовонной влаги¹¹ — которые, таким образом, брызжут с чистого неба, предваряемые еще и громом, ибо содержимое кубка, проливаясь, звучит “тремуче”. Не вполне ясной при этом оказывается часть смыслового содержания в глаголе “пролила”. Ведь ‘пролить’ можно по неосторожности, а можно и нарочно. Как *проливает* нектар тютчевская Геба? Ошиблась ли она, манипулируя сосудом и чашей, или придумала пролить на землю драгоценный напиток просто оттого, что ей весело среди богов на Олимпе?

Среди сохранившихся упоминаний о Гебе у античных авторов не видно чего-либо, близкого к этиологической сценке “дождик на земле — богиня с кубком на небе”; что касается западноевропейских и русских предшественников Тютчева (в их числе, например, “Геба” Державина, в которой о дожде речь не идет), то если кто-нибудь из них прибегал бы к похожему мотиву, это, надо думать, было бы уже отмечено комментаторами. А изобразительные искусства? В античной иконографии орла кормит Ганимед, между тем как Геба, она же латинская Ювента (их бывает трудно отличить от Харит, или Граций, и от прочих молодых женских божеств, полубожеств и героинь), часто изображается совершающей возлияние на алтарь — это безусловно серьезное культовое действие (libatio).¹²

Тем примечательнее может показаться, что у современника Тютчева — немецкого художника Морица фон Швинда (1804–1871) среди многочисленных его работ встречаем фреску, где Геба во время свадьбы Амура и Психеи на Олимпе не только поит Зевесова орла из кубка, но как будто бы даже и *проливает* (сознательно!) напиток мимо чаши — на облака, а там и на землю.¹³ Принимая во внимание, что в 1828–1840 гг. Швинд жил в Мюнхене, где был как художник близок к Баварскому двору, при котором по дипломатической линии служил Тютчев, вопрос об их влиянии друг на друга делается настоятельным.

Сопоставление тем соблазнительнее, что у Апулея (названная фреска включает серию иллюстраций Швинда к новелле об Амуре и Психее) Геба вообще не упоминается. Впрочем, озадачивает хронологическая трудность: работа Швинда появилась на десяток лет позже стихотворения Тютчева, и едва ли возможно представить, чтобы немецкий художник, иллюстрируя римского прозаика, опирался бы на мотив из русского стихотворения; еще менее вероятно, чтобы Тютчев проведаль о замысле Швинда (даже если таковой уже сложился ок. 1828 г.). В этой ситуации является мысль, что мотив шалости с божественным напитком мог быть представлен в каком-нибудь произведении,

послужившем источником для них обоих. Сцены из “Амура и Психеи” занимали художников с древности, а в новое время одним из предшественников Швинда в обработке этого сюжета был боготворимый им Рафаэль:¹⁴ во фресках на Villa Farnese, выполненных учениками под руководством Рафаэля, была сцена свадьбы Амура и Психеи на Олимпе, но, отождествляя фигуру молодой женщины на этой фреске, историки искусства чаще говорят об одной из Граций.¹⁵

Впрочем, и помимо этого мотива иконография Гебы в европейском классицизме весьма богата. Издавна пользовался популярностью сюжет свадьбы Гебы с Гераклом — ясно, однако, что здесь уже не до девических шалостей. Также и вне обеих свадебных ситуаций новоевропейским Гебам нет числа: художники любили стилизовать своих современниц под богиню юности, при этом, конечно, без сосудов, которые не подобали дамам по социальному статусу. Не отставали и ваятели: известна Геба Бертеля Торвальдсена, знаменита и Геба Антонио Кановы (1796). Последняя существует в нескольких репликах, одна из которых хранится в Эрмитаже.¹⁶ У Кановы юная богиня держит кувшинчик так, что влага из него может, как будто бы, и пролиться,

— в этом случае источник мотива, который мы усмотрели не только у Тютчева, но и у Швинда, был бы найден. Однако по размышлении становится ясно, что ваятель не подразумевал чего-либо такого, когда изобразил слегка наклоненный сосуд — ему важна была композиция, а не какое-либо сюжетное развитие. Сопоставление двух реплик этой работы,¹⁷ в которых положение сосуда в руке Гебы как будто бы чуть различается, учит тому же: становится ясно, что помимо классицистических атрибутов богини Канова сосредоточен на том, чтобы показать женскую фигуру в движении.

Общего источника у Швинда и Тютчева установить, таким образом,

не удастся, а хронология — этот Рок историка — ставит, как мы помним, под вопрос предположение о близости обоих мастеров в интересующем нас пункте. Более того, рассмотрение статуи Кановы подсказывает нам, что и на фреске Швинда мотив проливания влаги из кубка скорее кажущийся. По-видимому, Швинда, как и Канову, занимает рука Гебы и облик сосуда, а не что-либо, важное не для скульптора, но для рассказчика. Получается, что изобретателем специфического мотива с Гебой, проливающей чудный напиток на землю сквозь облака, действительно является наш поэт. Ведь для Тютчева, как давно отмечено исследователями, мифотворчество в высшей степени характерно.¹⁸ Мы еще вернемся к мифам и к их обновлению, а пока коснемся детали, связанной с той же мифологической строфой “Весенней грозы”.

Дело в том, что есть еще один пункт, который, как будто бы, способен тесно увязать занимающую нас

Мориц фон Швинд
Рисунок Э. Ритцеля. 1829 г.

М. фон Швинд. Свадьба Амура и Психеи

тютчевскую строфу с предшествующей — опять же немецкой — традицией. В самом деле, выразителен эпитет “громокипящий”, которого до Тютчева в русском языке, по-видимому, не было; даже впоследствии это выражение встречается лишь при цитировании “Весенней грозы”. Между тем, как отметил М. Ф. Мурьянов, в немецкой поэтической традиции засвидетельствован эпитет “donnerbrausend”, встречающийся впервые у В. Гейнзе в романе 1787 г. “Ардингелло” (“Ardinghello und die glückseligen Inseln”, в конце III части — с. 163 по берлинскому изданию 1921 г.); слово это в точности соответствует тютчевскому “громокипящий”.¹⁹ Нельзя не признать, что это сопоставление примечательно: роман “Ардингелло” был моден, а Тютчев начитан; кроме отличной памяти, у него можно ожидать особой внимательности переводчика. И хотя поэт в обществе и в семейном обиходе пользовался в основном французским языком (на котором писал и стихи), но немецкий, как и русский, был для него стихией поэтической.

При более осторожном рассмотрении вопроса, однако, возникают сомнения: в романе Гейнзе развивается социальная утопия и теория искусства; в одной из смелых сцен встречается и упомянутый выше “вакхический” эпитет. Не странно ли, если бы сочинение, принадлежащее по духу штурм-унд-дрангу, стало бы

источником для пейзажной интуиции русского поэта? А ведь у Тютчева составные эпитеты появляются уже с юности, и смелость их, равно как и изысканность, со временем нарастает. Вот некоторые его композиты такого рода в хронологическом порядке: “вседробящий” (с. 65), “мирно-боевой” (с. 71), “лукаво-смирный” (с. 77), “отверсто-пламенный” (с. 86), “небесно-голубиный” (там же), “таинственно-волшебный” (с. 126); впоследствии появились и такие составные определения, как “пасмурно-багровый”, “блаженно-роковой” или наречия вроде “опрометчиво-безумно” (с. 187). Даже в частных письмах (неподражаемо сочетающих литературность с человечностью) Тютчев рассказывает об “отменно-добродушно-вежливом” соседе по имени.

Посмотрим теперь на эпитет “громокипящий”. Оба элемента в этом слове хорошо подготовлены в поэтическом хозяйстве Тютчева, да и в русском языке. В самом деле, “громо-” как первый элемент в обсуждаемой словообразовательной модели встречается в употребительных русских словах: “громовержец, -гласный, -отвод, -подобный” и др.²⁰ Что касается второго элемента, то “кипение” у Тютчева охотно применяется к необыкновенного рода напиткам: “из чаши Гения кипящей” (с. 76), “не кубок кипящий душистого меда” (с. 79) и др. Словообразовательный и образный контекст делает, таким образом, создание эпитета “громокипящий” естественным для Тютчева; предположить в этом случае словотворчество русского поэта легче, чем калькирование им немецкого эпитета “donnerbrausend”, примененного к “катарактам Сенегала и Рейна” в произведении хоть и богатом, но не лирикой.

Остается вопрос о точном значении последнего слова стихотворения — глагола “пролила”. Посмотрим, не выручат ли нас обстоятельство “смеясь” и эпитет “ветренная”. Означает ли “смеясь” “лила и смеялась”, т. е. ‘со смехом’, или ‘так смеялась, что пролила’? Что до эпитета Гебы, то он также является обоюдоострым: ведь легкомысленно допускать как своевольную шалость, так и случайную оплошность.²¹

Для решения существенна, пожалуй, смысловая неясность, возникающая при последнем толковании: ведь в этом случае оставалось бы неизвестно, *чему* Геба так смеялась: разъяснения не дано, да оно вряд ли звучало бы поэтично — в опрокидывании посуды красоты нет. Словечко “смеясь” дает, таким образом, не причину, а сопутствующее обстоятельство (‘со смехом’ или ‘для смеха, на смех’). Правдоподобнее, таким образом, что Геба в “Весенней грозе” *нарочно льет* драгоценную влагу с небес на землю.²² Так, пожалуй, и думают читатели Тютчева, но ведь филологу важен не результат только, но и верный путь к правильной интерпретации.

Поучительно и то, что слова “как бы резвяся и играя” в начальной строфе появились только во второй редакции (вместо строки “из края до другого края”). Естественно думать, что заключительный мотив стихотворения словно дублируется, как это бывает при новом авторском обращении к тексту, когда концентрация на сквозной мысли, вообще говоря, желательная, становится иной раз даже избыточной.

Слово “смеясь” существенно и в плане параллелизма: на поэтическом языке Тютчева оно указывает

на солнце и его сияние — улыбка и смех часто выступают у него как человеческие “аналоги” солнца, утра, весны. Свет весеннего дня — это то же, что смех юной богини, а уж ее шалость с кубком объясняет веселый дождик и громы. Отсюда видно — не поленимся отметить это в нашу очередь — как существенна “мифологическая” строфа для стихотворения, которое не только содержит в виде находки поэта звучный эпитет “громокипящий”, но и родилось ради поэтической натурфилософии, обосновывая некое сродство чарующего природного явления и прелестных мифологических кулис. Тютчева привлекает не классицистический маскарад и не плоские персонификации, не копирование отдельных деталей из готового поэтического инвентаря; он опирается и на античные, и на новоевропейские мотивы и приемы, но “резвяся и играя” обновляет их. Традиционные образы нужны ему как язык, радующий его самого и внятный людям одной с ним культуры.

Оценивая заключительную строфу “Весенней грозы” в целом, сформулируем: здесь мог сказаться народный, реликтовый мотив объяснения дождя на солнце неким экстравагантным небесным происшествием, получивший освещение в духе классицизма и оригинального мифо- и словотворчества.

А. Канова. Геба. 1796 г. (Эрмитаж)

¹ Ссылаясь на разбираемое и прочие стихотворения Тютчева, мы пользуемся далее изданием в серии “Библиотека поэта” (Ф. И. Тютчев. Полное собрание стихотворений. Л., 1957), указывая номера его страниц; стихотворение “Весенняя гроза” (с. 89–90) комментируется на с. 338–339; текст первой, трехстрочной редакции — там же, с. 320.

² Анализ обеих авторских редакций “Весенней грозы” посвящены страницы в исследовании: И. С. Вахрос. Поэзия Тютчева. I: Природа в лирике Тютчева. Хельсинки, 1966. С. 1–9.

³ См. библиографию: И. А. Королева, А. А. Николаев. Тютчев: Библиографический указатель произведений. М., 1978. Протест против распространения урезанного варианта высказывал и М. Ф. Мурьянов (ниже прим. 19).

⁴ К. Г. Пустовойт. Образы римских поэтов у Тютчева // Тютчев сегодня. М., 1995. С. 69 слл.

⁵ А. Полонский. Прогулки с Тютчевым по Мюнхену. Киев, 1998.

⁶ H. Lixfeld. Ätiologie // Enzyklopädie des Märchens. Bd 1. Berlin; New York, 1977. Sp. 949–953.

⁷ M. Kuusi. Regen bei Sonnenschein: Zur Weltgeschichte einer Redensart. Helsinki, 1957 (= Folklore Fellows Communications, 171).

⁸ Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля. Т. 1. СПб.; М., 1912⁴ (репр. — М., 1998). Стлб. 1124, s. v. ‘дождь’.

⁹ Там же. Т. 2. Стлб. 93, s. v. ‘Ильин-день’.

¹⁰ L. von Sybel. Hebe // W. H. Roscher. Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie. Leipzig, 1886. Sp. 1869–1871.

¹¹ Это, надо думать, нектар: у Апулея (VI, 23–24) Юпитер протягивает Психее чашу с амвросией, чтобы Душенька стала бессмертной, между тем как чашу с нектаром — вином богов — небожителям подносят Ганимед и Либер (Дионис). Ср. у того же Тютчева о сотрапезниках богов: “из чаши их бессмертье пил” (“Цицерон”), т. е., видимо, амвросию (ἀμβροσία < ἄν- + βροτός). О пирах олимпийцев поэт вспоминает и в суровом стихотворении “Два голоса”.

¹² A.-F. Laurens. Hebe I // LIMC. Vol. IV, 1 (1988). P. 458–464 с иллюстрациями в след. полутоме (раздел “Hebe-Ganymede”, №№ 38–49); E. Simon. Iuventus // Ibid. P. 464–467.

¹³ Иллюстрация на с. 50 взята из книги: Apuleius. Amor und Psyche / Lateinisch und deutsch. Leipzig, 1981³, илл. 9.

¹⁴ Ср. специально посвященную фрескам Швинда статью: G. Clausnitzer. Die Fresken zu “Amor und Psyche” von Moritz von Schwind // Ibid. S. 77 ff.

¹⁵ Автор признателен С. А. Тахтаджяну, который по его просьбе выяснил этот пункт по монографии: E. Camesasca. All the Frescos of Raphael. London, 1963. P. 71. Pl. 127.

¹⁶ Д. С. Буслович, О. М. Персианова, Е. Б. Руммель. Мифологические, литературные и исторические сюжеты в живописи, скульптуре и шпалерах Эрмитажа. Л., 1978. С. 37–38.

¹⁷ См.: <http://www.selco.lib.mn.us/winona/hebe.html>.

¹⁸ После В. Я. Брюсова и до Н. Я. Берковского об этом писал, например, Б. Я. Бухштаб (Ф. И. Тютчев // Ф. И. Тютчев. Указ. изд. С. 27–35).

¹⁹ М. Ф. Мурьянов. О сложных прилагательных у Пушкина и Тютчева // Philologica. 1997. Т. IV. С. 148–151. Нашел Мурьянов и еще один пример употребления эпитета ‘donnerbrausend’ в старом немецком переводе Гесиода (Theog. 815: ἐρι-σιάραυος).

²⁰ Образования эти находятся в русле русско-греческих лексических калек, но сказалось и влияние немецкого неогуманизма.

²¹ Подвариант “(невольно) пролила — и засмеялась происшедшему” предполагает временное соотношение, которое надо было бы выразить не так, как сказалось у Тютчева.

²² Ср. различные толкования слов “не смываю” в стихотворении Пушкина “Воспоминание”: “...И горько жалуюсь, и горько слезы лью / Но строк печальных не смываю”. С. М. Бонди (кажется, правильно) понимал “не смываю” в духе, противоположном тому, который мы только что обосновали для “пролила” у Тютчева: в “Весенней грозе” речь идет о намеренном действии, а у Пушкина “не смываю” — не зависящий от воли результат: герой льет горячие слезы, а строки на свитке жизни не смываются. Напротив, Л. В. Щерба считал, что “не смываю” в пушкинских стихах означает “предпочитаю оставить как есть” (см.: Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 33–34).

AD ABSURDUM!

Публикуем подлинные ответы, которые были даны учениками пятых-шестых классов одной из американских воскресных школ в тестах и проверочных работах по истории. Эти ответы собирались двумя учителями в течение трех лет. Грамматика и орфография оригиналов сохранена. За идею публикации и предоставление материала редакция благодарит Х. Б. Корзакову (Иерусалим).

The Greeks were a highly sculptured people, and without them we wouldn't have history. The Greeks also had myths. A myth is a young female moth.

Socrates was a famous old Greek teacher who went around giving people advice. They killed him. He later died from an overdose of wedlock, which is apparently poisonous. After his death, his career suffered a dramatic decline.

In the first Olympic games, Greeks ran races, jumped, hurled biscuits, and threw the java.

Gajus Julius Caesar extinguished himself on the battlefields of Gaul. The Ides of March murdered him because they thought he was going to be made king. Dying, he gasped out: "Same to you, Brutus".

Ancient Egypt was old. It was inhabited by gypsies and mummies who all wrote in hydraulics. They lived in the Sarah Dessert. The climate of the Sarah is such that all the inhabitants have to live elsewhere.

Moses led the Hebrew slaves to the Red Sea where they made unleavened bread, which is bread made without any ingredients. Moses went up on Mount Cyanide to get the ten commandos. He died before he ever reached Canada but the ten commandos made it.

Solomon had three hundred wives and seven hundred porcupines. He was actual hysterical figure as well as being in the Bible.

Joan of Arc was burnt to a steak and was canonized by Bernard Shaw for reasons I don't really understand. The English and French still have problems. Elizabeth was the *Virgin Queen*. As a queen she was a success. When she exposed herself before her troops they all shouted "hurrah!" and that was the end of the fighting for a long while.

It was an age of great inventions and discoveries. Gutenberg invented removable type and the Bible. Another important invention was the circulation of blood.

Sir Walter Raleigh is a historical figure because he invented cigarettes and started smoking.

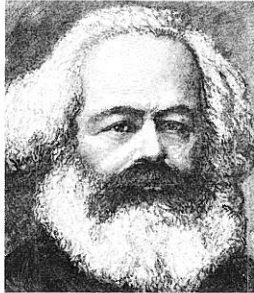
Sir Francis Drake circumcised the world with a 100 foot clipper which was very dangerous to all his men.

The greatest writer of the Renaissance was William Shakespeare. He was born in the year 1564, supposedly on his birthday. He never made much money and is famous only because of his plays. He wrote tragedies, comedies, and hysterectomies, all in Islamic pentameter. *Romeo and Juliet* are an example of a heroic couple. They lived in Italy. Romeo's last wish was to be laid by Juliet but her father was having none of that that I'm sure. You know how Italian fathers are. Writing at the same time as William Shakespeare was Miguel Cervantes. He wrote *Donkey Hote*. The next great author was John Milton. Milton wrote *Paradise Lost*. Since then no one ever found it.

Delegates from the original 13 states formed the Contented Congress. Thomas Jefferson, a Virgin, and Benjamin Franklin were two singers of the *Declaration of*

Independence. Franklin discovered electricity by rubbing two cats backward and also declared: "A horse divided against itself cannot stand". Franklin died in 1790 and is still dead. Abraham Lincoln became America's greatest Precedent. Lincoln's mother died in infancy, and he was born in a log cabin, which he built with his own hands. Abraham Lincoln freed the slaves by signing the *Emasculation Proclamation*. On the night of April 14, 1865, Lincoln went to the theater and got shot in his seat by one of the actors in a moving picture show. They believe the assassin was John Wilkes Booth, a supposing insane actor. This ruined Booth's career.

Johan S. Bach wrote a great many musical compositions and had a large number of children. In between he practiced on an old spinster, which he kept up in his attic. Bach died from 1750 to the present. Bach was the most famous composer in the world and so was Handle. Handle was half German, half Italian, and half English. He was very large. Beethoven wrote music even though he was deaf. He was so deaf that he wrote loud music and became the father of rock and roll. He took long walks in the forest even when eve-

ryone was calling for him. Beethoven expired in 1827 and later died for this.

The nineteenth century was a time of a great many thoughts and inventions. People stopped reproducing by hand and started reproducing by machine. The invention of the steamboat caused a network of rivers to spring up. Louis Pasteur discovered a cure for rabbits but I don't know why he did it.

Karl Marx was one of the Marx Brothers. The other three were in the movies. Karl made speeches and started revolutions. Someone in the family had to have a job, I guess.

Charles Darwin was a naturalist. He sort of said God's days were not just 24 hours but without watches who knew anyhow? I don't get it.

Madman Curie discovered radio. She was the first woman to do what she did. Other women have become scientists since her but they didn't get to find radios because they were already taken.

ИЗ РЕДАКЦИОННОГО АРХИВА

Paedagogus et ursus

Fabula Phaedriana

Magistrum dominus quidam, Gallum origine,
Gnato conduxit; hunc eludere dum studet,
Ad se vocari iussit illam in cellulam,
Ubi ursum alebat immanem, salsus male,
Catena vinctus qui terreret hospites.
Magister, ludi nescius, imperium tulit:
Venit. Tum ianua clausa est; fremuit belua,
Inexpectatas epulas iam sibi gratulans,
Hominique incurrit. Gallus minime territus
Paulum est moratus, dum illa adiret comminus,
Dein subito e gremio depromens pistolium
Ictu felici saevam prostravit feram.

Fabella ineptos irrisores admonet,
Nam dominus operam et ursum perdidit simul.

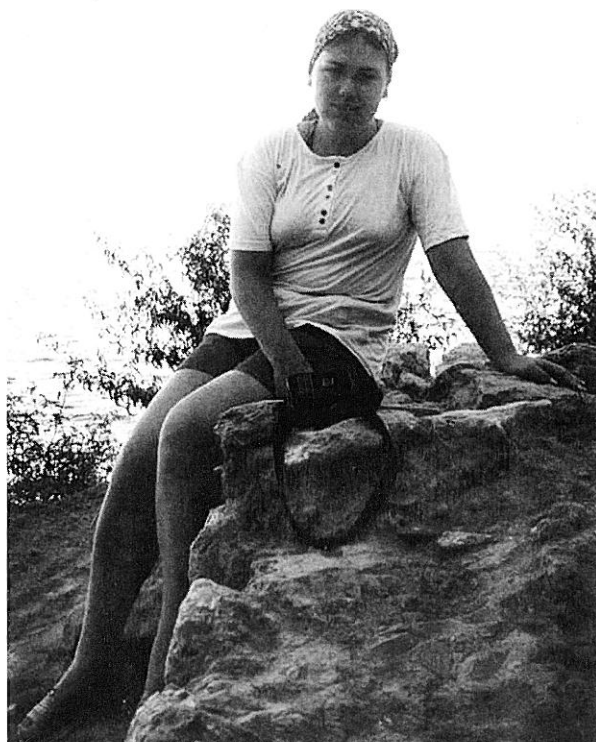
V. Z.

Посвящение Сильвану

(CIL XII, 103)

Эта посвятельная надпись богу Сильвану, в соответствии с традициями жанра сочетающая в себе благодарность, просьбу и обет, была найдена в современном городе Эм (римская Аксима) в Савойских Альпах. Как явствует из подписи, посвящение сделано неким Титом Помпонием Виктором, прокуратором Греческих Альп во II в. н. э. Не исключено, что Помпонию принадлежат и сами стихи — или, по крайней мере, они были написаны по его заказу.

Silvane, sacra semicluse fraxino
 et huius alti summe custos hortuli,
 tibi hasce grates dedicamus musicas,
 quod nos per arva perque montes Alpicas
 tuique luci suave olentis hospites,
 dum ius guberni remque fungor Caesarum,
 tuo favore prosperanti sospitas.
 Tu me meosque reduces Romam sistito
 daque Itala rura te colamus praeside:
 ego iam dicabo mille magnas arbores.

Сильван, высокой рощи сей хранитель,
 Чей образ высечен в священном древе, повелитель,

В знак благодарности за то, что ты меня оберегал,
 Пока я суд вершил и Цезарей налоги собирал,

Среди полей, среди гор альпийских,
 Среди душистых рощ, чужих, не италийских,

За то, что у тебя в гостях не чувствовал себя я одиноким,
 Мой покровитель, я тебе дарю эти строки.

Мне и друзьям моим, спешащим к дому, дай благословенье,
 Обратнo в Рим верни, чтоб оживить Италии селенья.

Об этом я тебя прошу и взор свой к небу обращаю —
 За мной же тысяча больших деревьев, обещаю.

Перевод Дарьи Кулешовой, 11 класс

О Сильван, сокрытый в ясене до пояса,
Сада этого высокого великий страж,
Средь полей и гор альпийских мой хранитель ты,
Гость я роц твоих, исполнен благодарности.
И пока я суд вершу во имя Цезарей
И забочусь о богатстве императорском,
Ты даришь меня своею благосклонностью.
Возврати же нас, Сильван, в Рим невредимыми
И позволь нам землю вспахивать в Италии —
Посажу я в честь твою деревьев тысячу.

Перевод Анны Сысоевой, 8 класс

Парков наших охранитель,
В падуб вправленный болван,
Грозный бог, чащобный житель,
Будь здоров, старик Сильван!

Твой насельник, я, признаться,
Забывал тебя, прости —
Трудно в Альпах умудряться
Пользу Цезарей блюсти.

Но пока судил я галлов,
Ты меня от них берег;
Так прими же запоздалый
Дар прощальный — пару строк.

Охрани в пути неблизком,
Дай семье добраться в Рим,
К милым пашням итальяским,
К древним пажитям твоим.

Пилигрим домой вернется,
И тогда, клянусь, вовек
В лес к тебе не заберется
Святотатец-дровосек.

Перевод М. М. Позднева

Сильван, о полужаключенный в ясене
Верховный страж высокогорной роц сей,
Тебе стихами благодарность приношу,
За то, что здесь в горах альпийских ты меня,
Пришедшего гостить в твой ароматный сад,
Пока я правлю суд да дело Цезарей,
Хранишь всегда своим расположением.
Доставь меня с моей семьей обратно в Рим
И дай вернуться к земледелию — тогда
Деревьев тысячу я посажу тебе.

Перевод Дмитрия Кобака, выпуск 2000 г.

Наполовину скрытый в дивном ясене,
О бог Сильван, хранитель виноградника,
Прими вот эти вирши благодарные —
За то, что меж Альпийских гор отрогами,
Под кровом роц ли благоухающей,
В заботах царской службы, правосудия
Твоей живу рачительной опекою.
Даруй мне в Рим благое возвращение,
Суди опять пахать поля Италии —
Дремучие тебе леса я выращу.

Перевод А. Ю. Енбековой

Странствия Эльдада а-Дани

Я хочу рассказать о еврейском путешественнике конца IX в. Эльдаде бен Махли, более известном как Эльдад а-Дани, или Данит. Я заинтересовался им в 2003 г. в зимней школе по иудаике в Стрельне, прослушав цикл лекций об Эльдаде Д. О. Васютинской.

Эльдад а-Дани, как я буду его называть, был загадочной личностью даже для своих современников. Когда после своего путешествия он объявился в г. Кайруане на севере Африки, сефардские евреи, изумленные его рассказами, послали письмо вавилонскому гаону (т. е. раввину, возглавлявшему Вавилонскую академию) с вопросом: стоит ли верить тому, что говорит пришлец? “Этот Эльдад Данит, — писали они, — ни одного слова не понимает на языке кушитов и языке исмаильтян [т. е. арабов], а знает только один священный язык, на котором и говорит. В этом языке, однако, встречаются у него слова, которых мы никогда не слыхали: например, голубя он называет *тинтр*, птицу *рикот*, перец *дармош*. Подобных слов из его уст мы записали много и таким образом: бывало, покажем ему вещь, и он называет нам ее на священном языке, что мы тут же записываем; через некоторое время опять спрашиваем у него название той же вещи и получаем то же самое слово в ответ”. Далее Данит появляется в Тагорте (Берберия), откуда отбывает в Испанию. “Во дни наших предков, — писал из Кордовы хазарскому царю Иосифу Хасдай ибн Шапрут, испанский врач и министр при Омейядских халифах Абдаррахмане III (911–962) и Аль-Хакиме II (961–976), —

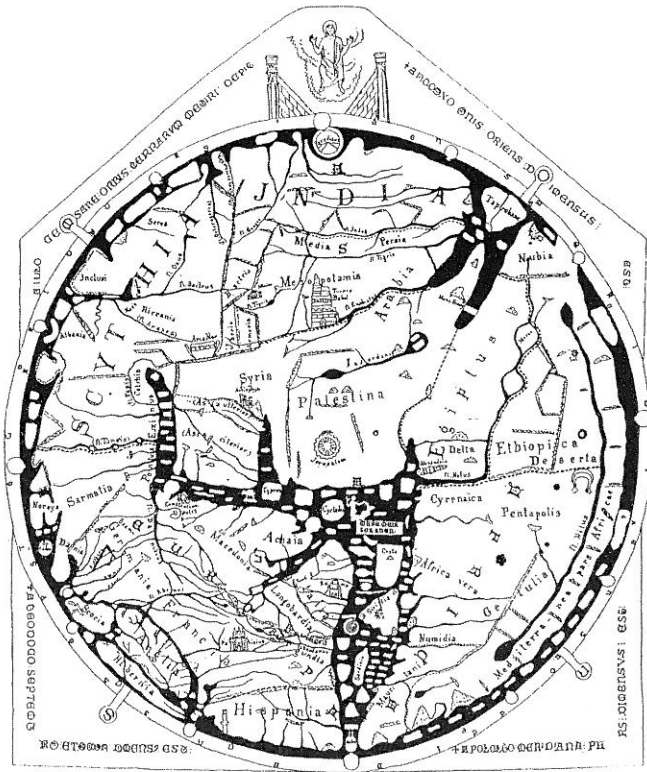
попал к нам один иудей, умный в речах, который говорил, что происходит из колена Дана, и доводил свою родословную до Дана, сына Иакова. Он говорил хорошим языком и называл имена каждой вещи на священном языке. Ничего не было от него скрыто...”

Приключения нашего героя описаны в “Книге Эльдада а-Дани”. Списков этой книги сохранилось около двадцати, и подчас они серьезно различаются по содержанию и стилю. В этом очерке я использую русские переводы двух версий книги Эльдада: один из них был выполнен в 1881 г. П. В. Марголиным по тексту константинопольского издания 1516 г. (перепечатан в кн.: Три еврейских путешественника. Иерусалим; Москва, 2004. С. 14–55), а другой, пока не опубликованный, принадлежит Д. О. Васютинской и цитируется с ее любезного разрешения.

Итак, Эльдад и его товарищ из колена Ашера решили “заняться с приезжими продажей и покупкой платья”. Перейдя через “реки Куша”, друзья пустились в плавание, но потерпели кораблекрушение; из всей команды уцелели лишь они двое, сумев ухватиться за какую-то доску. Море принесло их в страну черных эфиопов, где тучного друга Эльдада сразу съели, а его самого, измотанного морской болезнью, посадили на цепь и пытались откармливать тrefной пищей, от которой он мужественно отказывался. Так продолжалось “долгое время”, пока на черных эфиопов не напало племя “нечестивцев и огнепоклонников”. Пробыв с ними четыре года (по другой версии текста — четыре дня), Эльдад был приведен в некую страну Цин (возможно, сокращение, и речь идет о “Стра-

Вид Кордовы VIII в.

Карта мира. Ок. 1280 г.

не праведнейших”), где его выкупил еврей-торговец из колена Иссахар — одного из десяти колен Израилевых, которые не вернулись домой после вавилонского пленения и в иудейской традиции считались “потерянными”. Этот торговец привел Эльдада в свою землю. Мы узнаем, что евреи из колена Иссахар живут в горах Тихамы и Паран под властью Мидии и Персии; они говорят на иврите и на фарси, и у них есть судья по имени Нахшон. Иссахарские купцы доходят “до горы Евфрата и занимаются торговлей”. Эльдад рассказывает и о других потерянных коленах: так, колена Зевулону живет в горах Паран; эти племена знают Тору, Талмуд, Мишну и Аггаду. Недалеко оттуда, в горах напротив Мекки, живет колена Эфраима и половина колена Менаше. Другая половина этого колена, а также колена Шимона живут “в стране халдеев” (по другой версии текста — “в хазарской земле”), в шести месяцах пути от Иерусалима.

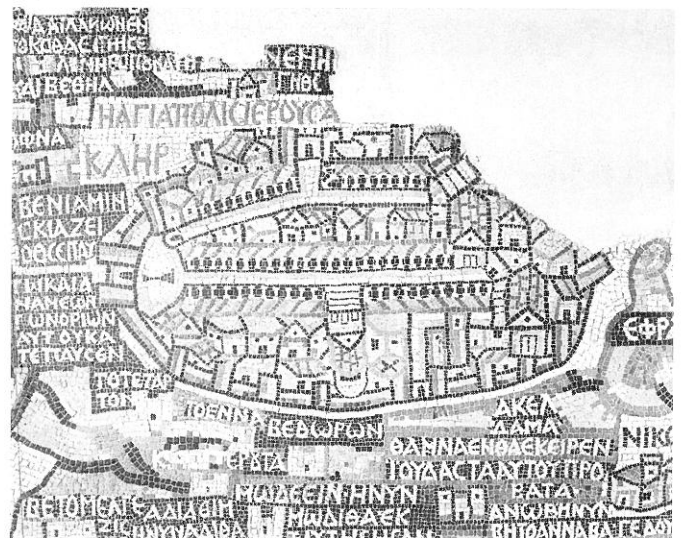
После этого Эльдад излагает историю потерянного колена Дана, представителем которого он себя называет (эта часть его рассказа основана на 4-й Книге Царств, 17:6–18; 18:11–12). Колена Дана, как и еще три потерянных колена — Реувен, Нафтали и Ашер, — обитает “в древней Хавиле: это хорошие места в царстве Парвайим”. Эльдад описывает их государственное устройство и быт; в качестве иллюстрации приведем две цитаты: “[Эти племена живут] в великолепных домах, роскошных зданиях и крепостях, а в дни радости тренируют для себя слонов” (речь, конечно, идет о слонах, однако не ясно, понимал ли это сам автор); “Есть у них шесть источников, которые сливаются в одно озеро, от-

куда они орошают всю свою землю; в озере быстро размножается ритуально чистая рыба, река же несет грохочущие камни и песок шесть рабочих дней, а в седьмой день отдыхает и покоится до исхода субботы”. Царя их зовут Уззиэль, а великого князя — Элицафон, из сынов Оголиава из колена Дана. Никто не может видеть эти четыре колена, кроме колен, живущих за рекой Куш, но есть место, где они могут переговариваться, — некая река Самбатйон.

На этом рассказ о странствиях Эльдада обрывается (книга завершается его родословной), но из уже упоминавшихся свидетельств явствует, что он проследовал северным берегом Африки, а затем переправился в Испанию. Дальше следы Эльдада теряются.

Некоторые географические названия в тексте книги Эльдада поддаются идентификации, хотя и предположительной. Так, горы Тихамы, по-видимому, находятся на юго-западе Аравийского полуострова (я нашел на карте область с таким же названием, однако она лежит на побережье). Не исключено, что имеются в виду горы Асир; впрочем, “Тихама” может быть и знаменитыми Горами Мрака — по еврейским народным верованиям, за этими горами, как и за рекой Самбатйон, живут мертвые. Горы Паран упоминаются в Книге Бытия (14:6); на карте Синайского полуострова я нашел пустыню Паран. Реку Куш мне отыскать не удалось, но страна Куш лежала либо южнее Египта, либо на западе Аравии. Хавила — это, возможно, страна хавлотаев на границе Каменистой и Счастливой Аравии; что до страны Парвайим, то она располагалась либо на Евфрате, либо на юге Аравии: из этой страны царю Соломону привозили золото для постройки Храма.

Как видим, большинство топонимов в книге Эльдада указывают на юг и юго-запад Аравийского полу-

Иерусалим

Фрагмент мозаичной карты из Мадабы (Иордания). VI в.

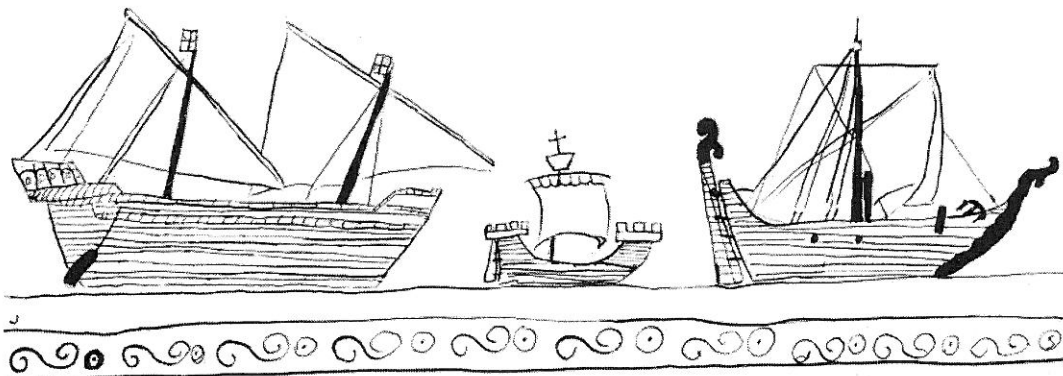
острова. Конечно, ни в коем случае нельзя считать, что Эльдад описывает реальные события — это видно уже по тому, что он смешивает географические названия разных эпох. Основным “географическим справочником” Эльдаду служила Тора. Это и неудивительно: для средневекового еврея Тора была книгой, данной от Бога и вмещающей всю мудрость мира, книгой, каждое слово которой надлежит неукоснительно исполнять; лишь соблюдая законы Торы, евреи смогли не раствориться среди других, чужих им народов.

При всей своей фантастичности рассказ Эльдада представляется не лишенным определенной реальной пододелки. Конечно, известие о том, что потерянные десять колен Израилевых наконец нашлись, само по себе неправдоподобно (хотя бы потому, что они скорее всего и не пропадали: когда пленение закончилось и Кир отпустил евреев из Вавилона, назад вернулось лишь небольшое их число, а прочие остались в Вавилоне и постепенно ассимилировались). Однако Эльдад мог принять за потерянные колена действительно существовавших эфиопских евреев: в Эфиопии было довольно много аборигенов, исповедовавших иудаизм,

которого чтут законы Торы, произвело на испанских евреев такое впечатление? Дело в том, что Хасдай посчитал хазар потомками одного из пропавших колен — а ведь воссоединение всех двенадцати колен должно было предшествовать приходу Мессии! Точно таким же образом свидетельство Эльдада о потерянных коленах наводило его слушателей на мессианские мысли, и сам он не мог не осознавать этого.

Эльдад не был ни единственным, ни первым евреем, предрекавшим скорый приход Мессии (более того, еврейская история знает немало самых настоящих лжемессий — от Бар-Кохбы во II в. до Шабтая Цви в XVII в.). В средние века мессианская идея получила особенное распространение: в эту эпоху за пропавшие колена принимали не только хазар, но и упоминавшихся выше эфиопских евреев, и даже монголов.

Итак, Эльдад, скорее всего, столкнулся во время путешествия по Востоку с племенами йеменских и эфиопских евреев, чья культура была ему совершенно незнакома, и принял их за пропавшие колена; свидетельствуя об этом, он для большей достоверности объявил себя самого представителем колена Дана. Одна-

который одно время даже был государственной религией этой страны.

Куда больше интригует то обстоятельство, что Эльдад выдавал себя за выходца из колена Дана. В самом деле, Эльдад не говорит, что *нашел* потерянные колена; он просто утверждает, что эти колена *существуют* и сам он принадлежит к одному из них.

Осмыслить этот факт помогает другой отрывок из уже упоминавшегося письма Хасдая ибн Шапрута хазарскому царю Иосифу: “Еще одна удивительная просьба есть у меня к моему господину: чтобы он сообщил своему рабу, есть ли у вас [какое-либо] указание касательно подсчета [времени] «конца чудес», которого мы ждем уже вот столько лет, переходя от пленения к пленению и от изгнания к изгнанию. <...> Когда они [т. е. испанские евреи] услышали о моем господине царе, о мощи его царства и множестве его войск, они пришли в изумление. Узнав об этом, мы подняли голову, наш дух ожил и наши руки окрепли.” Почему известие о хазарском государстве, жители

ко у этой теории есть свои минусы, и главный из них — то, как Эльдад относится к евреям из уцелевших колен Беньямина и Иегуды. “Мы в нашей земле, — не без гордости заявляет он, — говорим, что у нас есть традиция, а вы, *сыны изгнания*, племя Иегуды и племя Беньямина, рассеяны в оскверненной стране, под властью идолопоклонников — римлян, которые разрушили Храм Господа нашего, и греков с исмаильтянами, да вонзится их меч в их же сердце и да разломятся их луки”. Это — взгляд не изнутри, а со стороны, и Эльдад последовательно подчеркивает свою отъединенность от тех, к кому обращается. Именно “позиция постороннего”, занимаемая автором “Книги Эльдада а-Дани”, и является, наверное, самым загадочным элементом этой последней.

Благодарим Х. Б. Корзакову (Иерусалим) за помощь в редакционной обработке этого материала.

Фото: В. М. Ярош

Рисунок Сергея Сыромолота, 5 класс

Выпуск 2003 г.

1. Амелина Анна – СПбГУ, медицинский факультет
2. Волкова Анна — СПбГУ, филологический факультет, итальянское отделение
3. Графов Павел — Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет, факультет компьютерных технологий и информатики
4. Григорьева Елена — СПбГУ, географический факультет
5. Казакова Елена — СПбГУ, экономический факультет; Музыкальная академия им. М. П. Мусоргского, фортепьянное отделение
6. Кокотин Слава — СПбГУ, биолого-почвенный факультет
7. Колбатов Владимир — СПбГУ, филологический факультет, отделение матлингвистики
8. Колосов Вадим — СПбГУ, химический факультет
9. Комовкина Екатерина — СПбГУ, филологический факультет, отделение теории языкознания
10. Кузьмина Марина — Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет, факультет экономики и управления на транспорте
11. Курова Евгения — Северо-Западная академия государственной службы
12. Лучин Никита — Санкт-Петербургский государственный Горный институт, экономический факультет
13. Мартынов Владислав — Университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича
14. Марусова Екатерина — СПбГУ, медицинский факультет
15. Минаев Савва — СПбГУ, филологический факультет, отделение теории языкознания
16. Минаков Сергей — СПбГУ, психологический факультет
17. Минина Алина — СПбГУ, филологический факультет, русское отделение
18. Молчанов Александр — СПбГУ, филологический факультет, отделение матлингвистики
19. Морозов Всеволод — СПбГУ, факультет социологии
20. Полидорова Надежда — СПбГУ, филологический факультет, отделение прикладной информатики в области искусств и гуманитарных наук
21. Попова Инна — СПбГУ, филологический факультет, отделение классической филологии

СПИСОК ВЫПУСКНИКОВ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ГИМНАЗИИ

22. Пылаева Елена — СПбГУ, филологический факультет, немецкое отделение
23. Романова Ольга — Санкт-Петербургский государственный технический университет, физико-механический факультет
24. Рыжакова Мария — Санкт-Петербургский государственный технический университет, инженерно-строительный факультет
25. Сеферян Манас — Санкт-Петербургский государственный технический университет, факультет технической кибернетики
26. Смирнова Светлана — Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет, институт регионального управления
27. Соколов Василий — Санкт-Петербургский государственный технический университет, факультет управления и информационных технологий
28. Соломатина Тамара — Санкт-Петербургский институт иудаики, филологический факультет
29. Тхазаплизев Владислав — Санкт-Петербургский государственный технический университет, факультет технической кибернетики
30. Шалаев Никита — Смольный институт свободных искусств и наук

АНТИЧНЫЙ КАБИНЕТ
BIBLIOTHECA CLASSICA

Фото: В. М. Яров

ΠΟΠΕΧΙΤΕΛΗΣΚΙΙ ΣΟΒΕΤ

- ΑΛΕΞΑΝΔΡΟС** Даниил Александрович — профессор Европейского университета, директор программы фонда Спенсера по исследованию образования
- ΑΛΕΞΕΕВ** Михаил Алексеевич — кандидат физико-математических наук, директор по развитию НИУ “Институт государственных закупок”
- ΒΑΙΒΟΥΡΙΝ** Альберт Кашфуллович — доктор исторических наук, профессор, декан факультета этнологии Европейского университета
- ΒΟΡΙΣΟΒΑ** Ася Львовна — генеральный директор антикварно-ювелирного дома “Ретро”
- ΒΑΒΙΛΟУ** Николай Александрович — доктор физико-математических наук, профессор кафедры алгебры и теории чисел математико-механического факультета СПбГУ
- ΒΑΧΤΙΝ** Николай Борисович — доктор филологических наук, профессор, ректор Европейского университета
- ΒΕΡΒΙЩКАЯ** Людмила Алексеевна — доктор филологических наук, профессор, ректор СПбГУ
- ΓΑΒΡΙΛΟУ** Александр Константинович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института российской истории РАН, руководитель *Bibliotheca classica Petropolitana*
- ΔΟΥΡΟУ** Валерий Семенович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой классической филологии СПбГУ
- ΕΛΟΕΒΑ** Фатима Абисаловна — доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания СПбГУ
- ΖΟΥРΒΙΝ** Алексей Александрович — генеральный директор ЗАО “Институт «Строй-проект»”
- ΚΟΠΟСΟУ** Николай Евгеньевич — доктор исторических наук, профессор, декан Смольного института свободных искусств и наук
- ΝΙΚΙΤΙΝ** Алексей Витальевич — президент холдинга “Эвклид”
- ΠΙΟТРОВСКИЙ** Михаил Борисович — член-корреспондент РАН, директор Государственного Эрмитажа
- ΡΕΖУΑΝ** Ефим Анатольевич — доктор исторических наук, заместитель по научной работе директора Института этнографии РАН
- САТАΕΒΑ** Елена Юрьевна — главный редактор издательства “Крылов”
- ΤΙΚΤΙΝСКИЙ** Эдуард Саульевич — генеральный директор холдинга RVI
- ΦΟΥРСΕΝΚΟ** Александр Александрович — действительный член РАН, академик-секретарь отделения истории Президиума РАН, заведующий отделом всеобщей истории Санкт-Петербургского института истории РАН
- ΧΑΚΑΜΑΔΑ** Ирина Муцуовна — общественный деятель, лидер Демократической партии “Свободная Россия”
- ΣΑΧΝΟУИЧ** Марианна Михайловна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии религии и религиоведения СПбГУ

